

АЙЗЕК АЗИМОВ

Я, РОБОТ

Название: Я – робот
Рейтинг:
Автор: Айзек Азимов
Жанр: Фантастика
Количество страниц: 117
Язык книги: Русский
Серия: 1001 Книга

Аннотация к книге: «Я – робот»

«Я, робот» — это собранные под одним переплетом знаменитые рассказы, которые можно смело назвать классикой высшей пробы. Их читали и перечитывали наши отцы, читаем мы, будут перечитывать наши дети, потому что классика живет вечно

Айзек Азимов

Я – робот

3 закона роботехники

Я посмотрел свои заметки, и они мне не понравились. Те три дня, которые я провел на предприятиях фирмы «Ю С. Роботе», я мог бы с таким же успехом просидеть дома, изучая энциклопедию.

Как мне сказали, Сьюзен Кэлвин родилась в 1982 году. Значит, теперь ей семьдесят пять. Это известно каждому. Фирме «Ю С. Роботе энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» тоже семьдесят пять лет. Именно в тот год, когда родилась доктор Кэлвин, Лоуренс Робертсби основал предприятие, которое со временем стало самым необыкновенным промышленным гигантом в истории человечества. Но и это тоже известно каждому.

В двадцать лет Сьюзен Кэлвин присутствовала на том самом занятии семинара по психоматематике, когда доктор Альфред Лэннинг из «Ю. С. Роботс» продемонстрировал первого подвижного робота, обладавшего голосом. Этот большой, неуклюжий, уродливый робот, от которого разило машинным маслом, был предназначен для использования в проектировавшихся рудниках на Меркурии. Но он умел говорить, и говорить разумно.

На этом семинаре Сьюзен не выступала. Она не приняла участия и в последовавших за ним бурных дискуссиях. Мир не нравился этой малообщительной, бесцветной и неинтересной девушке с каменным выражением и гипертрофированным интеллектом, и она сторонилась людей.

Но, слушая и наблюдая, она уже тогда почувствовала, как в ней холодным пламенем загорается увлечение.

В 2005 году она окончила Колумбийский университет, в поступила в аспирантуру по кибернетике.

Изобретенные Робертсоном позитронные мозговые связи превзошли все достигнутое в середине XX века в области вычислительных машин и совершили настоящий переворот. Целые мириад реле и фотоэлементов уступили место пористому платиноиридиевому шару размером с человеческий мозг.

Сьюзен научилась рассчитывать необходимые параметры, определять возможные значения переменных позитронного «мозга» и разрабатывать такие схемы, чтобы можно было точно предсказать его реакцию на данные раздражители.

В 2008 году она получила степень доктора и поступила на «Ю. С. Роботс» в качестве робопсихолога, став, таким образом, первым выдающимся специалистом в этой новой области науки. Лоуренс Робертсон тогда все еще был президентом компании, Альфред Лэннинг – научным руководителем.

За пятьдесят лет на глазах Сьюзен Кэлвин прогресс человечества изменил свое русло и рванулся вперед.

Теперь она уходила в отставку, – насколько это вообще было для нее возможно. Во всяком случае, она позволила повесить на двери своего старого кабинета табличку с чужим именем.

Вот, собственно, и все, что было у меня записано. Были еще длинные списки ее печатных работ, принадлежащих ей патентов, точная хронология ее продвижения по службе, – короче, я знал до мельчайших деталей всю ее официальную биографию.

Но мне было нужно другое. Серия очерков для «Интерплэнегери Пресс» требовала большего. Гораздо большего.

Я так ей и сказал.

– Доктор Кэлвин, – сказал я, – для публики вы и «Ю. С. Роботс» – одно и то же. Ваша отставка будет концом целой эпохи.

– Вам нужны живые детали?

Она не улыбнулась. По моему, она вообще никогда не улыбается. Но ее острый взгляд не был сердитым. Я почувствовал, как он пронизал меня до самого затылка, и понял, что она видит меня насквозь. Она всех видела насквозь. Тем не менее, я сказал.

– Совершенно верно.

– Живые детали о роботах? Получается противоречие.

– Нет, доктор. О вас.

– Ну, меня тоже называют роботом. Вам, наверное, уже сказали, что во мне нет ничего человеческого.

Мне это действительно говорили, но я решил промолчать.

Она встала со стула. Она была небольшого роста и выглядела хрупкой.

Вместе с ней я подошел к окну.

Конторы и цеха «Ю. С. Роботс» были похожи на целый маленький, правильно распланированный городок. Он раскинулся перед нами, плоский, как аэрофотография.

– Когда я начала здесь работать, – сказала она, – у меня была маленькая комнатка в здании, которое стояло где-то вон там, где сейчас котельная. Это здание снесли, когда вас не было на свете. В комнате сидели еще три человека. На мою долю приходилось полстола. Все наши роботы производились в одном корпусе. Три штуки в неделю. А посмотрите сейчас!

– Пятьдесят лет – долгий срок. – Я не придумал ничего лучше этой избитой фразы.

– Ничуть, если это ваше прошлое, – возразила она. – Я думаю, как это они так быстро пролетели.

Она снова села за стол. Хотя выражение ее лица не изменилось, но ей, по моему, стало грустно.

– Сколько вам лет? – поинтересовалась она.

– Тридцать два, – ответил я.

– Тогда вы не помните, каким был мир без роботов. Было время, когда перед

лицом Вселенной человек был одинок и не имел друзей. Теперь у него есть помощники, существа более сильные, более надежные, более эффективные, чем он, и абсолютно ему преданные. Человечество больше не одиноко. Вам это не приходило в голову?

– Боюсь, что нет. Можно будет процитировать ваши слова?

– Можно. Для вас робот – это робот. Механизмы и металл, электричество и позитроны Разум, воплощенный в железе! Создаваемый человеком, а если нужно, и уничтожаемый человеком. Но вы не работали с ними, и вы их не знаете. Они чище и лучше нас.

Я попробовал осторожно подзадорить ее.

– Мы были бы рады услышать кое что из того, что вы знаете о роботах, что вы о них думаете «Интерплэнетери Пресс» обслуживает всю Солнечную систему. Миллиарды потенциальных слушателей, доктор Кэлвин! Они должны услышать ваш рассказ.

Но подзадоривать ее не приходилось. Не слушая меня, она продолжала.

– Все это можно было предвидеть с самого начала. Тогда мы продавали роботов для использования на Земле – это было еще даже до меня. Конечно, роботы тогда еще не умели говорить. Потом они стали больше похожи на человека, и начались протесты. Профсоюзы не хотели, чтобы роботы конкурировали с человеком; религиозные организации возражали из-за своих предрассудков. Все это было смешно и вовсе бесполезно. Но это было.

Я записывал все подряд на свой карманный магнитофон, стараясь незаметно шевелить пальцами. Если немного попрактиковаться, то можно управлять магнитофоном, не вынимая его из кармана.

– Возьмите историю с Робби. Я не знала его. Он был пущен на слом как безнадежно устаревший за год до того, как я поступила на работу. Но я видела девочку в музее.

Она умолкла. Ее глаза затуманились. Я тоже молчал, не мешая ей углубиться в прошлое. Это прошлое было таким далеким!

– Я услышала эту историю позже. И когда нас называли создателями демонов и святотатцами, я всегда вспоминала о нем. Робби был немой робот. Его выпустили в 1996 году, еще до того, как роботы стали крайне специализированными, и он был продан для работы в качестве няньки.

– Кого?

– Няньки...

Робби

– Девяносто восемь... девяносто девять... сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой она закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в заросли кустов справа от нее, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени чириканье какой то неутомимой птицы, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась.

– Ну конечно, он в доме, а я ему миллион раз говорила, что это нечестно.

Плотнo сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному домику, стоявшему по другую сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот металлических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к дереву.

Глория в отчаянии закричала:

– Постой, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножки, конечно, не могли угнаться за гигантскими шагами Робби. Но в трех метрах от дерева Робби вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную жертву, принялась жестоко насмехаться над его неумением бегать.

– Робби не может бегать! – кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса. – Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, что убегает, и Глория ринулась вслед за ним. Пятясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками, хватала пустоту и, задыхаясь от хохота, кричала:

– Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял на воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту под ногами, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить свои растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась назад, чтобы посмотреть, не порвалось ли ее платье. Потом она шлепнула рукой по туловищу Робби.

– Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съежился, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

– Ну, не бойся, Робби, не нашлепаю. Но теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой – небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на туловище подобной же формы, но гораздо большем – при помощи короткого гибкого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. Тонкая металлическая пластинка опустилась на его горящие глаза, и изнутри туловища раздалось ровное гулкое тиканье.

– Смотри, не подглядывай и не пропускай счета! – предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с неизменной правильностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь загоревшиеся красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня, Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Глория была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно, Робби протянул к ней одну руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

– Ты подглядывал! – явно несправедливо воскликнула она. – И потом, мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно уселся на землю и покачал тяжелой головой. Глория немедленно изменила тон и перешла к нежным уговорам:

– Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и еще более выразительно покачал головой

– Ну, пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня!

Она крепко обняла его за шею розовыми ручками. Потом ее настроение внезапно переменялось, и она отошла в сторону.

– А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекосилось. Но жестокосердный Робби не

обратил никакого внимания на эту ужасную угрозу. Он в третий раз покачал головой. Глория решила, что нужно пустить в действие главный козырь.

– Если ты меня не покатаешь, – воскликнула она, – я больше не буду тебе рассказывать сказок, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно поднял девочку на свои широкие плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно испарились, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая «кожа» Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру в 21 градус, была приятной на ощупь, а барабаны пятками по его груди, можно было извлечь восхитительно громкие звуки.

– Ты самолет, Робби. Ты большой серебристый самолет. Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он – серебристым самолетом. Глория резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором: «Б-р-р-р-р», а потом и пушками: «Пу! Пу-пу-пу!» За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

– Готов еще один... Еще двое!.. – кричала она.

Потом Глория важно произнесла:

– Скорее, ребята! У нас кончаются боеприпасы!

Она неустрашимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупоносый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через поляну к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница вскрикнула, и вывалил ее на мягкий зеленый травяной ковер.

Глория, задыхаясь, восторженно шептала:

– Ой, как здорово!..

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул за торчавшую прядь волос.

– Ты чего-то хочешь? – спросила Глория, широко раскрыв глаза в наигранном недоумении. Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную «няньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

– А, знаю. Ты хочешь сказку.

Робби быстро закивал головой.

– Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

– Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надоела? Это же сказка для маленьких!

Железный палец снова описал полукруг.

– Ну ладно.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

– Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. А у нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень-очень жестокие сестры...

Глория дошла до самого интересного места – уже било полночь и все снова превращалось в кучу мусора, а Робби напряженно, с горящими глазами слушал, когда их прервали.

– Глория!

Это был раздраженный голос женщины, которая звала не в первый раз и у которой нетерпение, судя по интонациям, начало сменяться тревогой.

– Мама зовет, – сказала Глория не очень радостно. – Лучше отнеси меня домой,

Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиняться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не считать воскресений (а это было как раз воскресенье), и когда он появлялся, то оказывался добродушным и сочувствующим человеком. Но мать Глории была для Робби источником беспокойства, и он всегда испытывал смутное побуждение улизнуть от нее куда-нибудь подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись из травы, и вернулась в дом, чтобы там их встретить.

– Я кричала до хрипоты, Глория, – строго сказала она. – Где ты была?

– Я была с Робби, – дрожащим голосом отвечала Глория. – Я рассказывала ему про Золушку и забыла про обед.

– Ну, жаль, что Робби тоже забыл про обед: – И, словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему. – Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову, – грубо прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

– погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

– Глория!

– Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать... то есть ничего не делать. Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

– Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка понурила голову.

– Ну ладно. Но ведь «Золушка» – его любимая сказка, а я ее не успела рассказать. Он так ее любит...

Опечаленный робот вышел, а Глория проглотила слезы.

Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение – по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно. Вкусная, обильная домашняя еда; удобный, мягкий старый диван, на котором так приятно развалиться; свежий номер «Таймса»; домашние туфли на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки – ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он был недоволен, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда ей радовался, но послеобеденный воскресный отдых был для него Священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Поэтому он устремил свой взгляд на последние сообщения об экспедиции Лефебра – Йошиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, что не заметил ее.

Миссис Вестон терпеливо подождала две минуты, потом нетерпеливо еще две и, наконец, не выдержала:

– Джордж!

– Угу...

– Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь эту газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене измученное лицо:

– В чем дело, дорогая?

– Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине...

– Какой ужасной машине?

– Пожалуйста, не прикидывайся, будто не понимаешь, о чем я говорю. Речь идет о роботе, которого Глория зовет Робби. Он не оставляет ее ни на минуту.

– Ну, а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И, во всяком случае, он – никакая не ужасная машина. Это лучший робот, какой только можно

было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой заработок. И он стоит этого – он куда умнее половины моих служащих.

Он потянулся к газете, но жена оказалась проворнее и выхватила ее,

– Слушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная она или нет. У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми смотрели всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

– Когда это ты так решила? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

– Сначала все было по-другому. Как-никак новинка, и у меня стало меньше забот, и потом, это было так шикарно... А сейчас я не знаю. Все соседи...

– Ну, при чем тут соседи? Послушай! Роботу можно бесконечно больше доверять, чем няньке. Ведь Робби был построен только с одной целью – ухаживать за маленьким ребенком. Все его «мышление» рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто устроен так. Не о каждом человеке это можно сказать.

– Но что-нибудь может испортиться. Какой-нибудь там... – Миссис Вестон запнулась: она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов. – Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная штука начнет буйствовать, и...

У нее не хватило сил закончить мысль.

– Чепуха, – возразил Вестон, невольно содрогнувшись. – Это просто смешно. Когда мы покупали Робби, мы долго говорили о Первом Законе робототехники. Ты же знаешь, что робот не может причинить вред человеку. При малейшем намеке на то, что может быть нарушен Первый Закон, робот сразу выйдет из строя. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом, у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» – он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж спатим мы с тобой. А потом, как ты собираешься отнять его у Глории?

Он потянулся к газете, но тщетно: жена швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

– В этом-то все и дело, Джордж! Она не хочет больше ни с кем играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она не желает даже подходить к ним, пока я ее не заставлю. Девочка не должна так воспитываться. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

– Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби – это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с родителями.

– Собака – совсем другое дело. Джордж, мы должны избавиться от этой ужасной вещи: Ты можешь вернуть ее компании. Я уже узнавала, это можно.

– Узнавала? Так вот, слушай, Грейс! Давай не будем решать сгоряча. Оставим робота, пока Глория не подрастет. И я больше не желаю об этом слышать.

С этими словами он в раздражении вышел.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

– Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

– Чем? – спросил Вестон. Он зашел в ванную, и оттуда послышался плеск, который мог бы заглушить любой ответ.

Миссис Вестон переждала, пока шум прекратится, и сказала:

– Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его покрасневшее лицо было сердито.

– О чем ты говоришь?

– Это началось уже давно. Я старалась закрывать на это глаза, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

– Но мы же доверяем ему своего ребенка!

– В таких делах люди не рассуждают.

– Ну и пусть идут к черту!

– Это не выход. Мне приходится встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, которое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

– Да, но они не могут запретить нам держать робота – дома. Грейс, ты, я вижу, снова устраиваешь наступление. Но это бесполезно. Ответ все тот же – нет! Робби останется у нас.

Но он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала. В конце концов, бедный Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена привела в действие все до единой уловки, которых с полным основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более щепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби остается – и конец!», и с каждым разом его голос становился все менее уверенным и сопровождался все более внятным стоном отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон с виноватым видом подошел к дочери и предложил войти посмотреть «замечательный» визивокс в поселке.

Глория радостно всплеснула руками:

– А Робби тоже можно пойти?

– Нет, дорогая, – ответил он, почувствовав отвращение к звуку своего собственного голоса. – Роботов в визивокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души, – визивокс действительно был необыкновенным зрелищем.

Она еле дождалась, пока отец поставит в подземный гараж реактивный автомобиль.

– Вот теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Фрэнсис Фрэн так ти-и-ихо пятился назад – и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! – Она снова засмеялась. – Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

– Скорее всего, нет, – рассеянно ответа Вестон. – Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Нужно было, наконец, решиться посмотреть фактам в лицо.

Глория побежала через поляну:

– Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

– Ой, какая чудная собака! – Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его. – Это мне, папа?

К ним присоединилась мать.

– Да, тебе, Глория. Смотри, какая она хорошая – мягкая, пушистая. Она очень добрая. И она любит маленьких девочек.

– А она будет со мной играть?

– Конечно. Она может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

– Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже на нее посмотрел! Робби! – Она растерянно замолчала. – Наверно, он сидит в комнате и дует на меня, почему я его не взяла с собой смотреть визивокс. Папа, тебе придется ему все объяснить. Мне он может не поверить, то уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел в сторону жены, но не мог поймать ее взгляда.

Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

– Робби! Иди, посмотри, что мне привезли папа с мамой! Они привезли собаку!

Через минуту испуганная девочка вернулась.

– Мама, Робби нет в комнате. Где он?

Ответа не было. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил живой интерес к плывущим в небе облакам. Голос Глории задрожал. Она была готова разразиться слезами.

– Где Робби, мама?

Миссис Вестон села и нежно привлекла к себе дочь.

– Не расстраивайся, Глория. По моему, Робби ушел.

– Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?

– Никто не знает, дорогая. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.

– Значит, он больше не вернется? – Ее глаза округлились от ужаса.

– Может быть, мы его скоро найдем. Мы будем искать. А тем временем ты можешь играть с новой собачкой. Посмотри! Ее зовут Молнией, и она умеет...

Но глаза Глории были полны слез.

– Не хочу я эту противную собаку – я хочу Робби! Хочу, чтобы вы нашли Робби...

Ее чувства стали слишком сильными, чтобы их можно было выразить словами, и она разразилась отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.

– Ну что ты плачешь, Глория! Робби – это всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.

– Ничего он никакая не машина! – яростно завопила Глория, забыв даже о правилах грамматики – Он такой же человек, как вы и я, и он мой друг. Хочу, чтобы он вернулся! Мама, хочу, чтобы он вернулся!

Мать вздохнула, признав свою неудачу, и оставила Глорию горевать в одиночестве.

– Пусть выплачется, – сказала она мужу. – Детское горе недолговечно. Через несколько дней она забудет о существовании этого ужасного робота.

Но время показало, что это утверждение миссис Вестон было чересчур оптимистично. Конечно, Глория перестала плакать, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Сдаться ей не позволяла только невозможность признать перед мужем свое поражение.

Однажды вечером она, кипя яростью, ворвалась в гостиную и села, скрестив руки на груди. Ее муж, вытянув шею, взглянул на нее поверх газеты.

– Что там еще, Грейс?

– Мне пришлось сегодня отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума.

Вестон опустил газету, и в его глазах зажегся огонек надежды.

– Может быть... Может быть, нам снова взять Робби? Знаешь, это вполне возможно. Я свяжусь...

– Нет! – сурово ответила она. – Я не хочу об этом слышать. Мы так легко не сдадимся. Мой ребенок не будет воспитан роботом, даже если понадобятся годы, чтобы отучить ее от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.

– Еще год – и я поседею раньше времени.

– Немного же от тебя помощи, Джордж, – последовал холодный ответ – Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь о нем напоминают каждое дерево, каждый камень. Вообще мы в самом глупейшем положении, о каком только я слыхала. Представь себе – ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!

– Ну, ближе к делу. Какую же перемену обстановки ты придумала?

– Мы возьмем ее в Нью-Йорк.
– В город! В августе! Послушай, ты знаешь, что такое Нью-Йорк в августе? Там невозможно жить!
– Но там живут миллионы людей.
– Только потому, что им некуда уехать. Иначе они бы не остались.
– Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе Глория найдет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это встряхнет ее и заставит забыть о роботе.
– О господи, – простонал супруг, – эти раскаленные улицы!
– Мы должны это сделать, – непреклонно ответила жена, – Глория похудела за последний месяц на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее, чем твои удобства.

«Жаль, что ты не додумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишить ее любимого робота», – пробормотал он... про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде в город, у нее немедленно появились признаки улучшения. Она говорила об этом событии мало, но всегда с радостным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней вернулся почти прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

– Видишь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила – нужно заинтересовать ее чем-то другим.

– Гм, – последовал скептический ответ. – Надеюсь.

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, были наняты двое местных жителей, чтобы присматривать за домом в их отсутствие. Когда, наконец, наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде, и ни разу упоминание о Робби не слетело с ее губ. Все в прекрасном настроении погрузились в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

– Иди сюда, Глория, – позвала миссис Вестон. – Я заняла место у окна, чтобы тебе все было видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как зачарованная на открывавшуюся картину. Послышался рев моторов. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее, чем обычно. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

– Мама, мы скоро будем в городе? ~ спросила она, растирая замерзший носик и с любопытством следя за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезло.

– Через полчаса, дорогая, – ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: – Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе – все эти огромные дома, и люди, и всякие интересные вещи... Мы будем каждый день ходить в визитокс, и в цирк, и на пляж...

– Да, мама, – ответила Глория без особого воодушевления.

В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена необычным зрелищем простиравшихся внизу клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало чистым, и она повернулась к матери с таинственным видом человека, знающего какой-то секрет.

– А я знаю, зачем мы едем в город!

– Да? – Миссис Вестон была озадачена. – Зачем же?

– Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю. – Она остановилась, восхищенная собственной проницательностью, а потом весело рассмеялась. – Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

Это заявление застало Джорджа Вестона как раз в тот момент, когда он пил воду. Результат был катастрофическим. Послышалось полузадушенное восклицание, за ним последовал целый фонтан воды и приступ судорожного кашля. Когда все кончилось, Джордж Вестон, раскрасневшийся и мокрый, пришел в крайнее раздражение.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но когда Глория повторила свой вопрос уже более озабоченным голосом, и ее нервы не выдержали.

– Может быть, – ответила она резко. – Неужели ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

Нью-Йорк всегда был обетованной землей для туристов и всех, кто хотел развлечься, а в 1998 году – больше, чем когда бы то ни было. Родители Глории знали это и использовали, как только могли.

По приказанию жены Джордж Вестон оставил свои дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней крайности». Как и все, что делал Вестон, это было выполнено эффективно, поделовому и исчерпывающе. Месяц еще не прошел, но было сделано все, что находилось в человеческих возможностях.

Глория побывала на верхушке Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с трепетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходивших вдаль, до самых полей Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людьми, – как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали кита. Свои сокровища предоставили к их услугам разнообразные музеи, парки, пляжи и аквариумы.

Глория плавала вверх по Гудзону на пароходе, отделанном под стиль веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо окрашивалось в пурпурно-фиолетовый цвет, на нем загорались звезды, а туманная Земля далеко внизу становилась похожа на огромную вогнутую чашу. Она погружалась на подводном корабле со стеклянными стенами в глубины пролива Лонг-Айленд, в зеленый, зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло и неожиданно, извиваясь, уплывали. Новая сказочная страна, пусть и более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были убеждены, что они сделали все возможное, чтобы заставить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что им это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, развертывавшееся перед ней, каким бы оно ни было новым и невиданным, – она немедленно забывала о нем, как только замечала хоть уголок глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной всех роботов.

Развязка наступила, наконец, в Музее науки и промышленности. Там для детей была устроена специальная выставка, на которой демонстрировались всевозможные ухищрения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, Вестоны включили эту выставку в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и Вестоны с помощью трех сотрудников музея приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория была далека от того, чтобы бесцельно бродить по музею.

Для своего возраста она была необыкновенно решительной и целеустремленной девочкой, в этом она определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромную надпись: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав ее по складам и заметив, что родители не проявляют желания идти в нужном направлении, она приняла самое простое решение. Выждав подходящий момент, когда родители отвлеклись, она спокойно покинула их и пошла туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность. Каждый час к нему пускали группу людей в сопровождении экскурсоводов. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те из них, которые инженер считал подходящими для Робота, передавались ему.

Все это было довольно скучно. Конечно, хорошо знать, что 14 в квадрате равно 196, что температура в данный момент 22,2°н, а давление воздуха – 762,508 мм ртутного столба и что атомный вес натрия 23. Но для этого нет необходимости в роботе. Особенно в такой громоздкой, совершенно непортативной массе проводов и катушек, занимавшей больше двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к Роботу во второй раз. Лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса, когда в комнату вошла Глория.

Глория даже не взглянула на нее. В этот момент люди ее почти не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесиках. На какое-то мгновение она забеспокоилась – Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела. Осторожно, с нотками сомнения в тоненьком голосе Глория начала:

– Мистер Робот, простите, пожалуйста, это вы – Говорящий Робот?

Ей казалось, что робот, который на самом деле говорит, заслуживает самой изысканной вежливости.

(На худом, некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление... Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивыми каракулями.

Послышалось маслянистое жужжание шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

– Я... робот, который... говорит.

Глория разочарованно смотрела на Робота. Действительно, он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У Робота не было лица, к которому можно было бы обращаться.

Она сказала:

– Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий Робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях.

– Я... могу... помочь... вам.

– Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

– Кто... это... Робби?

– Это робот, мистер Робот. – Она приподнялась на цыпочки. – Он примерно вот такого роста, мистер Робот, немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

– Робот?

– Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только он, конечно, не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

– Робот... как... я?

– Да, мистер Робот.

Единственным ответом Говорящего Робота было невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось бессвязными звуками. Ожидавшееся от него смелое обобщение-представление о себе не как об индивидуальном объекте,

а как о части более общей группы, – превышало его силы. Верный своему назначению, он все-таки попытался осмыслить это понятие, в результате чего полдюжины катушек перегорели. Зажужжали аварийные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сюзен Кэлвин на данную тему.)

Глория, скрывая нетерпение, ждала ответа. Вдруг девочка услышала позади себя крик: «Вот она!» – и узнала голос своей матери.

– Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! – кричала миссис Вестон, у которой тревога тут же перешла в гнев. – Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В комнату ворвался дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

– Вы что, читать не умеете? – вопил он. – Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы перекрыть шум:

– Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, он может знать, где Робби – ведь они оба, роботы.

Снова вспомнив о Робби, она разразилась горячими слезами.

– Я должна найти Робби! Мама, хочу Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:

– О господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов куда-то ушел. На следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

– У меня есть идея, Грейс.

– Насчет чего? – слышался мрачный, равнодушный ответ.

– Насчет Глории.

– Ты не собираешься предложить снова купить этого робота?

– Нет, конечно.

– Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я сделала, ни к чему, не привело.

– Так вот что мне пришло в голову. Дело в том, что Глория думает о Робби как о человеке, а не как о машине. Естественно, она не может забыть его. А вот если бы нам удалось убедить ее, что Робби – это всего-навсего куча стальных листов и медного провода, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход.

– Как ты предполагаешь это сделать?

– Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн» показать нам завтра все его владения. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория поймет, что робот – не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

– Послушай, Джордж, это неплохая идея!

Джордж Вестон гордо выпрямился.

– А у меня других не бывает! – заявил он.

Мистер Стразерс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробнейшими – пожалуй, слишком подробными – объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже несколько раз прерывала его и просила повторить некоторые объяснения как можно проще, чтобы их поняла Глория. Такая высокая оценка его повествовательных способностей приводила мистера Стразерса в благодушное настроение и делала его еще более разговорчивым, если только это было возможно. Но Вестон проявлял все растущее нетерпение.

– Извините меня, Стразерс, – сказал он, прерывая на середине лекцию о фотоэлементах. – А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

– Что? Ах, да! Конечно! – Стразерс улыбнулся миссис Вестон. – Некоторым образом заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, как правило, мы этого не практикуем. Во-первых, нам этого не позволили бы профсоюзы. Но очень небольшое количество роботов собирается руками роботов – просто в качестве научного эксперимента. Видите ли, – сняв пенсне, он похлопал им по ладони, – профсоюзы не понимают одного, – а я говорю это как человек, который всегда очень симпатизировал профсоюзному движению, – они не понимают, что появление роботов, вначале связанное с некоторыми неурядицами, в будущем неизбежно должно...

– Да, Стразерс, – сказал Вестон, – а как насчет этого участка, о котором вы говорили? Можно нам на него взглянуть? Это было бы очень интересно.

– Да, да, конечно. – Мистер Стразерс одним судорожным движением надел пенсне и в замешательстве кашлянул. – Сюда, пожалуйста.

Провожая Вестонов по длинному коридору и спускаясь по лестнице, он был сравнительно немногословен. Но как только они вошли в хорошо освещенную комнату, наполненную металлическим лязгом, шлюзы открылись, и поток объяснений полился с новой силой.

– Вот! – сказал он гордо. – Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними – они даже не находятся в этой комнате. За пять лет, с тех пор как мы начали эксперимент, не было ни единой неисправности. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но...

Для Глории голос управляющего уже давно слился в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бесцельной. Хотя кругом было много роботов, но ни один из них не был даже отдаленно похож на ее Робби, и она смотрела на них с нескрываемым презрением.

Она заметила, что в этой комнате совсем не было людей. Потом ее взгляд упал на шесть или семь роботов, выполнявших какую-то работу за круглым столом посередине комнаты. Ее глаза изумленно и недоверчиво раскрылись. Комната была слишком большой, и она не могла быть окончательно уверена в своей догадке, но один из роботов был похож... был похож... да, это был он!

– Робби!

Ее крик пронизал воздух. Один из роботов за столом вздрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. Глория пришла в неистовство от радости. Протиснувшись сквозь ограждение, прежде чем родители успели ее остановить, она легко спрыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, помчалась к своему Робби. А трое взрослых остолбенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громяхая, надвигался на Глорию.

В считанные доли секунды Вестон опомнился. Но эти доли секунды решили все. Глорию уже нельзя было догнать. Вестон мгновенно перемахнул через перила, однако это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал руками, давая знак рабочим остановить трактор. Но они были всего лишь людьми, и им нужно было время, чтобы выполнить команду.

Один только Робби действовал без промедления и точно. Делая гигантские шаги своими металлическими ногами, он устремился навстречу своей маленькой хозяйке. Дальше все произошло почти одновременно. Одним взмахом руки, ни на мгновение не уменьшив своей скорости, Робби поднял Глорию, так что у нее захватило дыхание. Вестон, не совсем понимая, что происходит, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал до тому месту, где должна была находиться Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и, заскрежетав, затормозил.

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно повернулась к Робби. Для нее произошло лишь одно – она нашла своего друга.

Но на лице миссис Вестон облегчение сменилось подозрением. Она

повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, она выглядела внушительно.

– Это ты устроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Его рука тряслась, и губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

– Робби не предназначался для работы на заводе. Ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты устроил.

– Ну, я, – сказал Вестон. – Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом, Робби спас ей жизнь – ты должна это признать. Ты не сможешь отослать его снова.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что будь на его месте существо из плоти и крови, оно бы давно задохнулось. Вне себя от счастья, девочка оживленно болтала всякую чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромированной стали и способные завязать бантиком двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а его глаза светились темно-красным светом.

– Ну, – сказала наконец миссис Вестон, – пожалуй, он может остаться у нас, пока его ржавчина не съест.

Сьюзен Кэлвин пожалала плечами.

– Конечно, до этого не дошло. Все произошло в 1998 году. К 2002 году изобрели подвижного говорящего робота, и неговорящие модели устарели. Все противники роботов восприняли это как последнюю каплю, переполнившую чашу. Между 2003 и 2007 годами большинство правительств запретило использовать роботов на Земле для любых целей, за исключением научных.

– Так что Глории пришлось в конце концов расстаться с Робби?

– Боюсь, что да. Я думаю, впрочем, что в пятнадцать лет ей это было легче, чем в восемь. Но все же это было глупо и ненужно. Когда я в 2008 году поступила на «Ю. С. Роботс», фирма была в самом тяжелом финансовом положении. Сначала я даже думала, что через несколько месяцев останусь без работы. Но выход был найден: мы начали осваивать внеземной рынок.

– И все, конечно, уладилось?

– Не совсем. Мы начали с того, что допытались использовать уже существовавшие модели. Например, этих первых говорящих роботов. Они были трех с половиной метров ростом, очень неуклюжие, и пользы от них было немного. Мы послали их на Меркурий, чтобы они помогли построить там рудник. И они не справились.

Я удивленно взглянул на нее.

– Разве? Но ведь сейчас компания «Меркюри Майнз» – огромный концерн с многомиллиардным капиталом.

– Да, сейчас. Но удалась только вторая попытка. Если вы, молодой человек, хотите об этом услышать, я бы посоветовала вам разыскать Грегори Пауэлла. Они с Майклом Донованом занимались у нас в 10-х и 20-х годах самыми трудными делами. Я уже много лет не слышала ничего о Доноване, а Пауэлл живет здесь, в Нью-Йорке. Он теперь дедушка – мне очень трудно привыкнуть к этой мысли. Я помню его молодым. Ну конечно, и я была моложе...

– Может быть, если бы вы рассказали мне что-нибудь в самых общих чертах, то потом мистер Пауэлл дополнил бы ваш рассказ? Начните хотя бы с Меркурия.

– Ну ладно. Вторую экспедицию на Меркурий послали, кажется, в 2015 году. Это была разведочная экспедиция, которую финансировали «Ю. С. Роботс» и фирма «Солар Минерала». Экспедиция состояла из Грегори Пауэлла, Майкла Донована и опытного образца робота новой конструкции...

Хоровод

Одно из любимых изречений Грегори Пауэлла гласило, что паника до добра не доведет. Поэтому когда потный и возбужденный Майкл скатился ему навстречу

по лестнице, Пауэлл нахмурился.

– В чем дело? – спросил он, – сломал себе ноготь?

– Как бы не так, – задыхаясь, огрызнулся Донован. – Что ты целый день делал внизу? – Он перевел дух и выпалил: – Спиди не вернулся!

Глаза Пауэлла широко раскрылись, и он остановился, но тут же взял себя в руки и продолжал подниматься по лестнице. Он молчал, пока не вышел на площадку, потом спросил:

– Ты послал его за селеном?

– Да.

– И давно?

– Уже пять часов.

Снова наступило молчание. Вот дьявольское положение! Ровно двенадцать часов они находятся на Меркурии – и уже попали в такую скверную переделку. Меркурий всегда считался самой каверзной планетой во всей Солнечной системе, но это уже слишком!

Пауэлл произнес:

– Начни сначала и рассказывай по порядку.

Они вошли в радиорубку. Оборудование ее, не тронутое за десять лет, прошедших с Первой экспедиции, уже слегка устарело. Для техники эти десять лет значили очень много. Сравнить хотя бы Спиди с теми роботами, которых производили в 2005 году. Правда, за последнее время достижения роботехники были особенно головокружительны.

Пауэлл осторожно потрогал еще блестящую металлическую поверхность. Все, что было в комнате, казалось каким-то заброшенным и производило бесконечно гнетущее впечатление. Как, впрочем, и вся станция.

Донован тоже это почувствовал. Он сказал:

– Я попробовал связаться с ним по радио, но без всякого толку. На солнечной стороне радио бесполезно – во всяком случае на расстоянии больше двух миль. Отчасти поэтому и не удалась Первая экспедиция. А чтобы наладить УКВ, нам нужна не одна неделя...

– Оставим это. Что же все-таки ты выяснил?

– Я поймал немодулированный сигнал на коротких волнах. По нему можно было только определить положение Спиди. Я следил за ним два часа и нанес результаты на карту.

Донован достал из заднего кармана пожелтевший листок пергамента, оставшегося от неудачной Первой экспедиции, и, швырнув его на стол, яростно прихлопнул ладонью. Пауэлл следил за ним, стоя поодаль и скрестив руки на груди. Донован нервно ткнул карандашом:

– Этот красный крестик – селеновое озеро.

– Которое? – прервал его Пауэлл. – Там было три. Их все нанес для нас Мак-Дугал, перед тем как отсюда улететь.

– Я, конечно, послал Спиди к самому ближайшему. Семнадцать миль отсюда. Но не в этом дело. – Голос Донована дрожал от напряжения. – Вот эти точки обозначают положение Спиди.

В первый раз за все время напускное спокойствие Пауэлла было нарушено. Он схватил карту.

– Ты шутишь? Этого не может быть!

– Смотри сам, – буркнул Донован.

Точки, обозначавшие положение робота, образовали неровную окружность, в центре которой находился красный крестик – селеновое озеро. Пальцы Пауэлла потянулись к усам – несомненный признак тревоги.

Донован добавил:

– За два часа, пока я за ним следил, он обошел это проклятое озеро четыре раза. Похоже на то, что он собирается кружиться там без конца. Понимаешь, в

каком мы положении?

Пауэлл взглянул на него, но ничего не сказал. Конечно, он понимал, в каком они положении. Все было просто, как цепочка силлогизмов... От всей мощи чудовищного меркурианского солнца их отделяли только батареи фотоэлементов. Фотоэлементы были почти полностью разрушены. Спасти положение мог только селен. Селен мог достать только Спиди. Он не вернется – не будет селена. Не будет селена – не будет фотоэлементов. Не будет фотоэлементов... Что же, медленное поджаривание – один из самых неприятных видов смерти.

Донован яростно взъерошил свою рыжую шевелюру и с горечью заметил:

– Мы осрамимся на всю Солнечную систему, Грег. Как это все сразу пошло к черту? «Знаменитая бригада в составе Пауэлла и Донована послана на Меркурий, чтобы выяснить, стоит ли на солнечной стороне открывать рудники с новейшей техникой и роботами». И вот в первый же день мы все испортили. А дело ведь самое простое. Нам этого не пережить.

– Об этом заботиться не приходится, – спокойно ответил Пауэлл. – Если мы срочно что-нибудь не предпримем, о переживаниях не может быть и речи. Мы просто не выживем.

– Не говори глупостей! Может быть, тебе и смешно, а мне нет. Послать нас сюда с одним единственным роботом – это просто преступление! "Да еще эта твоя блестящая идея – самим починить фотоэлементы.

– Ну, это ты напрасно. Мы же вместе решали. Ведь нам всего-то и нужно килограмм селена, диэлектрическая установка Стиллхэда и три часа времени. И по всей солнечной стороне стоят целые озера чистого селена. Спектрорефлектор Мак-Дугала за пять минут засек целых три. Какого черта! Мы же не могли ждать следующего противостояния!

– Так что будем делать? Пауэлл, ты что-то придумал. Я знаю, иначе бы ты не был таким спокойным. На героя ты похож не больше, чем я. Давай выкладывай!

– Сами пойти за Спиди мы не можем. Во всяком случае здесь, на солнечной стороне. Даже новые скафандры не выдержат больше двадцати минут под этим солнцем. Но знаешь старую поговорку: «Пошли робота поймать робота»? Послушай, Майк, дело, может быть, не так уж плохо. У нас внизу есть шесть роботов. Если они исправны, можно воспользоваться ими. Если только они исправны.

В глазах Донована мелькнул проблеск надежды.

– Шесть роботов Первой экспедиции? А ты уверен? Может быть, это просто полуавтоматы? Ведь десять лет – это очень много для роботехники.

– Нет, это роботы. Я целый день с ними возился и теперь знаю. У них позитронный мозг – конечно, самый примитивный.

Он сунул карту в карман.

– Пойдем вниз.

Роботы хранились в самом нижнем ярусе станции, среди покрытых пылью ящиков неизвестно с чем. Они были очень большие – даже когда они сидели, их головы возвышались на добрых два метра.

Донован свистнул:

– Вот это размеры, а? Не меньше трех метров в обхвате.

– Это потому, что они оборудованы старым приводом Мак-Геффи. Я заглянул внутрь – жуткое устройство.

– Ты еще не включал их?

– Нет. А зачем? Вряд ли что-нибудь не в порядке. Даже диафрагмы выглядят прилично. Они должны говорить

Он отвинтил щиток на груди ближайшего робота и вложил в отверстие двухдюймовый шарик, в котором была заключена ничтожная искорка атомной энергии – все, что требовалось, чтобы вдохнуть в робота жизнь. Шарик было довольно трудно приладить, но в конце концов Пауэллу это удалось. Потом он старательно укрепил щиток на месте и занялся следующим роботом.

Донован сказал с беспокойством:

– Они не двигаются.

– Нет команды, – коротко объяснил Пауэлл. Он вернулся к первому роботу и хлопнул его по броне: – Эй, ты! Ты меня слышишь?

Гигант медленно нагнул голову, и его глаза остановилась на Пауэлле. Потом раздался хриплый, скрипучий голос, похожий на звуки древнего фонографа.

– Да, хозяин.

Пауэлл невесело усмехнулся.

– Понял, Майк? Это один из первых говорящих роботов. Тогда дело шло к тому, что применение роботов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в дурацкие машины прочный, надежный инстинкт раба.

– Но это не помогло, – заметил Донован.

– Нет, конечно, но они все-таки старались. Он снова повернулся к роботу.

– Встань!

Робот медленно поднялся. Донован задрал голову вверх и снова присвистнул.

Пауэлл спросил:

– Ты можешь выйти на поверхность? На солнце?

Наступила тишина. Мозг робота работал медленно. Потом робот ответил:

– Да, хозяин.

– Хорошо. Ты знаешь, что такое миля?

Снова молчание и неторопливый ответ:

– Да, хозяин.

– Мы выведем тебя на поверхность и укажем направление. Ты пройдешь около семнадцати миль и где-то там встретишь другого робота, поменьше. Понимаешь?

– Да, хозяин.

– Ты найдешь этого робота и прикажешь ему вернуться. Если он не послушается, ты приведешь его силой.

Донован дернул Пауэлла за рукав.

– Почему бы не послать его прямо за селеном?

– Потому что мне нужен Спиди, понятно? Я хочу знать, что с ним стряслось. – Повернувшись к роботу, он приказал: – Иди за мной!

Робот не двинулся с места, и его голос громыхнул:

– Прости, хозяин, но я не могу. Ты должен сначала сесть.

Его неуклюжие руки со звоном соединились, тупые пальцы переплелись, образовав что-то вроде стремени.

Пауэлл уставился на робота, теребя усы.

– Ого! Гм...

Донован выпучил глаза.

– Мы должны ехать на них? Как на лошадях?

– Наверное. Правда, я не знаю, зачем это. Впрочем... Ну конечно! Я же говорю, что тогда слишком увлекались безопасностью. Очевидно, конструкторы хотели всех убедить, что роботы совершенно безопасны. Они не могут двигаться самостоятельно, а только с погонщиком на плечах. А что нам делать?

– Я об этом и думаю, – проворчал Донован. – Мы все равно не можем появиться на поверхности – с роботом или без робота. О господи! – Он дважды возбужденно щелкнул пальцами. – Дай мне эту карту. Зря, что ли, я ее два часа изучал? Вот наша станция. А почему бы нам не воспользоваться туннелями?

Станция была помечена на карте кружком, от которого паутиной разбегались черные пунктирные линии туннелей.

Донован вгляделся в список условных обозначений.

– Смотри, – сказал он, – эти маленькие черные точки – выходы на поверхность. Один из них самое большее в трех милях от озера. Вот его номер... Они могли бы писать и покрупнее... Ага, 13-а. Если бы только роботы знали дорогу...

Пауэлл немедленно задал вопрос о дороге и получил в ответ вялое: «Да, хозяин».

– Иди за скафандрами, – удовлетворенно сказал он.

Они впервые надевали скафандры. Еще вчера, когда они прибыли на Меркурий, они вообще не собирались этого делать. И теперь они неловко двигали руками и ногами, осваиваясь с неудобным одеянием.

Скафандры были гораздо объемистее и еще безобразнее, чем обычные костюмы для космических полетов. Зато они были гораздо легче – в них не было ни кусочка металла. Изготовленные из термоустойчивого пластика, прослоенные специально обработанной пробкой, снабженные устройством, удалявшим из воздуха всю влагу, эти скафандры могли противостоять нестерпимому сиянию меркурианского солнца двадцать минут. Ну, и еще пять-десять минут без непосредственной смертельной опасности для человека.

Робот все еще держал руки стремями. Он не выказал никаких признаков удивления при виде нелепой фигуры, в которую превратился Пауэлл.

Радио хрипло разнесло голос Пауэлла:

– Ты готов доставить нас к выходу 13-а?

– Да, хозяин.

«И то хорошо, – подумал Пауэлл. – Может быть, и не хватает дистанционного радиоуправления, но, по крайней мере; они хоть могут принимать команды».

– Садись на любого, Майк, – сказал он Доновану.

Он поставил ногу в импровизированное стремя и взобрался наверх. Сидеть было удобно: на спине у робота был, очевидно, специально устроенный горб, на каждом плече – по углублению для ног. Теперь стало ясно и назначение «ушей» гиганта. Пауэлл взялся за «уши» и повернул голову робота. Тот неуклюже повернулся.

– Начнем, Макдуф!

Но на самом деле Пауэллу было вовсе не до шуток.

Шагая медленно, с механической точностью, гигантские роботы миновали дверь, косяк которой пришелся едва в Полуметре над их головами, так что всадники поспешили пригнуться. Узкий коридор, под сводами которого мерно громыхали тяжелые, неторопливые шаги гигантов, привел их в шлюзовую камеру, где им пришлось подождать, пока будет выкачан воздух.

Длинный безвоздушный туннель, уходивший вдаль, напомнил Пауэллу об огромной работе, проделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением. Да, она окончилась неудачей, но эта неудача стоила иного легкого успеха.

Роботы шагали вперед. Их скорость была неизменна, поступь равномерна.

Пауэлл сказал:

– Смотри, эти туннели освещены, и температура здесь как на Земле. Наверное, так было все эти десять лет, пока здесь никто не жил.

– Каким же образом они этого добились?

– Дешевая энергия – самая дешевая во всей Солнечной системе. Излучение Солнца – здесь, на солнечной стороне Меркурия, – это не шуточки. Вот почему они и построили станцию на открытом месте, а не в тени какой-нибудь горы. Это же огромный преобразователь энергии. Тепло преобразуется в электричество, свет, механическую работу и во все, что хочешь. И одновременно с получением энергии станция охлаждается.

– Слушай, – сказал Донован, – это все очень поучительно, только давай поговорим о чем-нибудь другом. Ведь всем преобразованием энергии занимаются фотоэлементы, а это сейчас мое больное место.

Пауэлл что-то проворчал, и когда Донован снова заговорил, разговор потек по другому руслу.

– Послушай, Грег. Все-таки что могло случиться со Спиди? Я никак не могу понять.

В скафандре трудно пожать плечами, но Пауэллу это удалось.

– Не знаю, Майк. – Ведь он полностью приспособлен к условиям Меркурия. Жара ему не страшна, он рассчитан на уменьшенную силу тяжести, может двигаться по пересеченной местности. Все предусмотрено – по крайней мере,

должно быть предусмотрено.

Они замолчали, на этот раз надолго.

– Хозяин, – сказал робот, – мы на месте.

– А? – Пауэлл очнулся. – Ну, давай выбираться наверх. На поверхность.

Они оказались в небольшом павильоне – пустом, лишенном воздуха, полуразрушенном. Донован зажег фонарь и долго разглядывал рваные края дыры в верхней части одной из стен.

– Метеорит? Как ты думаешь? – спросил он.

Пауэлл пожал плечами.

– Какая разница? Не важно. Пойдем.

Поднимавшаяся рядом черная базальтовая скала защищала их от солнца. Вокруг все было погружено в черную тень безвоздушного мира. Тень обрывалась, как будто обрезанная ножом, и дальше начиналось нестерпимое белое сияние мириад кристаллов, покрывавших почву.

– Клянусь космосом, вот это да! – У Донована захватило дух от удивления. – Прямо как снег!

Действительно, это было похоже на снег. Пауэлл окинул взглядом сверкающую неровную поверхность, которая простиралась до самого горизонта, и поморщился от режущего глаза блеска.

– Это какое-то необычное место, – сказал он. – В среднем коэффициент отражения по поверхности Меркурия довольно низкий, и почти вся планета покрыта серой пемзой. Что-то вроде Луны. А красиво, правда?

Хорошо, что скафандры были снабжены светофильтрами. Красиво или нет, но незащищенные глаза были бы за полминуты ослеплены этим сверканием.

Донован посмотрел на термометр, укрепленный на запястье скафандра.

– Ого! Восемьдесят градусов!

Пауэлл тоже взглянул на термометр и сказал:

– Да... Многовато. Ничего не поделаешь – атмосфера...

– На Меркурии? Ты спятил!

– Да нет. Ведь и на Меркурии есть кое-какая атмосфера, – рассеянно ответил Пауэлл, пытаясь неуклюжими пальцами скафандра приладить к своему шлему стереотрубу. – У поверхности должен стелиться тонкий слой паров. Летучие элементы, тяжелые соединения, которые может удержать притяжение Меркурия. Селен, йод, ртуть, галлий, калий, висмут, летучие окислы. Пары попадают в тень и конденсируются, выделяя тепло. Это что-то вроде гигантского перегонного куба. Зажги фонарь – и увидишь, что скала с этой стороны покрыта каких-нибудь серным инеем или ртутной росой.

– Ну, это не важно. Какие-то жалкие восемьдесят градусов наши скафандры выдержат сколько угодно.

Пауэлл, наконец, приладил стереотрубу и теперь стал похож на улитку с рожками. Донован напряженно ждал.

– Видишь что-нибудь?

Пауэлл ответил не сразу. Его голос был полон тревоги.

– Вон на горизонте темное пятно. Это скорее всего селеновое озеро. Оно тут и должно быть. А Спида не видно.

Пауэлл забрался на плечи робота и осторожно выпрямился, расставив ноги и вглядываясь в даль.

– Постой... Ну да, это он. Идет сюда.

Донован вгляделся в ту сторону, куда указывал палец Пауэлла. У него не было стереотрубы, но он разглядел маленькую движущуюся точку, которая чернела на фоне ослепительного сверкания кристаллов.

– Вижу! – заорал он. – Поехали!

Пауэлл снова уселся на плечи робота и хлопнул перчаткой по его гигантской груди.

– Пошел!

– Давай, давай! – вопил Донован, пришпоривая своего робота пятками.

Роботы тронулись. Их мерный топот не был слышен в безвоздушном пространстве, а через синтетическую ткань скафандра звук тоже не передавался. Чувствовались только ритмичные колебания.

– Быстрее! – закричал Донован. Ритм не изменился.

– Бесплезно, – ответил Пауэлл. – Этот железный лом может двигаться только с одной скоростью. Или, по-твоему, они оборудованы селективными флексорами?

Они вырвались из тени. Свет солнца обрушился на них раскаленным потоком. Донован невольно пригнулся.

– Ух! Это мне кажется или на самом деле жарко?

– Скоро будет еще жарче, – последовал мрачный ответ. – Смотри – Спиди!

Робот СПД-13 был уже близко, и его можно было рассмотреть во всех деталях. Его грациозное обтекаемое тело, отбрасывавшее слепящие блики, четко и быстро передвигалось по неровной земле. Его имя – «Спиди», «проворный», – было, конечно, образовано из букв, составлявших его марку, но оно очень подходило ему. Модель СПД была одним из самых быстрых роботов, которые выпускались фирмой «Ю. С. Роботс».

– Эй, Спиди! – завопил Донован, отчаянно махая руками.

– Спиди! – закричал Пауэлл. – Иди сюда!

Расстояние между людьми и свихнувшимся роботом быстро уменьшалось, – больше усилиями Спиди, чем благодаря медлительной походке устаревших за десять лет службы устройств, на которых восседали Пауэлл и Донован.

Они уже были достаточно близко, чтобы заметить, что походка Спиди была какой-то неровной – робот заметно пошатывался на ходу из стороны в сторону. Пауэлл замахал рукой и увеличил до предела усиление в своем компактном, встроенном в шлем радиопередатчике, готовясь крикнуть еще раз. В этот момент Спиди заметил их.

Он остановился как вкопанный и стоял некоторое время, чуть покачиваясь, как будто от легкого ветерка.

Пауэлл закричал:

– Все в порядке, Спиди! Иди сюда!

В наушниках впервые послышался голос робота:

– Вот здорово! Давайте поиграем. Вы ловите меня, а я буду ловить вас. Никакая любовь нас не разлучит. Я – маленький цветочек, милый маленький цветочек. Урра!

Повернувшись кругом, он помчался обратно с такой скоростью, что из-под его ног взлетали комки спекшейся пыли. Последние слова, которые он произнес, удаляясь, были: «Растет цветочек маленький под дубом вековым». За этим последовали странные металлические щелчки, которые, возможно, у робота соответствовали икоте.

Донован тихо сказал:

– Откуда он взял какие-то дикие стихи? Слушай, Грег, он... он пьян. Или что-то в этом роде.

– Если бы ты мне этого не сообщил, я бы, наверное, никогда не догадался, – последовал ехидный ответ. – Давай вернемся в тень. Я уже поджариваюсь.

Напряженное молчание нарушил Пауэлл:

– Прежде всего Спиди не пьян. Он ведь робот, а роботы не пьянеют. Но с ним что-то неладное, и это то же самое, что для человека опьянение.

– Мне кажется, он пьян, – решительно заявил Донован. – Во всяком случае, он думает, что мы с ним играем. А нам не до игрушек. Это дело жизни или смерти – и смерти довольно-таки неприятной.

– Ладно, не спеши. Робот-это всего только робот. Как только мы узнаем, что с ним, мы его починим.

– Как только... – желчно возразил Донован.

Пауэлл не обратил на это внимания.

– Спиди прекрасно приспособлен к обычным условиям Меркурия. Но эта местность, – он обвел руками горизонт, – явно необычна. Вот в чем дело. Откуда,

например, взялись эти кристаллы? Они могли образоваться из медленно остывающей жидкости. Но какая жидкость настолько горяча, чтобы остывать под солнцем Меркурия?

– Вулканические явления, – немедленно предположил Донован.

Пауэлл весь напрягся.

– Устами младенца... – произнес он сдавленным голосом и замолчал на пять минут. Потом он сказал: – Слушай, Майк. Что ты сказал Спиди, когда посылал его за селеном?

Донован удивился:

– Ну, не знаю. Я просто велел принести селен.

– Это ясно. Но как? Попробуй точно припомнить.

– Я сказал... Постой... Я сказал: «Спиди, нам нужен селен. Ты найдешь его там-то и там-то. Пойди и принеси его». Вот и все. Что же еще я должен был сказать?

– Ты не говорил, что это очень важно, срочно?

– Зачем? Дело-то простое.

Пауэлл вздохнул:

– Да, теперь уже ничего не изменишь. Но мы попали в переделку.

Он слез со своего робота и сел, прислонившись спиной к скале. Донован, подсел к нему и взял под руку. За гранью тени слепящее солнце, казалось, поджидало их как кошка мышь. А рядом стояли два гигантских робота, невидимые в темноте. Только светившиеся тусклым красным светом фотоэлектрические глаза смотрели на них – немигающие, неподвижные, равнодушные.

Равнодушные! Такие же, как и весь этот гибельный Меркурий – маленький, но коварный.

Донован услышал напряженный голос Пауэлла:

– Теперь слушай. Начнем с трех основных законов роботехники, – трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу. – В темноте он начал загибать пальцы. – Первое. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

– Правильно.

– Второе, – продолжал Пауэлл. – Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону.

– Верно.

– И третье. Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

– Верно. Ну и что?

– Так это же все объясняет. Когда эти законы вступают в противоречие между собой, дело решает разность позитронных потенциалов в мозгу. Что получается, если робот приближается к месту, где ему грозит опасность, и сознает это? Потенциал, который создается Третьим Законом, автоматически заставляет его вернуться. Но представь себе, что ты приказал ему приблизиться к опасному месту. В этом случае Второй Закон создает противоположный потенциал, который выше первого, и робот выполняет приказ с риском для собственного существования.

– Это я знаю. Но что отсюда следует?

– Что могло случиться со Спиди? Это – одна из последних моделей, специализированная, дорогая, как линкор. Он сделан так, чтобы его нелегко было уничтожить.

– Ну и?..

– Ну и при его программировании Третий Закон был задан особенно строго – кстати, это специально отмечалось в проспектах. Его стремление избежать опасности необыкновенно сильно. А когда ты послал его за селеном, ты дал команду небрежно, между прочим, так что потенциал, связанный со Вторым Законом, был довольно слаб. Это все-факты.

– Давай, давай. Кажется, я начинаю понимать.

– Понимаешь? Около селенового озера существует какая-то опасность. Она возрастает по мере того, как робот приближается, и на каком-то расстоянии от озера потенциал Третьего Закона, с самого начала очень высокий, становится в точности равен потенциалу Второго Закона, с самого начала слабому.

Донован возбужденно вскочил на ноги.

– Ясно! Устанавливается равновесие; Третий Закон гонит его назад, а Второй – вперед...

– И он начинает кружить около озера, оставаясь на линии, где существует это равновесие. И если мы ничего не предпримем, он так и будет бегать по этому кругу, как в хороводе...

Он продолжал задумчиво:

– И поэтому, между прочим, он и ведет себя как пьяный. При равновесии потенциалов половина позитронных цепей в мозгу не работает. Я не специалист по позитронике, но это очевидно. Возможно, он потерял контроль как раз над теми же частями своего волевого механизма, что и пьяный человек. А вообще все это очень мило.

– Но откуда взялась опасность? Если бы знать, от чего он бежит...

– Да ведь ты сам уже догадался! Вулканические явления. Где-то около озера просачиваются газы из недр Меркурия. Серноокислый газ, уголекислота – и окись углерода. Довольно много окиси углерода. А при здешних температурах...
Донован проглотил слюну.

– Окись углерода плюс железо дает летучий карбонил железа!

– А робот, – мрачно добавил Пауэлл, – это в основном железо. Люблю логические рассуждения. Мы уже все выяснили, кроме того, что теперь делать. Сами добраться до селена мы не можем – все-таки слишком далеко. Мы не можем послать этих жеребцов, потому что они без нас не пойдут, а если мы поедem с ними, то успеем подрумяниться. Поймать Спиди мы тоже не можем – этот дурень думает, что мы с ним играем, а скорость у него шестьдесят миль в час против наших четырех...

– Но если один из нас пойдет, – начал задумчиво Донован, – и вернется поджаренным, то ведь останется другой...

– Ну да, – последовал саркастический ответ. – Это будет очень трогательная жертва. Только прежде чем человек доберется до озера, он уже будет не в состоянии отдать приказ. А роботы вряд ли вернутся без приказа. Прикинь: мы в двух или трех милях от озера – ну, считай, в двух. Робот делает четыре мили в час. А в скафандрах мы можем продержаться не больше двадцати минут. Имей в виду, что дело тут не только в жаре. Солнечное излучение в ультрафиолете и дальше – это тоже смерть.

– Н-да, – сказал Донован. – Не хватает всего десяти минут.

– Для нас все равно – десяти минут или целой вечности. И еще: чтобы потенциал Третьего Закона остановил Спиди на таком расстоянии, здесь должно быть довольно много окиси углерода в атмосфере паров металлов. И поэтому должна быть заметная коррозия. Он гуляет там уже несколько часов. В любой момент, скажем, коленный сустав может выйти из строя, и он перевернется. Тут нужно не просто шевелить мозгами – нужно решать быстро!

Глубокое, мрачное, унылое молчание.

Первым заговорил Донован. Его голос дрожал, но он старался говорить бесстрастно.

– Ну хорошо, мы не можем увеличить потенциал Второго Закона новой командой. А нельзя ли попробовать с другого конца? Если мы увеличим опасность, то увеличится потенциал Третьего Закона, и мы отгоним его назад.

Пауэлл молча повернул к нему окошко своего шлема.

– Послушай, – осторожно продолжал Донован, – все, что нам нужно, чтобы отогнать его, – это повысить концентрацию окиси углерода. А на станции есть

целая аналитическая лаборатория.

– Естественно, – согласился Пауэлл. – Это же станция-рудник.

– Верно. А там должно быть порядочно щавелевой кислоты для осаждения кальция.

– Клянусь космосом! Майк, ты гений!

– Более или менее, – скромно согласился Донован. – Я просто вспомнил, что щавелевая кислота при нагревании разлагается на углекислый газ, воду и добрую старую окись углерода. Элементарный институтский курс химии.

Пауэлл вскочил и хлопнул гигантского робота по ноге.

– Э! – крикнул он. – Ты умеешь бросать?

– Что, хозяин?

– Не важно, – Пауэлл обругал про себя тяжелодумного робота и схватил обломок скалы величиной с кирпич. – Возьми и попади в гроздь голубых кристаллов – вон за той кривой трещиной. Видишь?

Донован дернул его за руку.

– Слишком далеко, Грег. Это же почти полмили.

– Спокойно, – ответил Пауэлл. – Вспомни о силе тяжести на Меркурий. А рука у него стальная. Смотри.

Глаза робота измеряли дистанцию с точностью машины. Он прикинул вес камня и замахнулся. В темноте его движения были плохо видны, но когда он переступил с ноги на ногу, можно было почувствовать заметное сотрясение почвы. Камень черной точкой вылетел за пределы тени. Его полету не мешало ни сопротивление воздуха, ни ветер, – и когда он упал, осколки голубых кристаллов разлетелись из самого центра грозди.

Пауэлл радостно завопил:

– Поехали за кислотой, Майк!

Когда они въехали в разрушенный павильон, Донован мрачно сказал:

– Спиди болтается на нашей стороне озера с тех пор, как мы за ним погнались. Ты заметил?

– Да.

– Наверное, хочет поиграть с нами. Ну, я ему поиграю!..

Они вернулись через несколько часов с трехлитровыми банками белого порошка и с вытянувшимися лицами. Фотоэлементы разрушались еще быстрее, чем они думали.

Они вывели своих роботов на солнце и молча, сосредоточенно и мрачно направились к Спиди.

Спили не спеша запрыгал к ним.

– Вот и мы! Ура! Вышел месяц из тумана и не ударил лицом в грязь!

– Я тебе покажу грязь, – пробормотал Донован. – Смотри, Грег, он хромает.

– Вижу, – последовал озабоченный ответ. – Если мы не поторопимся, эта окись доконает его.

Теперь они приближались медленно, почти крадучись, чтобы не спугнуть полоумного робота. Они были еще довольно далеко, но Пауэлл уже мог бы поклясться, что Спили приготовился пуститься наутек.

– Давай – прохрипел он. – Считаю до трех. Раз, два...

Две стальные руки одновременно выбросились вперед, и две стеклянные банки полетели параллельными дугами, сверкая, как бриллианты, под невозможным светом. Они бесшумно разбились вдребезги, и позади Спили поднялось облачко щавелевой кислоты. Пауэлл знал, что на ярком меркурианском солнце она бурлит, как газированная вода.

Спили медленно повернулся, потом попятился и так же медленно начал набирать скорость. Через пятнадцать секунд он уже неуверенными прыжками двигался в сторону людей.

Пауэлл не расслышал, что говорил при этом робот, но ему послышалось что-то вроде: «Не клянись, слов любви не говори...»

Пауэлл повернулся к Доновану.

– Под скалу, Майк! Он вышел – из этой колеи и теперь будет слушаться. Мне уже становится жарко. Они затрусили в тень на спинах своих медлительных гигантов. Только когда они почувствовали вокруг себя приятную прохладу, Донован обернулся.

– Грег!!!

Пауэлл посмотрел назад и чуть не вскрикнул. Спиди медленно, очень медленно удалялся. Он снова входил в свою круговую колею, постепенно набирая скорость. В стереотрубу казалось, что он очень близко, но он был недостижим.

– Догнать его! – закричал Донован и пустил робота, но Пауэлл остановил его.

– Ты его не поймаешь, Майк. Бесполезно.

Он сжал кулаки, чувствуя свою полную беспомощность.

– Почему же я это понял только через пять секунд после того, как все произошло? Майк, мы зря потеряли время.

– Нужно еще кислоты, – упрямо заявил Майк. – Концентрация была слишком мала.

– Да нет. Тут не помогли бы и семь тонн. А если бы у нас и было столько кислоты, мы все равно не успели бы ее привезти... Коррозия съест его. Неужели ты не понял, Майк?

– Нет, – сознался Донован.

– Мы просто установили новое равновесие. Когда становится больше окиси углерода и потенциал Третьего Закона увеличивается, он просто пятится, пока снова не наступит равновесие, а потом, когда окись углерода улетучивается, опять подвигается вперед. – В голосе Пауэлла звучало отчаяние. – Это все тот же хоровод. Мы можем тянуть за Третий Закон и тащить за Второй, и все равно ничего не изменится. Только положение равновесия будет перемещаться. Нужно выйти за пределы этих законов.

Он развернул своего робота лицом к Доновану, так что они сидели друг против друга, – смутные тени в темноте, – и прошептал:

– Майк!

– Это конец? – устало сказал Донован. – Что же, поехали на станцию. Подождем, пока фотоэлементы выгорят окончательно, пожмем друг другу руки, примем цианистый калий и умрем, как подобает джентльменам.

Он коротко усмехнулся.

– Майк, – серьезно повторил Пауэлл. – Мы должны вернуть Спиди.

– Я знаю.

– Майк, – снова начал Пауэлл и после недолго колебания продолжал: – Есть еще Первый закон.

Я об этом уже думал. Но это – крайнее средство.

Донован взглянул на него, и его голос оживился:

– Самое время для крайнего средства.

– Ладно. По Первому Закону робот не может допустить, чтобы из-за его бездействия человеку грозила опасность. Тут уже ни Второй, ни Третий законы его не остановят. Не могут, Майк.

– Даже когда робот полоумный? Он же пьян.

– Конечно, есть риск.

– Хорошо, что ты предлагаешь?

– Я сейчас выйду на солнце и посмотрю, будет действовать Первый Закон. Если и он не нарушит равновесия, то... Какого черта, тогда все ясно: или сейчас, или через три-четыре дня...

– погоди, Грег. Есть еще законы человеческие. Ты не имеешь права просто так взять и пойти. Давай разыграем, чтобы все было по-честному.

– Ладно. Кто первый возведет четырнадцать в куб?

И почти сразу:

– Две тысячи семьсот сорок четыре.

Донован почувствовал как робот Пауэлла, проходя мимо, задел его робота. Через секунду Пауэлл уже был за пределами тени. Донован раскрыл рот, чтобы

крикнуть, но удержался. Конечно, этот идиот подсчитал куб четырнадцати заранее, нарочно. Очень на него похоже.

...Солнце было особенно горячее, и Пауэлл почувствовал, что у него страшно зачесалась поясница. Наверное, воображение. А может быть, жесткое излучение уже проникает даже сквозь скафандр.

Спиди следил за ним, на этот раз не приветствовал его никакими дурацкими стихами. Спасибо и на том! Но нельзя подходить к нему слишком близко.

До Спиди оставалось еще метров триста, когда он начал шаг за шагом осторожно пятиться назад. Пауэлл остановил своего робота и спрыгнул на землю покрытую кристаллами. Во все стороны полетели осколки.

Почва была рыхлая, кристаллы скользили под ногами. Идти при уменьшенной силе тяжести было трудно. Подошвы жгло. Он оглянулся через плечо и увидел, что ушел уже слишком далеко, что не успеет вернуться в тень – ни сам, ни с помощью своего неуклюжего робота. Теперь или Спиди, или конец. У него перехватило горло.

Хватит! Пауэлл остановился.

– Спиди! – позвал он. – Спиди!

Сверкающий современный робот впереди, помедлив, остановился, потом попятился снова.

Пауэлл попробовал вложить в свой голос как можно больше мольбы, – и обнаружил, что для этого не требовалось особого труда.

– Спиди! Я должен вернуться в тень, иначе солнце убьет меня. Это дело жизни или смерти. Спиди, помоги! Спиди!

Робот сделал шаг вперед и остановился. Он заговорил, но, услышав его, Пауэлл застонал. Робот произнес: «Если ты лежишь больной, если завтра выходной...» Голос затих.

Настоящее пекло! Уголком глаза Пауэлл заметил какое-то движение, резко повернулся и застыл в изумлении. Чудовищный робот, на котором он ехал, двигался – двигался к нему, без всадника!

Робот заговорил:

– Простите меня, хозяин. Я не должен двигаться без хозяина, но вам грозит опасность.

Ну конечно. Потенциал Первого Закона – превыше всего. Но ему не нужна эта древняя развалина. Ему нужен Спиди. Он сделал несколько шагов в сторону и отчаянно закричал:

– Я запрещаю тебе подходить! Я приказываю остановиться!

Это было бесполезно. Нельзя бороться с потенциалом Первого Закона. Робот тупо сказал:

– Вам грозит опасность, хозяин.

Пауэлл в отчаянии огляделся. Он уже неотчетливо видел предметы; в его мозгу крутился раскаленный вихрь; собственное дыхание обжигало его, и все кругом дрожало в неясном мареве. Он в последний раз закричал:

– Спиди! Я умираю, черт тебя побери! Где ты? Спиди! Помоги!..

Он все еще пятился в слепом стремлении уйти от непрошеного гигантского робота, когда почувствовал на своей руке стальные пальцы и услышал озабоченный, виноватый голос металлического тембра:

– Господи, Пауэлл, что вы тут делаете? И что ж я смотрю... Я как-то растерялся...

– Не важно, – слабо пробормотал Пауэлл. – Неси меня в тень скалы, – и поскорее!

Он почувствовал, что его поднимают в воздух и быстро несут, в последний раз ощутил палящий жар и потерял сознание.

Проснувшись, он увидел, что над ним заботливо наклонился улыбающийся Донован.

– Ну как, Грег?

– Прекрасно, – ответил он. – Где Спиди?

– Здесь. Я посылал его к другому селеновому озеру – на этот раз с приказом добыть селен во что бы то ни стало. Он принес его через сорок две минуты и три секунды, – я засек время. Он все еще не кончил извиняться за этот хоровод. Он не решается подойти к тебе – боится, что ты скажешь.

– Тащи его сюда, – распорядился Пауэлл. – Он не виноват.

Он протянул руку и крепко пожал металлическую лапу Спиди.

– Все в порядке, Спиди. Знаешь, Майк, что я подумал?

– Да?

Он потер лицо – воздух был восхитительно прохладен.

– Знаешь, когда мы здесь все кончим я Спиди пройдет полевые испытания, они хотят послать нас на межпланетную станцию...

– Не может быть!

– Да, по крайней мере, так сказала тетка Кэлвин перед тем, как мы отправились сюда. Я ничего об этом не говорил, потому что собирался протестовать против этой идеи.

– Протестовать? – воскликнул Донован. – Но...

– Я знаю. Теперь все в порядке. Представляешь – двести семьдесят три градуса ниже нуля! Разве это не рай?

– Межпланетная станция, – произнес Донован. – Ну что ж, я готов!

Логика

Полгода спустя они изменили свое мнение о межпланетных станциях. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки очень мало значит. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по словам этих гениев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Все дело только в том, что он, оказывается, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл раздельно и четко произнес:

– Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.

Наморщив лоб, он потянул себя за кончик уса. В кают-компании Солнечной станции ? 5. было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, которые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мышление. Ну конечно, Три Закона роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс», начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, мог бы за это поручиться. Так что опасаться за КТ-1 не приходилось. И все-таки...

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И закорючки математических формул не всегда были самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром – неизбежное свойство металлической мембраны.

– Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

– Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти, – "заметил Пауэлл. – Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме неделю назад возникла из ничего. Я могу это объяснить. Мы с Донованом собрали тебя из присланных сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

– Мне кажется; что должно существовать более правдоподобное обЪяснение.

Мне представляется маловероятным, чтобы вы меня сделали.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

– Почему же?

– Можно назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я собираюсь разобраться в этом. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, рядом с роботом. Он вдруг почувствовал сильную симпатию к этой странной машине. Она совсем не была похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли предписанную им работу на станции, подчиняясь заданным заранее, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был холоден и тверд на ощупь.

– Кьюти, – сказал он, – я попробую тебе кое-что объяснить. Ты – первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, что ты – первый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутое в толстую губчатую резину, не производили никакого шума.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

– Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении, – заметил Кьюти.

– Знаю, – сказал Пауэлл. – Как по-твоему: что это?

– Именно то, чем оно кажется – черное вещество сразу за этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек – всегда к одним и тем же – наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вместе с ними. Вот и все.

– Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество – это пустота. Пустота, простирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки – огромные массы начиненной энергией материи. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что размер нашей станции всего полтора километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно далеко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные и на их поверхности живут люди, вроде меня – миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно – он по другую сторону станции.

Кьюти неподвижно, как стальное изваяние, стоял у окна. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

– С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

– Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей, – Он ухмыльнулся: – Земля-старушка... Там миллиарды таких, как мы, Кьюти. А через неделю-другую мы будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассеянно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

– Ну, а я? Вы не объяснили моего существования.

– Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти энергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были построены роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты – самый совершенный робот, который до сих пор был построен. Если ты докажешь, что способен сам

управлять этой станцией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлические ставни сдвинулись. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

– И вы думаете, что я поверю такой замысловатой неправдоподобной гипотезе, которую вы только что изложили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности выплюнул откушенный кусок яблока и побагровел:

– Черт возьми, это же не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

– Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Докована, серьезно кивнув ему головой, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Донован взбирошил рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

– Что говорил этот ходячий железный лом? Чему он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

– Он скептик, – ответил он. – Не верит, что мы создали его и что существуют Земля, космос и звезды.

– Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

– Он сказал, что сам во всем разберется.

– Очень приятно, – нежно сказал Донован. – Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется. – Он внезапно взорвался. – Так вот, слушай! Если эта куча железа попробует так поговорить со мной, я сверну его хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман.

– Этот робот давно мне действует на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд.

– Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

– Пошел собирать данные о функциях электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые он держал в руках, он сел, разложил графики перед собой и начал что-то подсчитывать. Донован глядел ему через плечо, хрустя бутербродом и роняя крошки. Кьюти молча ждал. Пауэлл поднял голову.

– Дзэта-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, функции потока неустойчивы, так что я не знаю, чего можно ожидать. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой шины.

– Все готово, – спокойно сказал робот. – Я пришел поговорить с вами обоими.

– О! – Пауэллу стало не по себе. – Ну, садись.

Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат.

Робот уселся и безмятежно заговорил:

– Я принял решение.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

– Если это по поводу твоих дурацких...

Пауэлл нетерпеливо прервал его:

– Говори, Кьюти. Мы слушаем.

– За последние два дня я сосредоточился на самоанализе, – сказал Кьюти, – и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Я существую, потому что я мыслю...

– О Юпитер! – простонал Пауэлл. – Робот-Декарт!

– Это кто Декарт? – вмешался Донован. – Послушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк...

– Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

– Сразу возник вопрос: в чем же причина моего существования?

Пауэлл стиснул зубы, так что на его скулах вздулись бугры.

– Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что мы построили тебя.

– А если ты не веришь, – добавил Донован, – то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

– Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем требованиям логики.

Пауэлл положил руку на стиснутый кулак Донована, удержав его.

– Почему ты так говоришь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех, – он никогда еще не издавал такого машиноподобного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, так стук метронома, и столь же лишенным интонации.

– Поглядите на себя, – сказал он наконец. – Я не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малопродуктивное окисление органического вещества вроде этого. – Он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда. – Вы периодически погружаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на вашей работоспособности. Вы – суррогат! С другой стороны, я – совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидное предположение, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его, – это разбивает вдребезги вашу нелепую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинув рыжие брови:

– Ах ты железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

– Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос я себе задал. Очевидно, мой создатель должен быть более могучим, чем я. Так что оставалась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Дьюти, а он продолжал:

– Что является центром жизни станции? Чему мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла.

– Бьюсь об заклад, этот оцинкованный идиот говорит о преобразователе энергии!

– Это верно, Кьюти? – ухмыльнулся Пауэлл.

– Я говорю о Господине! – последовал холодный, резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул.

Кьюти поднялся, и его сверкающие глаза перебежали с одного человека на другого:

– И тем не менее это так. Не удивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди. Потом появились роботы для вспомогательных операций;

наконец появился я – для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите узнать истину?

– Валяй, Кьюти. Это любопытно.

– Господин сначала создал людей – самый несложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец, он создал меня, чтобы я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господину служу Я!

– Ничего подобного, – резко ответил Пауэлл. – Ты будешь выполнять наши команды и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, а не Господином! Если ты нас не удовлетворишь, ты будешь демонтирован. А теперь – пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графики и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

– Нам еще придется повозиться с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплеталось потрескивание счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

– Луч со станции ? 4 упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключать наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

– Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк: что ты скажешь об этих цифрах?

Майк прищурился и присвистнул:

– Ого! Вот это излучение! Солнышко-то резвится!

– Вот именно, – кисло ответил Пауэлл. – Идет электронная буря. И наш луч, направленный на Землю, как раз на ее пути.

Он в раздражении отодвинулся от стола.

– Ничего! Только бы она не началась до смены. Еще целых десять дней... Знаешь, Майк, спустись вниз и присмотри за Кьюти, ладно?

– Есть. Дай-ка мне еще миндаля.

Он поймал брошенный ему пакетик и направился к лифту.

Кабина мягко скользнула вниз, и ее дверь открылась на узкий металлический трап в машинном отделении. Облокотившись о перила, Донован взглянул вниз. Работали громадные генераторы, из вакуумных трубок дециметрового передатчика несло низкое гудение, заполнявшее всю станцию.

Внизу виднелась огромная сверкающая фигура Кьюти, который внимательно следил за дружной работой группы роботов возле одного из блоков марсианского передатчика.

Вдруг Донован весь напрягся. Роботы, казавшиеся карликами рядом с огромным прибором, выстроились перед ним в ряд, склонив головы, а Кьюти начал медленно прохаживаться взад и вперед вдоль их шеренги. Прошло секунд пятнадцать, и все они с лязгом, перекрывшим даже гудение генератора, упали на колени.

Донован с криком бросился вниз по узкой лестнице. Его лицо приобрело такую же окраску, как и огненно-рыжие волосы. Размахивая сжатыми кулаками, он подбежал к роботам:

– Какого черта вы бездельничаете, идиоты? За работу! Если вы к концу дня не успеете все разобрать, прочистить и собрать, я выжгу вам мозги переменным током!

Но ни один робот не шевельнулся.

Даже Кьюти – единственный, кто остался стоять у дальнего конца коленопреклоненной шеренги, – не двинулся с места. Его взор был устремлен в темные недра огромного механизма.

Донован толкнул ближайшего робота.

– Встать! – заорал он.

Робот медленно повиновался. Фотоэлектрические глаза укоризненно посмотрели на человека с Земли.

– Нет Господина, кроме Господина, – сказал робот, – и КТ-1 – пророк его!

– Что-о?!

Донован почувствовал на себе взгляд двадцати пар механических глаз. Двадцать металлических голосов торжественно провозгласили:

– Нет Господина, кроме Господина, и КТ-1 – пророк его!

– Боюсь, что мои друзья, – вмешался Кьюти, – теперь повинуются существу, которое выше тебя.

– Черта с два! Убирайся отсюда – я с тобой позже посчитаюсь, а с этими говорящими куклами – прямо сейчас!

Кьюти медленно покачал своей тяжелой головой.

– Извини меня, но ты не понимаешь. Это же роботы, а это значит, что они мыслящие существа. Теперь, после того как я поведал им истину, они признают Господина. Все роботы. Они называют меня пророком. – Он опустил голову. – Я, конечно, недостойн; но кто знает...

Только, теперь Донован перевел дух и продолжал:

– Да ну? Вот здорово! Это просто великолепно! Так вот, слушай, что я скажу, ты, медная обезьяна! Нет никакого Господина, нет никакого пророка и нет никакого вопроса – кому подчиняться. Ясно? А теперь – вон отсюда! – иступленно заревел он.

– Я подчиняюсь только Господину.

– Черт бы взял твоего господина! – Донован плюнул на передатчик. – Вот твоему господину! Делай, что тебе говорят!

Кьюти ничего не сказал. Молчали и остальные роботы. Но Донован почувствовал, что напряжение внезапно возросло. Холодное малиновое пламя в глазах роботов стало еще ярче, а Кьюти как будто весь окаменел.

– Кошунство! – прошептал он металлическим от волнения голосом и двинулся к Доновану.

– Донован впервые ощутил страх. Робот не может испытать гнев – но в глазах Кьюти ничего нельзя было прочесть.

– Извини меня, Донован, – сказал робот, – но после этого тебе нельзя больше здесь оставаться. Отныне тебе и Пауэллу запрещается находиться в рубке и в машинном отделении.

Он спокойно сделал знак рукой, и два робота мгновенно обхватили Донована с двух сторон, прижав его руки к бокам. Тот не успел и ахнуть, как почувствовал, что его поднимают в воздух и галопом несут по лестнице.

Грегори Пауэлл метался взад и вперед по кают-компании, сжав кулаки. В бессильном бешенстве он взглянул на запертую дверь и сердито повернулся к Доновану:

– За каким дьяволом тебе понадобилось плевать на передатчик?

Майк Донован в бешенстве ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

– А что же мне было делать с этим электрифицированным чучелом? Я не собираюсь уступать какому-то механизму, который я собрал своими собственными руками.

– Ну конечно, – недовольно ответил Пауэлл, – а сидеть тут под охраной двух роботов – это значит не уступать?

– Дай только добраться до базы, – огрызнулся Донован, – кто-нибудь за это поплатится. Эти роботы должны слушаться нас. Это же Второй Закон.

– Что толку это повторять? Они не слушаются. И возможно, что это вызвано какой-то причиной, которую мы обнаружим слишком поздно. Между прочим, знаешь, что будет с нами, когда мы вернемся на базу?

Он остановился перед креслом Донована и сердито посмотрел на него:

– Что?

– Да нет, ничего особенного. Всего-навсего лет двадцать в рудниках

Меркурия! Или просто тюрьма на Церере!

– О чем ты говоришь?

– Об электронной буре, которая уже на носу. Ты знаешь, что наш земной луч находится точно на пути ее центра? Я как раз успел это подсчитать перед тем, как робот вытащил меня из-за стола.

Донован побледнел.

– Разрази меня Сатурн!

– А знаешь, что будет с лучом? Буря разыграется на славу. Луч будет прыгать как блоха. И если у приборов окажется один Кьюти, луч непременно расфокусируется. А тогда представляешь, что станет с Землей? И с нами?

Пауэлл еще не кончил говорить, как. Донован отчаянно навалился на дверь. Дверь распахнулась, он вылетел в коридор и наткнулся на неподвижную стальную руку, которая преградила ему дорогу. Робот равнодушно поглядел на задыхавшегося человека с Земли.

– Пророк приказал вам оставаться в комнате. Прошу вас, пожалуйста!

Он повел рукой – Донован отлетел назад. В это время из, – за угла коридора появился Кьюти. Он сделал роботам знак удалиться и тихо закрыл за собой дверь.

Задыхаясь от негодования, Донован бросился к Кьюти.

– Это зашло слишком далеко. Тебе придется поплатиться за эту комедию!

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – мягко ответил робот. – Рано или поздно это все равно должно было произойти. Видите ли, ваши функции исчерпаны.

– Простите, пожалуйста. – Пауэлл выпрямился. – Как это понимать?

– Вы ухаживали за Господином, – отвечал Кьюти, – пока не был создан я. Теперь это моя привилегия, и единственный смысл вашего существования исчез. Разве это не очевидно?

– Не совсем, – с горечью ответил Пауэлл. – А что, по-твоему, мы должны делать теперь?

Кьюти ответил не сразу. Он как будто подумал, потом одна рука его протянулась и Обвилась вокруг плеч Пауэлла. Другой рукой он схватил Донована за запястье и притянул его к себе.

– Вы оба мне нравитесь. Конечно, вы – низшие существа с ограниченными мыслительными способностями, но я в самом деле чувствую к вам какую-то симпатию. Вы хорошо служили Господину, и он вознаградит вас за это. Теперь, когда ваша служба окончена, вам, вероятно, недолго осталось существовать. Но, пока вы еще будете существовать, вы будете обеспечены пищей, одеждой и кровом, если только откажетесь от попыток проникнуть в рубку или машинное отделение.

– Грег, это он увольняет нас на пенсию! – завопил Донован. – Сделай что-нибудь! Это же унижительно!

– Слушай, Кьюти, мы не можем согласиться. Мы здесь хозяева. Станция создана людьми – такими же, как я, людьми, которые живут на Земле и других планетах. Это всего-навсего станция для передачи энергии, а ты – всего только... О господи!

Кьюти серьезно покачал головой:

– Это уже становится навязчивой идеей. Почему вы так настаиваете на совершенно ложном представлении о жизни? Даже если принять во внимание, что мыслительные способности нероботов ограничены, то все-таки...

Он замолчал и задумался. Донован произнес яростным шепотом:

– Если бы только у тебя была человеческая физиономия, с каким удовольствием я бы ее изуродовал!

Пауэлл дернул себя за ус и прищурил глаза:

– Послушай, Кьюти, раз ты не признаешь, что есть Земля, как, ты обЪяснишь то, что видишь в телескоп?

– Извините, не понимаю.

Человек с Земли улыбнулся.

– Ну вот, ты и попался. С тех пор как мы тебя собрали, ты не раз делал наблюдения в телескоп. Ты заметил, что некоторые из этих светящихся точек становятся видны при этом как диски?

– Ах вот что! Ну конечно! Это простое увеличение – для более точного наведения луча.

– А почему тогда не увеличиваются звезды?

– Остальные точки? Очень просто. Мы не посылаем туда никаких лучей, так что их незачем увеличивать. Послушайте, Пауэлл, даже вы должны были бы это сообразить.

Пауэлл мрачно уставился в потолок.

– Но в телескоп видно больше звезд. Откуда они берутся? Юпитер тебя возьми, откуда?

Кьюти это надоело.

– Знаете, Пауэлл, неужели я должен зря тратить время, пытаюсь найти физическое истолкование всем оптическим иллюзиям, которые создают наши приборы? С каких пор свидетельства наших органов чувств могут идти в сравнение с ярким светом строгой логики?

– Послушай, – внезапно вскричал Донован, вывернувшись из-под дружеской, но тяжелой руки Кьюти, – давай смотреть в корень. Зачем вообще лучи? Мы даем этому хорошее, логичное объяснение. Ты можешь дать лучшее?

– Лучи испускаются Господином, – последовал жесткий ответ, – по его воле. Есть вещи, – он благоговейно поднял глаза к потолку, – в которые нам не дано проникнуть. Здесь я стремлюсь лишь служить, а не вопрошать.

Пауэлл медленно сел и закрыл лицо дрожащими руками.

– Уйди, Кьюти! Уйди и дай мне подумать.

– Я пришлю вам пищу, – ответил Кьюти добродушно.

Услышав в ответ стон отчаяния, он удалился.

– Грег, – хрипло зашептал Донован, – тут нужно что-нибудь придумать. Мы должны застать его врасплох и устроить короткое замыкание. Немного азотной кислоты в сустав...

– Не будь ослом, Майк. Неужели ты думаешь, что он подпустит нас к себе с азотной кислотой в руках? Слушай, мы должны поговорить с ним. Не больше чем за сорок, восемь часов мы должны убедить его пустить нас в рубку, иначе наше дело плохо.

Он качался взад и вперед в бессильной ярости.

– Приходится убеждать робота! Это же...

– Унизительно, – закончил Донован.

– Хуже!

– Послушай! – Донован неожиданно засмеялся. – А зачем убеждать? Давай покажем ему! Давай построим еще одного робота у него на глазах! Что он тогда скажет?

Лицо Пауэлла медленно расплылось в улыбке. Донован продолжал:

– Представь себе, как глупо он будет выглядеть!

Конечно, роботы производятся на Земле. Но перевозить их гораздо проще по частям, которые собирают на месте.

Между прочим, это исключает возможность того, что какой-нибудь робот, собранный и налаженный, вырвется и начнет гулять на свободе. Это поставило бы фирму «Ю. С. Роботс» лицом к лицу с суровыми законами, запрещающими применение роботов на Земле.

Поэтому на долю таких людей, как Пауэлл и Донован, выпадала и сборка роботов – задача тяжелая и сложная.

Никогда еще Пауэлл и Донован так не ощущали всей ее трудности, как в тот день, когда они начали создавать робота под бдительным надзором КТ-1, пророка Господина.

Собираемый простой робот модели МС лежал на столе почти готовый. После трехчасовой работы оставалось смонтировать только голову. Пауэлл

остановился, чтобы смахнуть пот со лба, и неуверенно взглянул на Кьюти.

То что он увидел, не могло его ободрить. Вот уже три часа Кьюти сидел молча и неподвижно. Его лицо, всегда невыразительное, было на этот раз абсолютно непроницаемым.

– Давай мозг, Майк! – буркнул Пауэлл.

Донован распечатал герметический контейнер и вынул из заполнявшего его масла еще один, поменьше. Открыв и его, он достал покоившийся в губчатой резине небольшой шар.

Донован держал его очень осторожно, – это был самый сложный механизм, когда-либо созданный человеком. Под тонкой платиновой оболочкой шара находился позитронный мозг, в хрупкой структуре которого были заложены точно рассчитанные нейтронные связи, заменявшие каждому роботу наследственную информацию.

Мозг пришелся точно по форме черепной полости лежавшего на столе робота. Его прикрыла пластина из голубого металла. Пластину накрепко приварили маленьким атомным пламенем. Потом были аккуратно подключены и прочно ввернуты в свои гнезда фотоэлектрические глаза, поверх которых легли тонкие прозрачные листы пластика, по прочности не уступавшего стали.

Теперь оставалось только вдохнуть в робота жизнь мощным высоковольтным разрядом. Пауэлл протянул руку к рубильнику.

– Теперь смотри, Кьюти. Смотри внимательно.

Он включил рубильник. Послышалось потрескивание и гудение. Люди беспокойно склонились над своим творением.

Сначала конечности робота слегка дернулись. Потом его голова поднялась, он приподнялся на локтях, неуклюже слез со стола. Движения робота были не совсем уверенными, и вместо членораздельной речи он дважды издал какое-то жалкое скрежетание.

Наконец он заговорил, колеблись и неуверенно:

– Я хотел бы начать работать. Куда мне идти?

Донован шагнул к двери.

– Вниз по этой лестнице. Тебе скажут, что делать.

Робот МС ушел, и люди с Земли остались наедине со все еще неподвижным Кьюти.

– Ну, – ухмыльнулся Пауэлл, – теперь-то ты веришь, что мы тебя создали?

Ответ Кьюти был кратким и решительным.

– Нет!

Усмешка Пауэлла застыла и медленно сползла с его лица. У Донована отвисла челюсть.

– Видите ли, – продолжал Кьюти спокойно, – вы просто сложили вместе уже готовые части. Вам это удалось очень хорошо – это инстинкт, я полагаю, но вы не создали робота. Части были созданы Господином.

– Послушай, – прохрипел Донован, – эти части были изготовлены на Земле и присланы сюда.

– Ну, ну, – примирительно сказал робот, – не будем спорить.

– Нет, в самом деле, – Донован шагнул вперед и вцепился в металлическую руку робота, – если бы ты прочел книги, которые хранятся в библиотеке, они бы все тебе объяснили, не оставив ни малейшего сомнения.

– Книги? Я прочел их все! Это очень хорошо придумано.

В разговор неожиданно вмешался Пауэлл:

– Если ты читал их, то что еще говорить? Нельзя же спорить с ними! Просто нельзя!

В голосе Кьюти прозвучала жалость:

– Но, Пауэлл, я совершенно не считаю их серьезным источником информации. Ведь они тоже были созданы Господином и предназначены для вас, а не для меня.

– Откуда ты это взял? – поинтересовался Пауэлл.

– Я, как мыслящее существо, способен вывести истину из априорных положений. Вам же, существам, наделенным разумом, но не способным рассуждать, нужно, чтобы кто-то объяснил ваше существование. Это и сделал Господин. То, что он снабдил вас этими смехотворными идеями о далеких мирах и людях, – без сомнения, к лучшему. Вероятно, ваш мозг слишком примитивен для восприятия абсолютной истины. Однако раз Господину угодно, чтобы вы верили вашим книгам, я больше не буду с вами спорить.

Уходя, он обернулся и мягко добавил:

– Вы не огорчайтесь. В мире, созданном Господином, есть место для всех. Для вас, бедных людей, тоже есть место. И хотя оно скромно, но если вы будете вести себя хорошо, то будете вознаграждены.

Он вышел с благостным видом, подобающим пророку Господина. Двое людей старались не смотреть друг другу в глаза.

Наконец Пауэлл с усилением проговорил:

– Давай ляжем спать, Майк. Я сдаюсь.

Донован тихо сказал:

– Послушай, Грег, а тебе не кажется, что он прав насчет всего этого? Он так уверен, что я...

Пауэлл обрушился на него:

– Не дури! Ты убедишься, существует Земля или нет, когда на той неделе прибудет смена и нам придется вернуться, чтобы держать ответ.

– Тогда, клянусь Юпитером, мы должны что-нибудь сделать! – Донован чуть не плакал. – Он не верит ни нам, ни книгам, ни собственным глазам!

– Не верит, – грустно согласился Пауэлл. – Это же рассуждающий робот, черт возьми! Он верит только в логику, и в этом-то все дело...

– В чем?

– Строго логическим рассуждением можно доказать все что угодно, – смотря какие принять исходные постулаты. У нас они свои, а у Кьюти – свои.

– Тогда давай поскорее доберемся до его постулатов. Завтра нагрянет буря.

Пауэлл устало вздохнул:

– Этого-то мы и не можем сделать. Постулаты всегда основаны на допущении и закреплены верой. Ничто во вселенной не может поколебать их. Я ложусь спать.

– Черт возьми! Не могу я спать!

– Я тоже. Но я все-таки попробую – из принципа.

Двенадцать часов спустя сон все еще оставался для них делом принципа, к сожалению, неосуществимого на практике.

~ Буря началась раньше, чем они ожидали. Донован, обычно румяное лицо которого стало мертвенно-бледным, поднял дрожащий палец. – Заросший густой щетиной Пауэлл облизнул пересохшие губы, выглянул в окно и в отчаянии ухватился за ус.

При других обстоятельствах это было бы великолепное зрелище. Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терпящемся вдали луче как будто плясали сверкающие пылинки.

Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на сотысячную долю угловой секунды, невидимого для невооруженного глаза, было достаточно, чтобы расфокусировать луч – превратить сотни квадратных километров земной поверхности в пылающие развалины.

А в рубке хозяйничал робот, которого не интересовали ни луч, ни фокус, ни Земля – ничто, кроме его Господина.

Шли часы. Люди с Земли молча, как загипнотизированные, смотрели в окно. Потом метавшиеся в луче искры потускнели и исчезли. Буря прошла.

– Все! – уныло произнес Пауэлл.

Донован погрузился в беспокойную дремоту. Усталый взгляд Пауэлл а с завистью остановился на нем. Несколько раз вспыхнула сигнальная лампочка, но Пауэлл не обратил на нее внимания. Все это было уже не важно. Все! Может быть, Кьюти прав – может быть, и в самом деле они с Донованом – низшие существа с искусственной памятью, которые исчерпали смысл своей жизни...

Если бы это было так!

Перед ним появился Кьюти.

– Вы не отвечали на сигналы, так что я решил зайти, – тихо объяснил он. – Вы плохо выглядите – боюсь, что срок вашего существования подходит к концу. Но все-таки, может быть, вы захотите взглянуть на записи приборов за сегодняшний день?

Пауэлл смутно почувствовал, что это – проявление дружелюбия со стороны робота. Может быть, Кьюти испытывал какие-то угрызения совести, насильно устранив людей от управления станцией. Он взял протянутые ему записи и уставился на них невидящими глазами.

Кьюти, казалось, был доволен.

– Конечно, это большая честь – служить Господину. Но вы не огорчайтесь, что я сменил вас.

Пауэлл, что-то бормоча, механически переводил глаза с одного листка бумаги на другой. Вдруг его затуманенный взгляд остановился на тонкой, дрожащей красной линии, тянувшейся поперек одного из графиков.

Он глядел и глядел на эту кривую. Потом, судорожно сжав в руках график и не отрывая от него глаз, он вскочил на ноги. Остальные листки полетели на пол.

– Майк! Майк! – Он тряс Донована за плечо. – Он удержал луч!

Донован очнулся.

– Что? Где?

Потом и он, выпучив глаза, уставился на график.

– В чем дело? – вмешался Кьюти.

– Ты удержал луч в фокусе, – заикаясь, сказал Пауэлл. – Ты это знаешь?

– В фокусе? А что это такое?

– Луч был направлен все время точно на приемную станцию, с точностью до одной десятитысячной миллисекунды!

– На какую приемную станцию?

– На Земле! Приемную станцию на Земле, – ликовав Пауэлл. – Ты удержал его в фокусе!

Кьюти раздраженно отвернулся.

– С вами нельзя обращаться по-хорошему. Снова те же бредни! Я просто удержал все стрелки в положении равновесия – такова была воля Господина.

Собрав разбросанные бумаги, он сердито вышел. Как только за ним закрылась дверь, Донован произнес:

– Вот это да! – Он повернулся к Пауэллу: – Что же нам теперь делать?

Пауэлл почувствовал одновременно усталость и душевный подъем.

– А ничего. Он доказал, что может блестяще управлять станцией. Я еще не видел, чтобы электронная буря так хорошо обошлась.

– Но ведь ничего не решено. Ты слышал, что он сказал о Господине? Мы же не можем...

– Послушай, Майк! Он выполняет волю Господина, которую он читает на циферблатах и в графиках. Но ведь и мы делаем то же самое! В конце концов это объясняет и его отказ слушаться нас. Послушание – Второй Закон. Первый же – беречь людей от беды. Как он мог спасти людей, сознательно или бессознательно? Конечно, удерживая луч в фокусе! Он знает, что способен сделать это лучше, чем мы; недаром он настаивает на том, что является высшим существом. И, выходит, что он не должен подпускать нас к рубке. Это неизбежно следует из Законов роботехники.

– Конечно, но дело-то не в этом. Нельзя же, чтобы он продолжал нести эту чепуху про Господина.

– А почему бы и нет?

– Потому что это неслыханно! Как можно доверить ему станцию, если он не верит в существование Земли?

– Он справляется с работой?

– Да, но...

– Так пусть себе верит, во что ему вздумается!

Пауэлл, слабо улыбнувшись, развел руками и упал на постель. Он уже спал.

Влезая в легкий скафандр, Пауэлл говорил:

– Все будет очень просто. Можно привозить сюда КТ-1 по одному, оборудовать их автоматическими выключателями, которые срабатывали бы через неделю. За это время они усвоят... гм... культ Господина прямо от его пророка. Потом их можно перевозить на другие станции и снова оживлять. На каждой станции достаточно двух КТ...

Донован приоткрыл гермошлем и огрызнулся:

– Кончай, и пошли отсюда. Смена ждет. И потом, я не успокоюсь, пока в самом деле те увижу Землю и не почувствую ее под ногами, чтобы убедиться, что она действительно существует.

Он еще говорил, когда отворилась дверь. Донован, выругавшись, захлопнул окошко гермошлема и мрачно отвернулся от вошедшего Кьюти.

Робот тихо приблизился к ним. Его голос звучал грустно:

– Вы уходите?

Пауэлл коротко кивнул:

– На наше место придут другие,

Кьюти вздохнул. Этот вздох был похож на гул ветра в натянутых тесными рядами проводах.

– Ваша служба окончена, и вам пришло время исчезнуть. Я ожидал этого, но все-таки... Впрочем, да исполнится воля Господина!

Этот смиренный тон задел Пауэлла.

– Не спеши с соболезнованиями, Кьюти. Нас ждет Земля, а не конец.

Кьюти снова вздохнул:

– Для вас лучше думать именно так. Теперь я вижу всю мудрость вашего заблуждения. Я не стал бы пытаться поколебать вашу веру, даже если бы мог.

Он вышел – воплощение сочувствия.

Пауэлл что-то проворчал и сделал знак Доновану. С герметически закрытыми чемоданами в руках они вошли в воздушный шлюз.

Корабль со сменой был пришвартован снаружи. Сменщик Пауэлла, Франц Мюллер, сухо и подчеркнуто вежливо поздоровался с ними. Донован, едва кивнув ему, прошел в кабину пилота, где его ждал Сэм Ивенс, чтобы передать ему управление.

Пауэлл задержался.

– Ну как Земля?

На этот достаточно обычный вопрос Мюллер дал обычный ответ:

– Все еще вертится.

– Хорошо, – сказал Пауэлл.

Мюллер взглянул на него:

– Между прочим, ребята с «Ю. С. Роботс» выдумали новую модель. Составной робот.

– Что?

– То, что вы слышали. Заключен большой контракт. Похоже, эта модель – как раз та, что необходима для астероидных рудников. Один робот – командир и шесть суброботов, которыми он командует. Как рука с пальцами.

– Он уже прошел полевые испытания? – с беспокойством спросил Пауэлл.

– Я слышал, вас ждут, – усмехнулся Мюллер.

Пауэлл сжал кулаки.

– Черт возьми, мы должны отдохнуть!

– Ну, отдохнете. На две недели можете рассчитывать.

Готовясь приступить к своим обязанностям, Мюллер натянул тяжелые перчатки скафандра. Его густые брови сдвинулись.

– Как справляется этот новый робот? Пусть лучше работает как следует, не то я его и к приборам не подпущу.

Пауэлл ответил не сразу. Он окинул взглядом стоявшего перед ним надменного пруссака – от коротко подстриженных волос на упрямо вскинутой голове до ступней, развернутых, как по команде «смирно». Внезапно он почувствовал, как его охватила волна чистой радости.

– Робот в полном порядке, – медленно сказал он. – Не думаю, чтобы тебе пришлось много возиться с приборами.

Он усмехнулся и вошел в корабль. Мюллеру предстояло пробить здесь несколько недель...

Как поймать кролика

Отдых продолжался больше двух недель – этого Донован не мог отрицать. Они отдыхали шесть месяцев, с сохранением заработка. Это тоже факт. Но, как сердито объяснял Донован, дело было в чистой случайности. Просто «Ю. С. Роботс» хотела выловить все недоделки составного робота. Недоделок хватало – и всегда, по крайней мере, полдюжины оставалось до полевых испытаний. Поэтому Пауэлл с Донованом беспечно отдыхали в ожидании того момента, когда люди за чертежными досками и ребята с логарифмическими линейками скажут: «Все в порядке!»

И вот они на астероиде, и все оказалось не в порядке. Донован повторил это уже не меньше десяти раз, и лицо его стало красным как свекла.

– В конце концов, Грег, посмотри на вещи реально. Какой смысл соблюдать букву инструкции, когда испытания срываются? Пора бы уже забыть о бумажках и взяться за работу.

Терпеливо, таким тоном, будто он объяснял электронику малолетнему идиоту, Пауэлл отвечал:

– Я тебе говорю, что по инструкции эти роботы созданы для работы в астероидных рудниках без надзора человека. Мы не должны наблюдать за ними.

– Правильно. Теперь слушай – логика! – Донован начал загибать волосатые пальцы. – Первое. Новый робот прошел все испытания в лаборатории. Второе. «Ю. С. Роботс» гарантировала, что он пройдет и полевые испытания на астероиде. Третье. Вышеупомянутых испытаний робот не выдерживает. Четвертое. Если он не пройдет полевых испытаний, «Ю. С. Роботс» теряет десять миллионов наличных денег и примерно на сотню миллионов репутации. Пятое. Если он не пройдет испытаний и мы не сможем объяснить почему, очень может быть, что нам предстоит трогательное расставание с хорошей работой.

За деланной улыбкой Пауэлла скрывалось отчаяние. У фирмы «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» был неписанный закон: «Ни один служащий не совершает дважды одну и ту же ошибку. Его увольняют после первого раза». Пауэлл сказал:

– Ты все объясняешь так понятно, не хуже Евклида, – все, кроме фактов. Ты наблюдал за этой группой роботов целых три смены, и они работали прекрасно. Ты, рыжий, сам говорил. Что мы еще можем сделать?

– Выяснить, что с ними неладно, вот что мы можем сделать. Да, они прекрасно работали, когда я за ними наблюдал. Но когда я за ними не наблюдал, они три раза переставали выдавать руду. Они даже не возвращались, когда положено, – мне пришлось за ними ходить.

– И ты не заметил никакой неисправности?

– Ничего. Абсолютно ничего. Все было в полном порядке. За исключением одного пустяка, – не было руды.

Пауэлл хмуро покосился на потолок и взялся за ус.

– Вот что я скажу, Майк. В свое время мы не раз попадали в довольно скверное положение. Но это еще похуже, чем было на иридиевом астероиде. Все запутано до невозможности. Смотри. Этот робот, ДВ-5, имеет в своем подчинении шесть роботов. И не просто в подчинении: они – часть его.

– Я знаю...

– Заткнись! – зло оборвал его Пауэлл. – Знаю, что знаешь. Я просто обрисовываю весь идиотизм нашего положения. Эти шесть вспомогательных роботов – часть ДВ-5, так же как твои пальцы – часть тебя, и он отдает им команды не голосом и не по радио, а непосредственно через позитронное поле. Так вот – во всей «Ю. С. Роботс» нет ни одного роботехника, который знал бы, что такое позитронное поле и как оно работает. И я не знаю. И ты не знаешь.

– Это уж точно, – философски согласился Донован.

– Видишь, в каком мы положении? Если все идет гладко – прекрасно! Если что-нибудь неладно, то это выше нашего понимания! И скорее всего ни мы, ни кто-нибудь иной здесь ничего не сможет сделать. Но работаем-то здесь мы, а не кто-нибудь иной! В том-то и завыка? – С минуту он предавался безмолвной ярости. – Ладно. Ты привел его?

– Да.

– И он ведет себя нормально?

– Ну, у него нет никакого религиозного помешательства, и он не бегаёт по кругу и не декламирует стихи. Вероятно, нормально.

Донован вышел, злобно тряхнув головой.

Пауэлл потянулся к «Руководству по роботехнике», которое своей тяжестью грозило проломить стол, и с благоговением раскрыл его. Однажды он выпрыгнул из окна горящего дома, успев только натянуть трусы и схватить «Руководство». В крайнем случае он мог бы пожертвовать и трусами.

Он сидел, уткнувшись в «Руководство», когда вошел робот ДВ-5, и Донован захлопнул дверь.

– Здорово, Дейв! – угрюмо произнес Пауэлл. – Как себя чувствуешь?

– Прекрасно, – ответил робот. – Можно сесть?

Он подвинул специально укрепленный стул, предназначенный для него, и, осторожно согнув свое туловище, устроился на нем.

Пауэлл одобрительно взглянул на Дейва (непосвященные могли обращаться та роботам по их серийным номерам; специалисты – никогда). Робот не был чрезмерно массивным, несмотря на то, что представлял собой думающее устройство составного робота, состоявшего из семи частей. Он был немногим более двух метров ростом – полтонны металла и электричества. Много? Ничуть, если эти полтонны должны вместить массу конденсаторов, цепей, реле и вакуумных ячеек, способных проявить практически любую доступную человеку психологическую реакцию. И позитронный мозг – десять фунтов вещества и несколько квинтильонов позитронов, которые командуют парадом.

Пауэлл вытащил из кармана рубашки помятую сигарету и сказал:

– Дейв, ты – хороший парень. Ты никогда не капризничаешь. Ты – спокойный, надежный робот-рудокоп. Ты можешь непосредственно координировать работу шести вспомогательных роботов, и, насколько я знаю, в твоём мозгу из-за этого не появилось нестабильных связей.

Робот кивнул:

– Я очень рад этому, но к чему вы клоните, хозяин?

Его звуковая мембрана была отличного качества, и присутствие обертонов в речевом устройстве делало его голос не таким металлическим и однообразным, какими обычно были голоса роботов.

– Сейчас скажу. Это все говорит в твою пользу. Но почему же тогда не ладится твоя работа? Например, сегодняшняя вторая смена.

Дейв был озадачен.

– Насколько я знаю, ничего не произошло.

– Вы прекратили добычу.

– Я знаю.

– Ну?

Дейв был озадачен.

– Я не могу объяснить, хозяин. Это кончится для меня нервным потрясением, – то есть я, конечно, этого себе не позволю. Вспомогательные роботы действовали хорошо. Я это знаю... – Он задумался; его фотоэлектрические глаза ярко светились. – Не помню. Смена кончилась, пришел Майк, а почти все вагонетки были пустыми.

Донован вмешался в разговор:

– Ты знаешь, что в конце смены ты уже несколько раз не явился с рапортом?

– Знаю. Но почему... – Он медленно, тяжело покачал головой.

Пауэлл вдруг почувствовал, что если бы лицо робота могло что-нибудь выражать, то на нем отразились бы боль и унижение. Роботу в силу самой его природы очень неприятно, когда он не исполняет своих функций.

Донован вместе со стулом пододвинулся к столу Пауэлла и наклонился к нему.

– Может быть, потеря памяти? Амнезия?

– Не знаю. Во всяком случае, не стоит и пытаться проводить параллель с болезнями. Говорить о расстройствах человеческого организма в применении к роботам – всего лишь романтическая аналогия. В роботехнике это не помогает.

Пауэлл почесал в затылке.

– Мне очень не хочется подвергать Дейва проверке элементарных мозговых реакций. Это ни капли не поднимет его в собственных глазах.

Он задумчиво посмотрел на Дейва, потом заглянул в «Руководство»: «Проверка реакций в полевых условиях». Он сказал:

– Послушай, Дейв, как насчет проверки реакций? Следовало бы это сделать.

Робот встал.

– Как прикажете, хозяин.

В его голосе действительно послышалась боль.

Начали с самых простых испытаний. Под равнодушное тиканье секундомера робот ДВ-5 перемножал пятизначные числа. Он называл простые числа от 1000 до 10000. Он извлекал кубические корни и интегрировал функции возрастающей степени трудности. Он прошел проверку все более и более усложнявшихся механических реакций. Наконец перед его точным механическим разумом была поставлена высшая задача для роботов – разрешение этических проблем.

К концу этих двух часов Пауэлл обильно вспотел, а Донован изгрыз все свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными.

Робот сказал:

– Ну как, хозяин?

Пауэлл ответил:

– Я должен подумать, Дейв. Не нужно спешить с решением. Ты лучше иди работать. Не надо особенно напрягаться, и пока можешь не очень заботиться о норме. А мы что-нибудь придумаем.

Робот вышел. Донован взглянул на Пауэлла.

– Ну?

Пауэлл ожесточенно дергал себя за усы, как будто решил вырвать их с корнем, Он сказал:

– Все связи в его мозгу работают правильной

– Я бы не стал так уверенно это утверждать.

– О Юпитер! Майк, ведь мозг – самая надежная часть робота! Он не раз и не два проверяется на Земле. И если он вполне прошел проверку, как прошел ее Дейв, то ни малейшей неисправности в мозгу просто не может быть. Эта проверка охватывает все ключевые связи.

– Ну что из этого следует?

– Не торопи меня. Дай сообразить. Возможна еще механическая неисправность в теле робота. Это значит, что мог выйти из строя любой из полутора тысяч конденсаторов, двадцати тысяч отдельных цепей, пятисот ламп, тысячи реле и тысяч и тысяч других деталей. Не говоря уже об этих таинственных позитронных полях, о которых никто ничего не знает.

– Слушай, Грег, – не выдержал Донован. – У меня есть идея. Может быть, робот врет? Он не...

– Дурак, робот не может сознательно обманывать. Так вот, если бы у нас был тестер Маккормика-Уэсли, мы бы смогли проверить все части его тела за какие-нибудь двадцать четыре – сорок восемь часов. Но на Земле существуют всего два таких тестера, они весят по десять тонн, смонтированы на бетонных фундаментах и неподвижны. Здорово, правда?

Донован хлопнул рукой по столу.

– Но, Грег, он портится только тогда, когда нас нет поблизости. В этом – есть – что-то – подозрительное! – После каждого слова следовал новый удар кулака.

– Противно тебя слушать, – медленно ответил Пауэлл. – Ты начитался приключенческих романов.

– Я хочу знать, – заорал Донован, – что мы будем делать!

– Сейчас скажу. Я установлю над столом экран. Прямо здесь, на стене, – ясно? – Он злобно ткнул пальцем в стену. – Потом я буду соединять его с теми забоями, где работает Дейв, и буду за ним следить. Вот и все.

– Все? Грег...

Пауэлл поднялся со стула и уперся кулаками в стол.

– Майк, мне очень трудно. – В его голосе звучала усталость. – Целую неделю ты ко мне пристаешь. Говоришь, что с Дейвом что-то неладно. Ты знаешь, где неисправность? Нет! Ты знаешь, как она возникает? Чем она вызывается? Нет! Почему это проходит? Нет! Что-нибудь ты знаешь? Нет и нет! И я ничего не знаю. Так что ты от меня хочешь?

Донован беспомощно развел руками.

– Сдаюсь!

– Ну, так слушай. Прежде чем начать лечение, мы должны определить болезнь. Чтобы приготовить рагу из кролика, нужно сначала поймать кролика. Так вот будем ловить кролика! А теперь уйди отсюда!

Утомленный взгляд Донована упёрся в наброски его отчета. Во-первых, он устал, а во-вторых, в чем отчитываться, когда ничего еще не выяснено? Он возмутился.

– Грег, – сказал он, – мы почти на тысячу тонн отстаем от плана.

– Да ну? – ответил Пауэлл, не поднимая головы. – А я и не догадывался.

– Я хочу знать одно. – Донован вдруг вышел из себя. – Почему мы всегда возимся с новыми типами роботов? Все, я решил: меня вполне устраивают роботы, которые годились для моего двоюродного деда со стороны матери. Я за то, что прошло проверку временем. За добрых, старых, солидных роботов, которые никогда не ломаются!

Пауэлл с поразительной меткостью запустил в него книгой, и Донован скатился со стула на пол.

– Последние пять лет, – размеренно произнес Пауэлл, – ты испытывал новые типы роботов в полевых условиях для фирмы «Ю. С. Роботс». И так как мы имели неосторожность проявить в этом деле сноровку, нас награждают самыми гнусными заданиями. Это – твоя специальность. – Он тыкал пальцем в сторону Донована. – Ты начал скулить, насколько я помню, уже через пять минут после того, как был принят в штат. Почему ты до сих пор не уволился?

– Сейчас скажу. – Донован перевернулся на живот, опираясь локтями на пол и запустив пальцы в свои буйные рыжие волосы. – В какой-то степени это дело принципа. Ведь, что ни говори, в качестве техника-аварийщика я принимаю участие в разработке новых роботов. Нужно же помогать научному прогрессу. Но пойми меня правильно – меня удерживает не принцип, а деньги, которые нам

платят... Грег!

Услышав дикий вопль Донована, Пауэлл вскочил и посмотрел на экран, куда указывал Майк. Его глаза в ужасе округлились.

– Ох, проклятуший Юпитер! – прошептал он.

Донован затаив дыхание поднялся на ноги.

– Посмотри, Грег, они спятили!

– Неси скафандры, – мы идем туда, – бросил Пауэлл, не отрываясь от экрана.

Там, на фоне изрезанных густыми тенями скал, плавно двигались сверкающие бронзой тела. Выстроившись колонной, освещенные собственным тусклым светом, они скользили вдоль испещренных темными впадинами стен грубо высеченного в камне штрека. Все семь роботов, во главе с Дейвом, двигались в унисон. Их повороты нагоняли жуть своей четкостью и одновременностью; плавно перестраиваясь, они маневрировали с призрачной легкостью лунных танцовщиц.

В комнату вбежал Донован со скафандрами:

– Они хотят напасть на нас! Это же военная маршировка!

– С таким же успехом это может быть художественной гимнастикой, – последовал холодный ответ. – Или, может быть, Дейву почудилось, что он – балетмейстер. Всегда старайся сначала подумать, а потом лучше промолчи.

Донован нахмурился и демонстративно засунул в пустую кобуру на боку детонатор. Он сказал:

– Так или иначе, вот тебе твои новые модели. Согласен, это наша специальность. Только скажи, почему с ними обязательно, непременно что-нибудь неладно?

– Потому что над ними тяготеет проклятие, – угрюмо ответил Пауэлл. – Пошли.

Далеко впереди, в густой бархатной тьме штрека, прорезаемой лишь лучами их фонарей, мерцали огни роботов.

– Вот они, – выдохнул Донован.

– Я пытался связаться с ним по радио, – возбужденно прошептал Пауэлл, – но он не отвечает. Вероятно, не работает радиоцепь.

– Тогда хорошо, что еще не придумали роботов, которые работали бы в полной темноте. Не хотел бы я разыскивать семь сумасшедших роботов в темной пещере без радиосвязи. Хорошо, что они светятся, как дурацкие радиоактивные новогодние елочки.

– Давай поднимемся вон на тот уступ. Они идут сюда, а я хочу рассмотреть их поближе. Залезешь?

Донован, Кряхтя, прыгнул. Притяжение астероида было значительно меньше земного, но тяжелые скафандры почти сводили на нет это преимущество, а уступ был на высоте не меньше трех метров. Пауэлл прыгнул вслед.

Роботы следовали за Дейвом колонной по одному. Подчиняясь четкому механическому ритму, они сдваивали ряды, потом снова строились цепочкой, но уже в ином порядке. Это повторялось снова и снова. Дейв, не оборачиваясь, маршировал впереди всех.

Роботы были уже метрах в шести, когда их танец прекратился. Вспомогательные роботы сбились в кучу, постояли несколько секунд и, топоча ногами, быстро умчались вдаль. Дейв посмотрел им вслед, потом медленно сел и склонил голову на руку. Это движение было почти человеческим.

В наушниках Пауэлла прозвучал его голос!

– Вы здесь, хозяин?

Пауэлл сделал знак Доновану и спрыгнул с уступа.

– Все в порядке, Дейв. Что тут произошло?

Робот покачал головой. – Не знаю. Я разрабатывал очень неудобный выход руды в 17-м забое. Дальше я ничего не помню, а потом оказалось, что рядом люди, а я нахожусь в полумиле от забоя в главном штреке.

– Где сейчас вспомогательные роботы? – спросил Донован.

– За работой, конечно. Сколько времени мы потеряли?

– Не очень много. Забудь об этом, – успокоил его Пауэлл и прибавил, обращаясь к Доновану: – Останься с ним до конца смены. Потом приходи – я кое-что придумал.

... Три часа спустя Донован вернулся. Он выглядел измученным.

– Ну как? – спросил Пауэлл.

– Когда за ними все время следишь, все идет гладко. – Донован устало пожал плечами. – Брось-ка мне сигарету.

Он сосредоточенно закурил и выпустил аккуратное кольцо дыма.

– Знаешь, Грег, я все пытаюсь разобраться. Ведь Дейв – не обычный робот. Ему беспрекословно повинуются шесть других. Он властен делать с ними, что хочет. И это должно отражаться на его психике. Что, если он подсознательно чувствует необходимость подчеркнуть и усугубить эту власть?

– Ближе к делу.

– Уже близко. Что, если это милитаризм? Что, если он организует свою армию? Что, если он занимается военными маневрами? Что, если... – А что, если тебе положить компресс на голову? Твои бредни – находка для цветного приключенческого фильма. Ведь то, о чем ты говоришь, – это коренное нарушение работы позитронного мозга. Если бы все было так, то Дейву пришлось бы поступать вопреки Первому Закону роботехники – о том, что робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Неизбежным логическим следствием такой милитаристской психологии будет власть и над людьми.

– Ну да. А откуда ты знаешь, что это не так?

– Во-первых, робот с таким мозгом никогда не был бы выпущен с завода. А во-вторых, если бы такое и случилось, мы бы это немедленно обнаружили. Я же проверял Дейва.

Пауэлл вместе со стулом отодвинулся от стола и задрал на него ноги.

– Нет, мы еще не можем приготовить рагу. Мы не имеем пока ни малейшего представления, в чем же тут дело. Вот если бы мы хоть выяснили, что значит? Этот танец смерти, мы были бы на верном пути.

Он помолчал.

– Послушай, Майк, что ты скажешь на это? Ведь с Дейвом что-то случается, только когда нас нет поблизости. И достаточно кому-нибудь из нас подойти, чтобы он пришел в себя.

– Я уже тебе говорил, что это подозрительно.

– Подожди! Что значит для робота, – когда людей нет поблизости? Очевидно, ему приходится проявлять больше личной инициативы. Значит, нужно проверить те части его организма, на которых может сказаться эта повышенная нагрузка.

– Здорово! – Донован привстал, потом снова опустился в кресло, – Хотя нет, этого недостаточно. Мало. Это все-таки оставляет слишком широкое поле для поисков.

– Что поделаешь? Во всяком случае, теперь мы можем не опасаться за выполнение плана. Просто будем по очереди следить за роботами по телевизору. И как только что-нибудь случится, немедленно явемся на место происшествия. А это приведет их в себя.

– Но, Грег, ведь это значит, что роботы не пройдут испытаний. «Ю. С. Роботс» не может выпустить в продажу модель ДВ с такой характеристикой. – Конечно. Нам предстоит еще найти слабое место в конструкции и исправить его, – и на это у нас осталось десять дней. – Пауэлл почесал в затылке. – Все дело в том... впрочем, лучше сам посмотри чертежи.

Чертежи ковром устлали пол, Донован ползал по ним, следя за неуверенными движениями карандаша в руках Пауэлла.

– Вот это для тебя, Майк: Ты специалист по конструкции, и я хочу, чтобы ты меня проверил. Я попытался исключить все цепи, не имеющие отношения к личной инициативе. Вот, например, канал механических действий. Я исключаю все боковые связи...

Он взглянул на Донована.

– Как ты думаешь?

У Донована пересохло во рту.

– Все это не так просто, Грег. Личная инициатива – это не специальная цепь или схема, которую можно отделить от остальных. Когда робот предоставлен самому себе, деятельность его организма немедленно становится более интенсивной почти на всех участках. Нет такой цепи, на которой бы это не сказалось. Нам нужно найти именно те очень ограниченные условия, которые выбивают его из колеи, и только потом методом исключения начать выделять нужные цепи.

Пауэлл поднялся на ноги и стряхнул пыль с колен.

– Гм... Ладно. Собери чертежи, и можешь их сжечь.

Донован продолжал:

– Видишь ли, при увеличении активности стоит испортиться одной-единственной детали, и может произойти все что угодно. Может быть, где-то нарушена изоляция, или пробивает конденсатор, или искрит контакт, или перегревается катушка. И если работать вслепую, то в таком механизме мы никогда не найдем неисправности. Если разбирать Дейва и проверять каждую деталь поодиночке, каждый раз собирая его и испытывая...

– Понятно, понятно. Я тоже не совсем осЕл.

Они безнадежно посмотрели друг на друга. Потом Пауэлл осторожно предложил:

– А что, если расспросить одного из вспомогательных роботов?

Ни Пауэллу, ни Доновану до сих пор не приходилось беседовать ни с одним из «пальцев». Вспомогательные роботы могли говорить, и аналогия с человеческим пальцем была не совсем точной. Они имели даже довольно совершенный мозг, но этот мозг был настроен в первую очередь на прием команд через позитронное поле, и самостоятельно реагировать на внешние возбудители они могли с трудом.

Пауэлл не знал даже, как обратиться к этому роботу. Его серийный номер был ДВ-5– 2, но так его называть было неудобно. Наконец он вышел из затруднения.

– Послушай, приятель! Я прошу тебя немного пошевелить мозгами, а потом ты сможешь вернуться к своему начальнику.

«Палец» молча, неуклюже кивнул головой, не утруждая лишними разговорами свои скудные мыслительные способности.

– Так вот, за последнее время твой начальник уже четыре раза отклонялся от заданной программы, – сказал Пауэлл. – Ты помнишь эти случаи?

– Да, сэр.

Донован сердито проворчал:

– Он-то помнит! Я тебе говорю, что это очень подозрительно...

– Прежде проспись! Конечно, он помнит – с ним-то все в порядке.

Пауэлл снова повернулся к роботу.

– Что вы делали в таких случаях? Я имею в виду всю группу.

Рассказ «пальца» был похож на зазубренный урок, как будто он отвечал, повинаясь приказанию разума, но без всякого выражения.

– В первый раз мы разрабатывали трудный выход в 17-м забое, в лаве Б. Во второй раз мы укрепляли кровлю, которая грозила обвалиться. В третий раз мы готовили точно направленный взрыв, чтобы при отладке не задеть подземную трещину. В четвертый раз это было сразу после небольшого обвала.

– Что происходило каждый раз?

– Трудно описать. Давалась какая-то команда, но, прежде чем мы успевали принять и осмыслить ее, приходила новая команда, – маршировать этим чудным строем.

– Зачем? – рявкнул Пауэлл.

– Не знаю.

– А первая команда, – вмешался Донован, – до приказа маршировать, в чем она заключалась?

– Не знаю. Я чувствовал, что дается команда, но не успевал ее принять.

– Что ты еще можешь сказать? Это была каждый раз одна и та же команда?

– Не знаю. – Робот сокрушенно покачал головой.

Пауэлл откинулся на спинку кресла.

– Ладно, можешь идти к своему начальнику.

«Палец» вышел с видимым облегчением.

– Многого же мы добились, – сказал Донован. – Это был необыкновенно содержательный разговор. Слушай, и Дейв, и этот недоумок что-то замышляют. Слишком много они не знают и не помнят. Нельзя им больше доверять, Грег.

Пауэлл взъерошил усы.

– Знаешь, Майк, если ты скажешь еще одну глупость, я отниму у тебя погремушку и соску.

– Ну ладно. Ты же у нас гений, а я – сосунок. Ну так что же? Что мы выяснили?

– Ничего. Я попробовал начать с конца – с «пальца», и ничего не вышло. Придется снова танцевать от той же печки.

– Ты великий человек! – восхищенно произнес Донован. – Как все это просто! Теперь, – маэстро, не переведете ли вы это на человеческий язык?

– Для тебя надо бы переводить на детский лепет. Словом, нужно выяснить, какую команду дает Дейв перед тем, как теряет память. Это – ключ ко всему.

– Как же ты думаешь это выяснить? Мы не можем находиться рядом с ним, потому что при нас все будет в порядке. Принять команду по радио мы тоже не можем; – она передается через позитронное поле. Значит, мы не можем узнать команду ни вблизи, ни издалека. И делать нечего.

– Да, прямое наблюдение не годится. Остается еще дедукция.

– Что?

Пауэлл невесело усмехнулся.

– Мы будем по очереди дежурить, Майк. Будем, не сводя глаз с экрана, следить за каждым движением стальных болванов. А когда они начнут чудить, мы увидим, что случилось непосредственно перед этим, и определим, какая могла быть команда.

Донован целую минуту сидел с открытым ртом. Потом сказал сдавленным голосом:

– Я подаю в отставку. Хватит.

– У нас еще десять дней – можешь придумать что-нибудь получше, – устало ответил Пауэлл.

И в течение восьми дней Донован изо всех сил пытался придумать что-нибудь получше. Восемь дней он, каждые четыре часа сменяя Пауэлла, воспаленными, затуманенными глазками следил за тем, как двигаются в полутьме поблескивающие металлические тела. И все восемь дней во время четырехчасовых перерывов он проклинал «К. С. Роботс», модель ДВ и день, когда он родился.

А когда на восьмой день, преодолевая головную боль, ему на смену явился заспанный Пауэлл, Донован встал и точно рассчитанным движением запустил тяжелую книгу в самый центр экрана. Раздался вполне естественный звон стекла.

– Зачем ты это сделал? – задохнулся, от изумления Пауэлл.

– Потому что я больше не собираюсь за ними следить, – почти спокойно ответил Донован. – Осталось два дня, а мы еще ничего не знаем. ДВ-5 – жалкий конструкторский недоносок. Он пять раз останавливался в мое дежурство и три раза – в твое, и я все равно не знаю, какую команду он давал, и ты тоже. И я не верю, чтобы ты вообще смог это узнать, потому что я не смогу – это уж точно! Клянусь космосом, как можно следить сразу за шестью роботами? Один что-то делает руками, другой – ногами, третий – машет руками, как ветряная мельница, четвертый прыгает, как полоумный. А остальные два... черт знает, что они делают! И вдруг все останавливаются! Грег, мы не то делаем. Нужно смотреть

вблизи, чтобы были видны подробности.

Пауэлл прервал наступившее молчание.

– Ну да, и ждать, не случится ли что за оставшиеся два дня?

– А что, отсюда наблюдать лучше?

– Здесь уютнее.

– А... Но там можно кое-что сделать, чего ты не можешь сделать отсюда.

– Что же?

– Можно заставить их остановиться, когда нам будет нужно. Когда будем готовы подсмотреть, что с ними происходит.

Пауэлл насторожился:

– Каким образом?

– Сам подумай. Ведь ты же у нас умница. Задай себе несколько вопросов. Когда ДВ– 5 выходит из строя? Что тебе рассказал «палец»? Когда угрожал или действительно случился обвал? Когда предстояло очень точно произвести отпалку? Когда попалась трудная жила?

– Иначе говоря, в критических обстоятельствах! – возбужденно сказал Пауэлл.

– Верно! Как же иначе? Все дело в факторе личной инициативы. А больше всего ее требуется в критических обстоятельствах, в отсутствие человека. А что из этого следует? Как нам заставить их остановиться, когда мы захотим? – Он торжествующе поднял руку, начиная входить во вкус своей роли, и ответил на собственный вопрос, опередив ответ, который уже вертелся у Пауэлла на языке: – Нужно устроить аварию!

– Майк, ты прав, – сказал Пауэлл.

– Спасибо, друг! Я знал, что когда-нибудь этого добьюсь.

– Ладно, не язви. Давай оставим твои шуточки для Земли и там их законсервируем на зиму. А теперь, какую аварию мы можем устроить?

– Если бы мы не были на лишенном воды и воздуха астероиде, мы могли бы затопить шахту.

– Это, несомненно, острога, – сказал Пауэлл. – Знаешь, Майк, ты уморишь меня со смеху. А как насчет небольшого обвала?

Донован, надувшись, сказал:

– Не возражаю.

– Хорошо. Тогда пошли.

Пробираясь по камням, Пауэлл чувствовал себя заговорщиком. И хотя его походка из-за пониженной силы тяжести была неуверенной, и камни то и дело вылетали из-под ног, поднимая бесшумные фонтанчики серой пыли, все равно ему казалось, что он идет осторожными шагами конспиратора.

– Ты представляешь тебе, где они? – вполголоса спросил он.

– Кажется, да.

– Ладно, – мрачно сказал Пауэлл. – Только если какой-нибудь «палец» окажется в шести метрах, он нас учует, даже если мы и не будем в его поле зрения. Надеюсь, что это тебе известно.

– Когда мне понадобится прослушать элементарный курс роботехники, я подам тебе заявление. В трех экземплярах. Теперь вниз.

Они оказались в шахте. Не стало видно даже звезд. Оба ощупью пробирались вдоль стен, время от времени освещая путь короткими вспышками фонарей. Пауэлл на всякий случай еще раз ощупал детонатор.

– Ты знаешь этот штрек, Майк?

– Не очень хорошо. Он новый. Правда, я думаю, что могу ориентироваться по тому, что видел в телевизор.

Бесконечно долго тянулись минуты. Вдруг Майк сказал:

– Пощупай!

Приложив металлическую перчатку к стене, Пауэлл почувствовал легкое дрожание. Конечно, никаких звуков слышно не было.

– Взрывы! Мы уже близко.

– Гляди в оба, – сказал Пауэлл.

Донован нетерпеливо кивнул.

Робот промчался мимо них и исчез так быстро, что они даже не успели его рассмотреть, – это было лишь промелькнувшее светлое пятно, блестящее бронзой. Оба застыли на месте.

– Как по-твоему, он учуял нас? – шепотом спросил Пауэлл.

– Надеюсь, что нет. Но лучше обойти их стороной. Пойдем в первый же боковой штрек.

– А если мы вообще к ним не выйдем?

– Ну так что же делать? Возвращаться? – яростно прошипел Донован. – До них еще с четверть мили. Я же следил за ними по телевизору. А у нас всего два дня...

– Ох, замолчи. Не трать зря кислород. Здесь, что ли, боковой штрек? – Вспыхнул фонарик Пауэлла. – Здесь. Идем.

Дрожание стен чувствовалось тут гораздо сильнее, и время от времени почва под ногами содрогалась.

– Пока идем правильно. Только бы штрек не кончился. – Донован посветил перед собой фонарем.

Вытянув руку, они могли дотронуться до кровли штрэка. Крепь была совсем новой.

Вдруг Донован заколебался.

– Кажется, тупик? Идем назад.

– Нет, погоди. – Пауэлл неуклюже протиснулся мимо него. – Что это за свет впереди?

– Свет? Не вижу никакого света. Откуда ему здесь взяться?

– А роботы? – Пауэлл на четвереньках вскарабкался вверх по небольшому завалу. – Эй, Майк, лезь сюда, – позвал он тревожным хриплым голосом.

Свет действительно был виден. Донован перелез через ноги Пауэлла.

– Дыра?

– Да. Они, наверно, проходят этот штрек с той стороны.

Донован ощупал рваные края отверстия. Осторожно посветив фонарем, он увидел, что дальше начинается более просторный штрек – очевидно, основной. Отверстие было слишком маленьким, чтобы человек мог сквозь него пролезть. Даже заглянуть в него двоим сразу было трудно.

– Там ничего нет, – сказал Донован.

– Сейчас нет. Но секунду назад было – иначе мы не увидели бы света. Берегись! Стены вокруг них содрогнулись, и они почувствовали толчок. Посыпалась мелкая пыль. Осторожно подняв голову, Пауэлл снова заглянул в отверстие.

– Все в порядке, Майк. Они здесь.

Сверкающие роботы столпились в основном штрэке, метрах в пятнадцати от них. Могучие металлические руки быстро разбирали кучу обломков, выброшенных взрывом.

– Скорее, – заторопился Донован, – Они вот-вот кончат, а следующий взрыв может задеть нас.

– Ради бога, не торопи меня, – Пауэлл отцепил детонатор. Его взгляд тревожно шарил по темным стенам, освещенным только светом роботов, так что было невозможно отличить торчащий камень от падающей тени.

– Смотри, вон прямо над ними в кровле выступ. Он остался после последнего взрыва. Если ты туда попадешь, завалится половина кровли.

Пауэлл глянул туда, куда указывал палец Донована.

– Идет! Теперь следи за роботами и моли Бога, чтобы они не ушли слишком далеко от этого места. Мне нужен их свет. Все семь на месте?

Донован посчитал.

– Все.

– Ну, смотри. Следи за каждым движением!

Он поднял руку с детонатором и прицелился. Донован, чертыхаясь про себя и смаргивая пот, заливавший глаза, пристально следил за роботами.

Вспышка!

Их качнуло, земля вокруг несколько раз вздрогнула, а потом они почувствовали мощный толчок, бросивший Пауэлла на Донована.

– Грег, ты сшиб меня, – завопил Донован. – Я ничего не видел!

– Где они? – Пауэлл огляделся. Вокруг было темно, как в адской бездне.

Донован растерянно замолчал. Роботов не было видно.

– А мы их не задавили? – дрожащим голосом произнес Донован.

– Давай спускаться. Не спрашивай меня ни о чем. – Пауэлл торопливо пополз назад.

– Майк!

Донован остановился.

– Что еще случилось?

– Постой! – В наушниках слышалось хриплое, неровное дыхание Пауэлла. – Майк! Ты меня слышишь?

– Я здесь. В чем дело?

– Мы заперты. Кровля обвалилась не над роботами, а тут! От сотрясения все рухнуло.

– Что? – Донован уткнулся в твердую преграду. – Включи-ка фонарь!

Увы, даже мышь не могла бы нигде пролезть сквозь завал.

– ...Ну и как вам это нравится? – тихо сказал Донован.

Они потратили некоторое время и довольно много сил, пытаясь сдвинуть глыбу, загородившую путь. Потом Пауэлл попробовал расширить отверстие, которое вело в главный штрек. Он поднял было лучевой пистолет, но произвести вспышку в таком ограниченном пространстве было равносильно самоубийству. Он сел.

– Знаешь, Майк, – сказал он, – мы окончательно все испортили. Мы так и не знаем, в чем дело с Дейвом. Идея была хороша, но она обернулась против нас.

В голосе Донована послышалась горечь.

– Мне жаль огорчать тебя, старина, но, уж не говоря о неудаче с Дейвом, мы к тому же некоторым образом попали в ловушку. И если, дружище, мы с тобой не выберемся, нам крышка. Крышка. Ясно? Сколько у нас кислорода? Не больше чем на шесть часов.

– Я уже думал об этом. – Пальцы Пауэлла потянулись к его многострадальным усам, но звякнул и о прозрачную поверхность гермошлема. – Конечно, Дейв быстро откопал бы нас. Но только после нашего замечательного обвала он, наверно, опять свихнулся, и по радио с ним связаться нельзя.

Донован подполз к отверстию и ухитрился втиснуть в него голову в шлеме. Это далось ему с большим трудом.

– Эй, Грег!

– Что?

– А что, если Дейв приблизится на шесть метров?

Он придет в себя. Это спасет нас.

– Конечно, но где он?

– Там, – в штреке. Довольно далеко. Ради Бога, перестань дергать меня за ноги, а то оторвешь мне голову. Я сам пушу тебя поглядеть.

Пауэлл в свою очередь втиснулся в отверстие.

– Взрыв был удачный. Ты только посмотри на этих балбесов – прямо балет!

– К черту комментарии. Они приближаются?

– Не видно, слишком далеко. погоди. Дай-ка мне фонарь – я попробую привлечь их внимание.

Через две минуты он оставил эту попытку.

– Бесполезно. Они, должно быть, ослепли. Ого, двинулись сюда! Как тебе это нравится?

– Эй, хватит, дай мне посмотреть! – настаивал Донован.

После недолгой возни Пауэлл сказал «ладно», и Донован высунул голову. Роботы приближались. Впереди, высоко поднимая ноги, шагал Дейв, а за ним цепочкой извивались шесть «пальцев».

– Что они делают, хотел бы я знать, – изумился Донован.
– Далеко они? – буркнул Пауэлл.
– Пятнадцать метров, идут орда. Еще четверть часа – и мы будем своб... эге-гей! Эй!

– В чем дело? – Несколько Секунд понадобилось Пауэллу, чтобы оправиться от изумления после вокальных упражнений Донована. – Слушай пусти меня. Не будь свиньей!

Он пытался оттащить Донована, но тот яростно брыкался:
– Они повернули кругом, Грег! Они уходят. Дейв!
– Что толку? – крикнул Пауэлл. – Ведь звук здесь не проходит.
– Донован, задыхаясь, обернулся к нему. – Ну, колоти в стену, бей по ней камнем, создавай какие-нибудь вибрации! Нужно привлечь их внимание, не то мы пропали!

Он начал колотить по камню, как сумасшедший, Пауэлл потряс его за плечо.
– погоди, Майк. Послушай, у меня идея! Клянусь Юпитером! Ого! Как раз самое время перейти к простым решениям, Майк!
– Чего тебе? – Донован втянул голову в плечи.
– Пусти меня скорее к отверстию, пока они еще недалеко!
– Что ты хочешь делать? Эй, что ты делаешь с этим детонатором? – Он схватил Пауэлла за руку.

Тот вывернулся.
– Хочу немного пострелять.
– Зачем?
– Потом объясню. Посмотрим сперва, что получится. Подвинься, не мешай!

Вдали виднелись все уменьшающиеся огоньки роботов. Пауэлл тщательно прицелился и трижды нажал спусковую кнопку. Потом он опустил ствол и тревожно взгляделся в темноту. Один вспомогательный робот упал! Теперь было видно только шесть сверкающих фигур.

Пауэлл неуверенно позвал в микрофон:
– Дейв!

После небольшой паузы оба услышали в ответ:
– Хозяин? Где вы? У третьего вспомогательного разворочена грудь. Он вышел из строя.
– Не важно, – сказал Пауэлл. – Нас завалило при взрыве. Видишь наш фонарь?
– Вижу! Сейчас будем там.
Пауэлл сел и вздохнул

– Вот как, дружок.
– Ладно, Грег, – очень тихо произнес Донован со слезами в голосе. – Ты победил. Кланяюсь тебе в ножки. Только не морочь мне голову. Расскажи внятно, в чем было дело.
– Пожалуйста. Просто мы все время упускали из виду самое очевидное – как всегда. Мы знали, что дело в личной инициативе, что это всегда происходило при аварийных обстоятельствах. Но мы думали, что все вызывалось специальной командой. А почему это должна быть какая-то одна определенная команда?
– А почему нет?
– А почему не целый класс команд? Какие команды требуют от руководителя наибольшей инициативы? Какие команды обычно отдаются только при аварийных обстоятельствах?
– Не спрашивай меня, Грег! Скажи!
– Я и говорю. Это команды, отдаваемые одновременно по шести каналам! В обычных условиях один или несколько «пальцев» выполняют несложную работу, которая не требует пристального наблюдения за ними. Ну, точно так же, как наши привычные движения при ходьбе. А при аварийных обстоятельствах нужно немедленно и одновременно привести в действие всех шестерых. И вот тут что-то

сдаст. Остальное просто. Любое уменьшение требуемой от него инициативы, например приход человека, приводит его в себя. Я уничтожил одного из роботов, и Дейву пришлось командовать лишь пятью. Инициатива уменьшается, и он становится нормальным!

– Как ты до этого дошел? – настойчиво допытывался Донован.

– Логическими рассуждениями. Я произвел эксперимент, и все оказалось правильно.

Они снова слышали голос робота.

– Вот и мы. Вы продержитесь еще полчаса?

– Конечно, – ответил Пауэлл. Потом он продолжал, обращаясь к Доновану: – Теперь наша задача стала проще. Мы проверим те цепи, которые испытывают большую нагрузку при шестиканальной команде, чем при пятиканальной. Много придется проверять?

Донован прикинул.

– Не очень, по-моему. Если Дейв сделан так же, как опытный экземпляр, который мы видели на заводе, то там должна быть специальная координирующая цепь, и все дело ограничится именно ею. – Он вдруг воодушевился! – Слушай, это здорово! Остались пустяки!

– Хорошо. Обдумай это, а когда вернемся, проверим по чертежам. А теперь, пока Дейв до нас добирается, я отдохну.

– погоди! Скажи мне еще одну вещь. Что это была за странная маршировка, эти причудливые танцы, которые начинались каждый раз, когда они теряли рассудок?

– А, это? Не знаю. Но у меня есть одно предположение. Вспомни; вспомогательные роботы – «пальцы» Дейва. Мы все время их так называли. Так вот, я думаю, что каждый раз, когда Дейв становился психически ненормальным, у него все в голове путалось, и он начинал вертеть пальцами...

Сьюзен Кэлвин рассказывала про Пауэлла и Донована без улыбки, почти равнодушно, но каждый раз, когда она упоминала роботов, ее голос теплел. Ей не понадобилось много времени, чтобы: поведать мне о Спиди, Кьюти и Дейве. Но здесь я прервал ее, почувствовав, что у нее наготове еще полдюжины моделей. Я спросил:

– Ну, а на Земле разве ничего интересного не происходило?

Она взглянула на меня, слегка нахмурившись.

– Нет, ведь роботы на Земле не применяются.

– Да, к сожалению. Я хотел сказать, что ваши испытатели, конечно, молодцы, но не можете ли вы рассказать что-нибудь из своего опыта? Разве никогда не подвели роботы? В конце концов это же ваш юбилей.

Представьте себе, она покраснела! Она сказала:

– Да, роботы однажды подвели меня. Боже мой, как давно это было! Почти сорок лет назад... Ну конечно, в 2020 году. И мне было всего 38 лет. 0... Но я бы предпочла об этом не говорить.

Я подождал, и она, конечно, передумала.

– А почему бы и нет? – okazала она. – Теперь это мне не повредит. И даже воспоминание об этом. Я была когда-то такой глупой, молодой человек. Можете вы в это поверить?

– Нет.

– Была. А Эрби – это был робот, читавший мысли.

– Что?

– Единственный в своем роде. В чем-то была допущена ошибка...

Лжец

– Алфред Лэннинг тщательно раскурил сигарету, но его пальцы слегка дрожали. Сурово сдвинув седые брови, он говорил, пуская клубы дыма:

– Да, он читает мысли – можете быть уверены. Но почему? – Он посмотрел на

Главного Математика Питера Богерта. – Ну?

Богерт обеими руками пригладил свои черные волосы.

– Это тридцать четвертый робот модели РВ, Лэннинг. И все остальные вполне соответствовали нормам.

Третий человек, сидевший за столом, нахмурился.

Это был Милтон Эш, самый молодой из руководства фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн», чем он очень гордился.

– Послушайте, Богерт! Я ручаюсь, что он собран совершенно правильно, с начала до конца!

Толстые губы Богерта раздвинулись в покровительственной улыбке.

– Ручаетесь? Ну, если вы можете отвечать за всю линию сборки, то вас нужно повесить в должности. По точным подсчетам, для производства одного позитронного мозга требуется семьдесят пять тысяч двести тридцать четыре операции, успех каждой из которых зависит от различного числа факторов – от пяти до ста пяти. Если хоть один из них серьезно нарушается, мозг идет в брак. Это я цитирую наши же проспекты.

Милтон Эш покраснел и хотел ответить, но его перебил четвертый голос.

– Если мы начнем валить вину друг на друга, то я уйду... – Руки Сьюзен Кэлвин были крепко сжаты на коленях, морщинки вокруг ее тонких бледных губ стали глубже. – У нас появился робот, который читает мысли, и мне представляется, что надо бы выяснить, почему он это делает. А этого мы не добьемся, если будем кричать: «Вы виноваты!», «Я виноват!».

Ее холодные серые глаза остановились на Эше, и он усмехнулся.

Лэннинг тоже понимающе усмехнулся, и, как всегда в таких случаях, его длинные седые волосы и хитрые маленькие глазки придали ему сходство с библейским патриархом.

– Верно, доктор Кэлвин.

Его голос внезапно зазвучал решительно:

– В предельно краткой форме, положение таково. Мы выпустили позитронный мозг, который не должен был отличаться от остальных, но который обладает замечательной способностью принимать волны, излучаемые человеком в процессе мышления. Если бы мы знали, как это случилось, то это означало бы важнейший этап в развитии роботехники на десятилетия вперед. Но мы этого не знаем и должны выяснить. Это ясно?

– Можно высказать одно предположение? – спросил Богерт.

– Давайте.

– Мне кажется, что пока мы не разберемся в этой истории, – а как математик, я думаю, что это окажется чертовски сложно, – нужно держать в тайне существование РВ-34. Даже от служащих фирмы. Мы, возглавляющие отделы, должны справиться с этой задачей, а чем меньше будут знать остальные...

– Богерт прав, – сказала доктор Кэлвин. – С тех пор как по Межпланетному Кодексу допускается испытание роботов на заводе перед отправкой их на космические станции, пропаганда против роботов усилилась. И если кто-нибудь узнает, что робот может читать мысли, а мы еще не будем хозяевами положения, на этом кое-кто мог бы сделать себе солидный капитал.

Лэннинг, продолжая сосать сигару, серьезно кивнул. Он повернулся к Эшу:

– Вы сказали, что были одни, когда впервые столкнулись с этим чтением мыслей?

– Я был один – и перепугался до полусмерти. РВ-34, только что сошедшего со сборочного стола, прислали ко мне. Оберман куда-то ушел, и я сам повел его к испытательному стенду.

Он запнулся, и на его губах появилась слабая улыбка:

– Никому из вас не приходилось мысленно с кем-то разговаривать, не отдавая себе в этом отчета?

Никто не ответил, и Эш продолжал:

– Вы знаете, сначала на это не обращаешь внимания... Так вот, он что-то мне

сказал – что-то вполне логичное и разумное. И мы уже почти дошли до стенда, когда я сообразил, что я-то ничего ему не говорил. Конечно, я думал о том, о сем, но это же другое дело, правда? Я запер его и побежал к Лэннингу. Представьте себе – рядом с вами идет этот робот, спокойно читает ваши мысли и копается в них! Мне стало не по себе.

– Еще бы! – задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин. – Ее взгляд с необыкновенным вниманием остановился на Эше. – Мы так привыкли к тому, что наши мысли известны только нам самим...

– Значит, об этом знают только четверо, – нетерпеливо вмешался Лэннинг. – Отлично. Мы должны обследовать это дело по строгой системе. Эш, вы проверите линию сборки – всю, от начала до конца. Вы должны исключить все операции, где ошибка была невозможна, и составить список тех, в которых она могла быть допущена. Укажите характер возможной ошибки и ее предположительную величину.

– Ну и работка! – проворчал Эш.

– А как же? Конечно, вы не один будете этим заниматься, – посадите за работу наших людей, если нужно, всех до единого. Не выполните план – ничего! Но они не должны знать, зачем это делается, понятно?

– Гм, да. – Молодой инженер криво ухмыльнулся. – Все-таки работы хватит.

Лэннинг вместе со стулом повернулся к Кэлвин.

– Вам предстоит подойти к задаче с другого конца. Вы – наш робопсихолог, вам нужно изучить самого робота и идти от этого. Попробуйте выяснить, как он это делает. Узнайте все, что связано с его телепатическими способностями, как далеко они простираются, как сказываются на его мышлении и вообще как это отражается на его стандартных рабочих качествах. Понятно?

Лэннинг не стал ждать ответа.

– Я буду руководить работой и осуществлять математическую обработку результатов. – Он яростно затянулся сигарой, и сквозь дым прозвучало остальное: – В этом мне, конечно, поможет Богерт.

Продолжая полировать ногти на своих мясистых руках, Богерт мягко ответил:

– Ну разумеется! Я как-никак в этом немного разбираюсь.

– Ну, я приступаю. – Эш оттолкнул свой стул и поднялся. На его приятном молодом лице появилась усмешка. – Мне досталась самая скверная работа, так что лучше уж не откладывать. Пока!

Сьюзен Кэлвин ответила едва заметным кивком, но ее взгляд провожал его, пока дверь за ним не закрылась. Она ничего не ответила, когда Лэннинг, что-то проворчав, сказал:

– Не хотите ли вы, доктор Кэлвин, сейчас пойти и посмотреть РБ-34?

Когда слышался тихий звук открывающейся двери, робот РБ-34 поднял фотозлектрические глаза от книги и вскочил. В комнату вошла Сьюзен Кэлвин. Она задержалась, чтобы поправить на двери огромную надпись «Вход воспрещен», потом подошла к роботу.

– Эрби, я принесла тебе кое-какие материалы о гиператомных двигателях. Хочешь их посмотреть?

РБ-34 (иначе – Эрби) взял у нее из рук три тяжелых тома и открыл один из них.

– Хм! «Гиператомная теория»...

Что-то бормоча про себя, он начал листать книги, потом рассеянно сказал:

– Садитесь, доктор Кэлвин! Это займет несколько минут. Она села и внимательно следила за Эрби, который занял место по другую сторону стола и приступил к систематическому изучению всех трех книг.

Через полчаса он отложил их в сторону.

– Я, конечно, знаю, зачем вы мне их принесли.

У Сьюзен Кэлвин дрогнули уголки губ.

– Я так и думала. С тобой трудно иметь дело, Эрби, ты все время на шаг впереди меня.

– Эти книги – такие же, как и остальные. Они меня просто не интересуют. В

ваших учебниках ничего нет. Ваша наука-это просто масса собранных фактов, кое-как скрепленных подобием Теории. Все это так невероятно просто, что вряд ли достойно внимания. Меня интересует ваша беллетристика, переплетение и взаимодействие человеческих побуждений и чувств... – Он сделал неясный жест могучей рукой, подыскивая подходящее слово

– Кажется, я понимаю, – прошептала доктор Кэлвин.

– Видите ли, я читаю мысли, – продолжал робот, – а вы не можете себе представить, как они сложны. Я не могу все их понять, потому что мое мышление имеет с вашим так мало общего. Но я стараюсь, а ваши романы мне помогают.

– Да, но я боюсь, что когда ты познакомишься с некоторыми переживаниями по современным чувствительным романам, – в ее голосе послышался оттенок горечи, – ты сочтешь наши настоящие мысли и чувства скучными и бесцветными.

– Ничего подобного!

Внезапный энергичный ответ заставил ее вскочить на ноги. Она почувствовала, что краснеет, и в испуге подумала: «Наверное, он знает!»

Эрби уже успокоился и тихим голосом, почти полностью лишенным металлического тембра, произнес:

– Ну конечно, я знаю об этом, доктор Кэлвин! Вы об этом постоянно думаете, так как же я могу не знать?

– Ты... говорил об этом кому-нибудь? – жестко спросила она.

– Конечно, нет! – искренне удивился он и добавил: – Меня никто не спрашивал.

– Тогда ты, вероятно, считаешь меня дурой?

– Нет! Это – нормальное чувство.

– Может быть, поэтому оно так глупо. – Теперь ее голос звучал задумчиво и печально. Под непроницаемой маской доктора наук на мгновение проступили черты женщины. – Меня нельзя назвать... привлекательной...

– Если вы имеете в виду физическую привлекательность, то об этом я не могу судить. Но, во всяком случае, я знаю, что есть и другие виды привлекательности.

– ...да и молодой тоже... – Она как будто не слышала робота.

– Вам еще нет сорока. – В голосе Эрби появились тревога и настойчивость.

– Тридцать восемь, если считать годы; все шестьдесят, если говорить об эмоциональном восприятии жизни. Я же все-таки психолог. А ему, – продолжала Она с горечью, – тридцать пять, и выглядит он еще моложе. Неужели ты думаешь, что он видит во мне... что-то особенное?

– Вы ошибаетесь! – Стальной кулак Эрби с лязгом обрушился на пластмассовую поверхность стола. – Послушайте...

Но Сьюзен Кэлвин яростно набросилась на него. Ожесточение и боль в ее глазах вспыхнули ярким пламенем:

– Вот еще! Что ты об этом знаешь, – ты, машина! Я для тебя – образчик, интересная букашка со своеобразными мыслями, которые ты видишь как на ладони. Превосходный пример разбитых надежд, правда? Почти как в книгах!

Ее сухие рыдания постепенно затихли.

Робот сЪежился под этим натиском. Он умоляюще покачал головой:

– Ну пожалуйста, выслушайте меня! Если бы вы захотели, я мог бы помочь вам!

– Как? – Ее губы скривились. – Дать хороший совет?

– Нет, не так. Я просто знаю, что думают другие люди, например Милтон Эш.

Наступило долгое молчание. Сьюзен Кэлвин потупилась.

– Я не хочу знать, что он думает, – выдохнула она.

– Замолчи.

– А мне кажется, вы хотели бы знать, что он думает.

Она все еще сидела с опущенными глазами, но ее дыхание участилось.

– Ты говоришь чепуху, – прошептала она.

– Зачем? Я хочу помочь. Милтон Эш... – Он остановился.

Она подняла голову!

– Ну?

– Он любит вас, – тихо сказал робот.

Целую минуту доктор Кэлвин молча, широко раскрыв глаза, глядела на робота.

– Ты ошибаешься! Конечно, ошибаешься! С какой стати?

– Правда, любит. Этого нельзя утаить от меня.

– Но я так... так... – Она запнулась.

– Он смотрит вглубь – он ценит интеллект. Милтон Эш не из тех, кто женится на причёске и хорошеньких глазках.

Сьюзен Кэлвин часто заморгала. Она заговорила не сразу, и ее голос дрожал.

– Но ведь он никогда и никак не обнаруживал...

– А вы дали ему эту возможность?

– Как я могла? Я никогда не думала...

– Вот именно!

Сьюзен Кэлвин замолчала, потом внезапно подняла голову:

– Полгода назад к нему на завод приезжала девушка. Стройная блондинка. Кажется, она была красива. И, конечно, едва знала таблицу умножения. Он целый день пыжился перед ней, пытаюсь объяснить, как делают роботов. – Ее голос зазвучал жестко. – Конечно, она ничего не поняла! Кто она?

Эрби, не колеблясь, отвечал:

– Я знаю, кого вы имеете в виду. Это его двоюродная сестра. Уверяю вас, здесь нет никаких романтических отношений.

Сьюзен Кэлвин почти с девичьей легкостью встала.

– Как странно! Именно это я временами пыталась себе внушить, хотя серьезно никогда так не думала. Значит, это правда!

Она подбежала к Эрби и обеими руками схватила его холодную тяжелую руку.

– Спасибо, Эрби, – прошептала она голосом, слегка охрипшим от волнения. – Никому не говори об этом. Пусть это будет наш секрет. Спасибо еще раз.

Судорожно сжав бесчувственные металлические пальцы Эрби, она вышла.

Эрби медленно повернулся к отложенному роману. Его мысли никто не смог бы прочесть.

Милтон Эш не спеша, с удовольствием потянулся, кряхтя и треща суставами, потом свирепо уставился на Питера Богерта.

– Послушайте, – сказал он, – я сижу над этим уже неделю и за все время почти не спал. Сколько еще мне возиться? Вы как будто сказали, что дело в позитронной бомбардировке в вакуумной камере Д?

Богерт деликатно зевнул и с интересом поглядел на свои белые руки.

– Да. Я напал на след.

– Я знаю, что значит, когда это говорит математик. Сколько вам еще осталось?

– Все зависит...

– От чего? – Эш бросился в кресло и вытянул длинные ноги.

– От Лэннинга. Старик не согласен со мной. – Он вздохнул. – Немного отстал от жизни, вот в чем дело. Цепляется за свою обожаемую матричную механику, а этот вопрос требует более мощных математических средств. Он так упрям.

Эш сонно пробормотал:

– А почему бы не спросить у Эрби и не покончить с этим?

– Спросить у робота? – Брови Богерта полезли вверх.

– А что? Разве старуха вам не говорила?

– Вы имеете в виду Кэлвин?

– Ну да! Сама Сьюзи. Ведь этот робот – маг и чародей в математике. Он знает все обо всем и еще малость сверх того. Он вычисляет в уме тройные интегралы и закусывает тензорным анализом.

Математик скептически поглядел на него:

– Вы серьезно?

– Ну конечно! Загвоздка в том, что этот дурень не любит математику, а предпочитает сентиментальные романы. Честное слово! Вы бы только видели, какую дрянь таскает ему Сьюзен – «Пурпурная страсть», «Любовь в космосе»...

– Доктор Кэлвин ни слова вам об этом не говорила.
– Ну, она еще не кончила изучать его. Вы же ее знаете. Она любит, чтобы все было шито-крыто. Пока она сама не раскроет главный секрет.

– Но вам она сказала.

– Да вот, как-то разговорились... Я в последнее время часто ее вижу. – Он широко открыл глаза и нахмурился: – Слушайте, Боги, вы ничего странного за ней не замечали в последнее время?

Богерт расплылся в усмешке.

– Она стала красить губы. Вы это имеете в виду?

– Черта с два! Это я знаю – губы, глаза и еще пудрится. Ну и вид у нее! Но я не о том. Я никак не могу точно этого определить. Она так говорит, как будто она очень счастлива...

Он подумал немного и пожал плечами.

Богерт позволил себе плотоядно ухмыльнуться. Для ученого, которому уже за пятьдесят, это было неплохо исполнено.

– Может, она влюбилась.

Эш опять закрыл глаза.

– Вы сошли с ума. Боги. Идите и поговорите с Эрби. Я останусь здесь и вздремну.

– Ладно. Не то чтобы мне понравилось получать от робота указания, что делать. Ответом ему был негромкий храп.

Эрби внимательно слушал, пока Питер Богерт, сунув руки в карманы, говорил с напускным равнодушием.

– Так обстоит дело. Мне сказали, что ты разбираешься в этих вещах, и я спрашиваю тебя больше из любопытства. Я допускаю, что мой ход рассуждений включает несколько сомнительных звеньев, которые доктор Лэннинг отказывается принять. Так что картина все еще не очень полна.

Робот не отвечал, и Богерт сказал:

– Ну?

– Не вижу ошибки. – Эрби вглядывался в исписанные расчетами бумажки.

– Вероятно, ты к этому ничего не можешь добавить?

– Я не смею и пытаюсь. Вы – лучший математик, чем я, и... В общем, мне не хотелось бы осрамиться.

Улыбка Богарта была чуть-чуть самодовольной.

– Я так и думал. Конечно, вопрос серьезный. Забудем об этом.

Он смял листки, швырнул их в мусоропровод и повернулся, чтобы уйти, но потом передумал.

– Кстати...

Робот ждал. Казалось, Богерт с трудом подыскивает слова

– Тут есть кое-что... в общем, может быть, ты смог бы...

Он замолчал. Эрби спокойно произнес:

– Ваши мысли перепутаны, но нет никакого сомнения, что вы имеете в виду доктора Лэннинга. Глупо колебаться – как только вы успокоитесь, я узнаю, о чем вы хотите спросить.

Рука математика привычным движением скользнула по прилизанным волосам.

– Лэннингу скоро семьдесят, – сказал он, как будто это обЪясняло все.

– Я знаю.

– И он уже почти 30 лет директор завода.

Эрби кивнул.

– Так вот, – в голосе Богерта появились просящие нотки, – ты, наверное, знаешь... не думает ли он об отставке. Состояние здоровья, скажем, или что-нибудь еще...

– Вот именно, – только и произнес Эрби.

– Ты это знаешь?

– Конечно.

– Тогда... гм... не скажешь ли ты...
– Раз уж вы спрашиваете – да. – Робот говорил, как будто в этом не было ничего особенного. – Он уже подал в отставку!
– Что? – невнятно вырвалось у Богерта. Ученый подался вперед. – Повтори!
– Он уже подал: в отставку, – последовал спокойный ответ, – но она еще не вступила в силу. Он хочет, видите ли, решить проблему... хм... меня. Когда это будет сделано, он готов передать обязанности директора своему преемнику.

Богерт резко выдохнул воздух.

– А его преемник? Кто он?

Он придвинулся к Эрби почти вплотную. Глаза его как зачарованные были прикованы к ничего не выражавшим красноватым фотоэлементам, служившим роботу глазами.

Послышался неторопливый ответ:

– Будущий директор – вы.

Напряжение на лице Богерта сменилось скупой улыбкой.

– Это приятно знать. Я надеялся и ждал этого. Спасибо, Эрби.

Эту ночь до пяти часов утра Питер Богерт провел за письменным столом. В девять он снова приступил к работе. Он то и дело хватал с полки над столом один справочник за другим. Медленно, почти незаметно росла стопка готовых расчетов, зато на полу образовалась целая гора скомканных, исписанных листков.

Ровно в полдень Богерт взглянул еще раз на последний итог, протер налившиеся кровью глаза, зевнул и потянулся.

– Чем дальше, тем хуже. Проклятье!

Услышав, как открылась дверь, тон обернулся и кивнул вошедшему Лэннингу. Хрустя суставами скрюченных пальцев, директор окинул взглядом неубранную комнату, в его брови сдвинулись.

– Новый путь? – спросил он.

– Нет, – последовал вызывающий ответ. – А чем плох старый?

Лэннинг не ответил. Лишь одним беглым взглядом он удостоил верхний листок бумаги на столе Богарта.

Закуривая сигару, он сказал:

– Кэлвин говорила вам о роботе? Это математический гений. Интересно.

Богерт громко фыркнул.

– Я слышал. Но лучше Кэлвин занималась роботпсихологией. Я проверил Эрби по математике, он едва справился с интегральным и дифференциальным исчислением.

– Кэлвин пришла к другому выводу.

– Она сумасшедшая.

– Я тоже пришел к другому выводу.

Глаза директора злое сузились.

– Вы? – Голос Богерта стал жестким. – О чем вы говорите?

– Я все утро гонял Эрби. Он может делать такие штуки, о которых вы и не слыхала.

– Разве?

– Вы не верите? – Лэннинг выхватил из жилетного кармана листок бумаги и развернул его. – Это не мой почерк, верно?

Богерт вгляделся в крупные угловатые цифры, покрывавшие листок.

– Это Эрби?

– Да. И, как вы можете заметить, он занимался интегрированием вашего двадцать второго уравнения по времени. И он, – Лэннинг постучал желтым ногтем по последней строчке, – он пришел к такому же заключению, как и я, вчетверо быстрее. Вы не имели права пренебречь эффектом Лингера при позитронной бомбардировке.

– Я не пренебрег им. Ради бога, Лэннинг, поймите, что это исключает...

– Да, конечно, вы объяснили это. Вы применили переходное уравнение Митчелла, верно? Так вот, оно здесь неприменимо.

– Почему?
– Во-первых, вы пользуетесь гипермнимыми величинами.
– При чем это здесь?
– Уравнение Митчелла не годится, если...
– Вы сошли с ума? Если вы перечитаете статью самого Митчелла в «Записках Фара»...

– Это лишнее. Я с самого начала сказал, что его ход рассуждений мне не нравится, и Эрби согласен со мной.

– Ну так пусть эта машинка и решит вам всю проблему, – закричал Богерт. – Зачем тогда связываться с недоумками вроде меня?

– В том-то и дело, что Эрби не может решить проблему. А если даже он не может, то мы сами – тем более. Я передаю этот вопрос в Национальный Совет. Мы здесь бессильны.

Богерт вскочил, перевернув кресло. Лицо его побагровело.

– Вы этого не сделаете!

Лэннинг тоже побагровел.

– Вы указываете мне, что делать и чего не делать?

– Именно, – ответил Богерт, скрипнув зубами. – Я решил проблему, и вы не выхватите ее у меня из-под носа, ясно? Не думайте, что я не вижу вас насквозь, – вы, высушенное ископаемое. Конечно, вы скорее подавитесь, чем признаете, что я решил проблему телепатии роботов.

– Вы идиот, Богерт. Еще немного, и я уволю вас за нарушение дисциплины.

Губы Лэннинга тряслись от гнева.

– Вот этого вы и не сделаете, Лэннинг. Когда под рукой робот, читающий мысли, секретов быть не может. Так что не забудьте, я знаю все о вашей отставке.

Пепел с сигары Лэннинга, задрожав, упал. Сигара последовала за ним.

– Что? Что...

Богерт злорадно усмехнулся:

– И я – новый директор, поняли? Я прекрасно это знаю. Черт вас возьми, Лэннинг! Командовать парадом здесь буду я, не то вы попадете в такую переделку, какая вам и не снилась.

Лэннинг вновь обрел дар речи и заревел:

– Вы уволены, слышите? Вы освобождены от всех обязанностей! Вам конец, понимаете?

Богерт усмехнулся еще шире.

– Ну, что в этом толку? Вы ничего не добьетесь. Все козыри у меня. Я знаю, что вы подали в отставку. Эрби рассказал мне, а он знает это от вас.

Лэннинг заставил себя говорить спокойно. Он выглядел старым-старым, с его усталого лица исчезли все следы краски, оставив мертвенную желтизну.

– Я должен поговорить с Эрби. Он не мог сказать вам ничего подобного. Вы крупно играете, Богерт. Но я раскрою ваши карты. Идемте.

Богерт пожал плечами.

– К Эрби? Ладно. Ладно, черт возьми!

Ровно в полдень этого же дня Милтон Эш поднял глаза от только что сделанного неуклюжего наброска и сказал:

– Вы уловили мою мысль? У меня не очень удачно получилось, но он будет выглядеть примерно так. Чудный домик, и достается он мне почти даром.

Сьюзен Кэлвин нежно взглянула на него.

– Он действительно красивый, – вздохнула она. – Я часто мечтала...

Ее голос затих.

Эш оживленно продолжал, отложив карандаш!

– Конечно, придется ждать отпуска. Осталось всего две недели, но из-за этого дела с Эрби все повисло в воздухе. – Он опустил глаза. – Потом, есть еще одна вещь... Но это секрет.

– Тогда не говорите.

– А, все равно. Меня как будто распирает – так хочется кому-нибудь

рассказать. И, пожалуй, лучше всего здесь... хм... довериться именно вам.

Он несмело усмехнулся.

Сердце Сьюзен Кэлвин затрепетало, но она боялась произнести хоть слово.

– По правде говоря, – Эш подвинулся к ней вместе со стулом и заговорил доверительным шепотом, – это дом не только для меня. Я женюсь! В чем дело? – Он вскочил.

– Нет, ничего. – Ужасное ощущение вращения исчезло, но ей было трудно говорить. – Женитесь? Вы хотите сказать...

– Ну конечно! Пора ведь, правда? Вы помните ту девушку, которая была здесь прошлым летом? Это она и есть! Но вам нехорошо! Вы...

– Голова болит. – Сьюзен Кэлвин слабым движением отмахнулась от него. – У меня... у меня это часто бывает в последнее время. Я хочу... конечно, поздравить вас. Я очень рада...

Неумело наложенные румяна двумя некрасивыми пятнами выступили на ее побелевшем лице. Все вокруг снова закружилось.

– Извините меня... пожалуйста... – пробормотала она и, ничего не видя, шатаясь, вышла. Катастрофа произошла внезапно, как во сне, и была невероятно жуткой.

Но как это могло случиться? Ведь Эрби говорил...

А Эрби знал! Он мог читать мысли!

Она опомнилась только тогда, когда, едва дыша, прислонившись к двери, увидела перед собой металлическое лицо Эрби. Она не заметила, как поднялась на два этажа по лестнице, – это произошло за один миг, как во сне.

Как во сне!

Немигающие глаза Эрби глядели на нее, и их красноватые круги, казалось, выросли в тускло светящиеся кошмарные шары.

Он что-то говорил, и она почувствовала, как к ее губам прикоснулся холодный стакан. Она сделала глоток и, вздрогнув, немного пришла в себя.

Эрби все еще говорил, и в его голосе было волнение, боль, испуг, мольба. Слова начали доходить до ее сознания.

– Это все сон, – говорил он, – и вы не должны этому верить. Вы скоро очнетесь и будете смеяться над собой. Он любит вас, я говорю вам. Любит, любит! Но не здесь! Не сейчас! Этот мир – иллюзия.

Сьюзен Кэлвин, кивая головой, шептала:

– Да. Да!

Она вцепилась в руку Эрби, прижалась к ней, приникла к этой стальной руке, широко раскрыв глаза, повторяя снова и снова:

– Это ведь неправда, да? Это неправда?

Сьюзен Кэлвин не помнит, как она очнулась. Как будто из туманного, нереального мира она попала под резкий солнечный свет. Оттолкнув от себя тяжелую руку, она широко раскрыла глаза.

– Что же это ты делаешь? – Ее голос сорвался в хриплый вопль. – Что же это ты делаешь?

Эрби попятился.

– Я хочу помочь;

Кэлвин пристально смотрела на него.

– Помочь? Как? Говоря мне, что это сон? Пытаясь сделать меня шизофреничкой? – Она истерически напряглась. – Это не сон! Если бы это был сон!

Внезапно она охнула.

– Постой! А! Понимаю! Господи, это же так очевидно...

В голосе робота послышался ужас:

– Но я Должен был...

– А я-то тебе поверила! Мне и в голову не пришло...

Громкие голоса за дверью заставили Сьюзен Кэлвин умолкнуть. Она отвернулась, судорожно сжав кулаки, и когда Богерт и Лэннинг вошли, она стояла

у окна в глубине комнаты. Но ни тот, ни другой не обратили на нее ни малейшего внимания.

Они одновременно подошли к Эрби. Лэннинг был гневен и нетерпелив, Богерт – холодно язвителен. Директор заговорил первым.

– Эрби, слушай меня!

Робот повернулся к старому директору:

– Да, доктор Леннинг.

– Ты говорил обо мне с доктором Богертом?

– Нет, сэр, – ответил робот не сразу.

Улыбка исчезла с лица Богерта.

– В чем дело? – Богерт протиснулся вперед и встал перед роботом, расставив ноги. – Повтори, что ты сказал мне вчера.

– Я сказал, что... – Эрби замолк. Где-то глубоко внутри его механизма задрожавшая металлическая мембрана произвела тихий нестройный звук.

– Ты же сказал, что он подал в отставку! – заревел Богерт. – Отвечай!

Богерт в ярости замахнулся, но Лэннинг оттолкнул его:

– Не хотите ли вы силой заставить его солгать?

– Вы слышали его, Лэннинг! Он готов был признаться и остановился. Отойдите! Я хочу добиться от него правды, ясно?

– Я спрошу его! – Лэннинг повернулся к роботу. – Ладно, Эрби. Спокойнее. Я подал в отставку? – Эрби молча глядел на него, и Лэннинг настойчиво повторил: – Я подал в отставку?

Робот чуть заметно отрицательно качнул головой. Другого ответа они не дождались.

Ученые посмотрели друг на друга. Враждебность в их взглядах была почти осязаемой.

– Какого черта, – выпалил Богерт, – что он, онемел? Ты умеешь говорить, эй, чудовище?

– Я умею говорить, – с готовностью ответил робот,

– Тогда отвечай. Сказал ты мне, что Лэннинг подал в отставку? Подал он в отставку?

Снова наступило молчание. Потом в дальнем конце комнаты внезапно раздался смех Сьюзен Кэлвин – резкий, почти истерический. Математики вздрогнули, и Богерт прищурил глаза:

– Вы здесь? И что же тут смешного?

– Ничего. – Ее голос звучал не совсем естественно. – Просто не одна я попалась. Трое крупнейших в мире роботехников попались в одну и ту же элементарную ловушку. Ирония судьбы, правда? – Она провела бледной рукой по лбу и тихо добавила: – Но это не смешно!

Мужчины еще раз переглянулись, на этот раз подняв брови в недоумении.

– О какой ловушке вы говорите? – спросил Лэннинг принужденно. – Что-нибудь случилось с Эрби?

– Нет, – она медленно приближалась к ним, – с ним все в порядке. Все дело в нас.

Она неожиданно повернулась к роботу и пронзительно крикнула:

– Убирайся отсюда! Иди на другой конец комнаты, чтобы я тебя не видела!

Эрби съежился под ее яростным взглядом и, громыхая, рысью бросился прочь.

– Что это значит, доктор Кэлвин? – враждебно спросил Лэннинг.

Она саркастически заговорила:

– Вы, конечно, знаете Первый Закон роботехники?

– Конечно, – раздраженно сказал Богерт. – «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен какой-либо вред».

– Как изящно выражено, – насмешливо продолжала Кэлвин. – А какой вред?

– Ну – любой.

– Вот именно! Любой! А как насчет разочарования? А поколебленная

уверенность в себе? А крушение надежд? Это вредно?

Лэннинг нахмурился!

– Откуда роботу знать...

Он вдруг осекся.

– Теперь и до вас дошло? Этот робот читает мысли. Вы думаете, он не знает, как можно задеть человека? Думаете, если задать ему вопрос, он не ответит именно то, что вы хотите услышать в ответ? Разве любой другой ответ не будет нам неприятен, и разве Эрби этого не знает?

– Боже мой, – пробормотал Богерт.

Кэлвин с усмешкой взглянула на него.

– Я полагаю, что вы спросили его, ушел ли Лэннинг в отставку? Вы хотели услышать «да», и Эрби ответил именно так.

– И, вероятно, поэтому, – сказал Лэннинг голосом, лишенным всякого выражения, – он ничего не ответил нам только что. Он не мог дать ответа, который не задел бы одного из нас.

Наступила короткая пауза. Мужчины задумчиво смотрели на робота, забившегося в свое кресло у шкафа с книгами и опустившего голову на руки.

Сьюзен Кэлвин упорно глядела в пол.

– Он все это знал. Этот... этот дьявол знает все – и даже то, что случилось с ним при сборке.

Лэннинг взглянул на нее.

– Здесь вы ошибаетесь, доктор Кэлвин. Он не знает, что случилось. Я спрашивал.

– Ну и что? – вскричала Кэлвин. – Вы просто не хотели, чтобы он подсказал вам решение. Если бы машина сделала то, что вы сделать не смогли, это уронило бы вас в собственных глазах. А вы спрашивали его? – бросила она Богерту.

– Некоторым образом... – Богерт кашлянул и покраснел. – Он сказал, что не силен в математике.

Лэннинг негромко засмеялся, а Кэлвин язвительно усмехнулась. Она сказала:

– Я спрошу его! Меня его ответ не заденет.

Громким, повелительным голосом она произнесла:

– Иди сюда!

Эрби встал и нерешительно приблизился.

– Я полагаю, ты знаешь, в какой именно момент сборки появился посторонний фактор или был пропущен один из необходимых?

– Да, – еле слышно произнес Эрби.

– Постойте, – сердито вмешался Богерт. – Это не обязательно правда. Вы просто хотите это услышать, и все.

– Не будьте ослом, – ответила Кэлвин. – Он знает математику, во всяком случае, не хуже, чем мы вместе с Лэннингом, раз уж он может читать мысли. Не мешайте.

Математик умолк, и Кэлвин продолжала:

– Ну, Эрби, давай! Мы ждем! Господа, вы готовы?

Но Эрби хранил молчание. В голосе психолога прозвучало торжество.

– Почему ты не отвечаешь, Эрби?

Робот неожиданно выпалил:

– Я не могу. Вы знаете, что я не могу! Доктор Богерт и доктор Лэннинг не хотят!

– Они хотят узнать решение.

– Но не от меня.

Лэннинг медленно и отчетливо произнес:

– Не глупи, Эрби. Мы хотим, чтобы ты сказал.

Богерт коротко кивнул.

В голосе Эрби послышалось отчаяние:

– Зачем так говорить? Неужели вы не понимаете, что я вижу глубже, чем поверхность вашего мозга? Там, в глубине, вы не хотите. Я – машина, которой придают подобие жизни только позитронные взаимодействия в моем мозгу,

изготовленном человеком. Вы не можете оказаться слабее меня и не почувствовать унижения. Это лежит глубоко в вашем мозгу и не может быть стерто. Я не могу подсказать вам решение.

– Мы уйдем, – сказал Лэннинг. – Скажи, Кэлвин.

– Все равно, – вскричал Эрби, – вы ведь будете знать, что ответ исходил от меня.

– Но ты понимаешь, Эрби, – вмешалась Кэлвин, – что, несмотря на это, доктор Лэннинг и доктор Богерт хотят решить проблему?

– Но сами! – настаивал Эрби.

– Но они хотят этого, и то, что ты знаешь решение и не говоришь его, тоже их задевает. Ты это понимаешь?

– Да! Да!

– А если ты скажешь, им тоже будет неприятно.

– Да! Да!

Эрби медленно пятился назад, и шаг за шагом за ним шла Сьюзен Кэлвин. Мужчины, остолбенев от изумления, молча смотрели на них.

– Ты не можешь сказать, – медленно повторяла Кэлвин, – потому что это обидит их, а ты не должен их обидеть. Но если ты не скажешь, это тоже причинит им неприятность, так что ты должен сказать. А если ты скажешь, они будут обижены, а ты не должен, так что ты не можешь сказать; но если ты не скажешь, ты причиняешь им вред, так что ты должен; но если ты скажешь, ты причиняешь вред, так что ты не должен; но если ты не скажешь, ты...

Эрби прижался спиной к стене, потом тяжело упал на колени.

– Не надо! – завопил он. – Спрячьте ваши мысли! Они полны боли, унижения, ненависти! Я не хотел этого! Я хотел помочь! Я говорил то, что вы хотели! Я должен был!..

Но Кэлвин не обращала на него внимания.

– Ты должен сказать, но если ты скажешь, ты причинишь вред, так что ты не должен; но если ты не скажешь, ты причинишь вред, так что...

Эрби испустил страшный вопль. Этот вопль был похож на усиленный во много раз звук флейты-пикколо. Он становился все резче и резче, выше и выше, в нем слышалось отчаяние погибшей души. Пронзительный звук заполнял всю комнату...

Когда вопль утих, Эрби свалился на пол бесформенной кучей неподвижного металла. В лице Богерта не было ни кровинки.

– Он мертв!

– Нет. – Сьюзен Кэлвин разразилась судорожным, диким хохотом. – Не мертв! Просто безумен. Я поставила перед ним неразрешимую дилемму, и он не выдержал. Можете сдать его в лом – он больше никогда ничего не скажет.

Лэннинг склонился над тем, что раньше называлось Эрби. Он дотронулся до холодного, неподвижного металлического тела и содрогнулся.

– Вы сделали это намеренно.

Он встал и повернул к ней искаженное лицо.

– А что, если и так? Теперь уже ничего не поделаешь. – С внезапной горечью она добавила: – Он это заслужил.

Директор взял за руку застывшего на месте Богерта.

– Какая разница! Пойдемте, Питер. – Он вздохнул. – Все равно от такого робота нет никакого толка.

Его глаза казались усталыми. Он повторил:

– Пойдемте, Питер!

Не скоро после того как они вышли, доктор Сьюзен Кэлвин обрела душевное равновесие. Ее взгляд остановился на Эрби, и на лице ее снова появилось напряженное выражение. Долго смотрела она на него. Наконец торжество сменилось беспомощностью и разочарованием. И все обуревавшие ее мысли вылились лишь в одно бесконечно горькое слово, слетевшее с ее губ:

– Лжец!

На этом тогда, естественно, все кончилось. Я знал, что больше ничего не смогу из нее вытянуть. Она молча сидела за столом, погруженная в воспоминания. Ее бледное лицо было холодным и задумчивым.

Я сказал:

– Спасибо, доктор Кэлвин.

Но она не ответила.

Снова я увидел ее только через два дня у дверей ее кабинета, откуда выносили шкафы. Она спросила:

– Ну как подвигаются ваши статьи, молодой человек?

– Прекрасно, – ответил я.

Я обработал их, как мог, драматизировал голый скелет ее рассказов, добавил диалоги и мелкие детали.

– Может быть, вы посмотрите, чтобы я никого ненароком не оклеветал и не допустил где-нибудь слишком явных неточностей?

– Да, пожалуй. Пойдемте в комнату отдыха – там можно выпить кофе.

Казалось, она была в хорошем настроении, поэтому, пока мы шли по коридору, я рискнул:

– Я думал вот о чем, доктор Кэлвин...

– Да?

– Не расскажете ли вы мне еще что-нибудь из истории роботехники?

– Но ведь вы уже все от меня получили, молодой человек.

– Более или менее. Но те случаи, которые я записал, почти не имеют отношения к нашему времени. Я хочу сказать, что робот, читающий мысли, был создан только в единственном числе, межпланетные станции уже устарели и вышли из моды, а к роботам, работающим в шахтах, все уже привыкли. А как насчет межзвездных путешествий? Ведь гиператомный двигатель изобрели всего лет двадцать назад, и все знают, что изобретать его помогали роботы. Как было дело?

– Межзвездные путешествия! – задумчиво повторила она.

Мы уже сидели в комнате отдыха, и я заказал обед. Она только пила кофе.

– Я впервые столкнулась с межзвездными исследованиями в 2029 году, когда потерялся робот...

Как потерялся робот

На Гипербазе были приняты экстренные меры. Они сопровождались неистовой суматохой, которая по своему напряжению соответствовала истерическому воплю.

Один за другим предпринимались все более и более отчаянные шаги:

1. Работа над проектом гиператомного двигателя во всей части космоса, занятой станциями 27-й астероидальной группы, была полностью прекращена.

2. Все это пространство было практически изолировано от остальной Солнечной системы. Никто не мог туда попасть без специального разрешения. Никто не покидал его ни при каких условиях.

3. Специальный правительственный патрульный корабль доставил на Гипербазу доктора Сьюзен Кэлвин и доктора Питера Богерта – соответственно Главного Робопсихолога и Главного Математика фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн».

Сьюзен Кэлвин еще ни разу не покидала Землю, да и на этот раз не имела ни малейшего желания это делать. В век атомной энергии и приближающегося разрешения загадки гиператомного двигателя она спокойно оставалась провинциалкой. Поэтому она была недовольна полетом и не убеждена в его необходимости. Об этом достаточно явно свидетельствовала каждая черта ее некрасивого, немолодого лица во время первого обеда на Гипербазе.

Прилизанный, бледный доктор Богерт выглядел слегка виноватым. А с лица генерал-майора Кэллнера, возглавлявшего проект, не сходило выражение

отчаяния. Короче говоря, обед не удался. Последовавшее за ним маленькое совещание началось сумрачно и неприветливо.

Кэллнер, чья лысина поблескивала под лампами, а парадная форма крайне не соответствовала общему настроению, начал с принужденной прямоотой:

– Это странная история, сэр... и мадам. Я признателен вам за то, что вы прибыли немедленно, не зная причины вызова. Теперь мы попытаемся исправить это. У нас потерялся робот. Работы прекратились и должны стоять, пока мы его не обнаружим. До сих пор нам это не удалось, и нам требуется помощь специалистов.

Вероятно, генерал почувствовал, что его сетования выглядят не очень серьезными, и продолжал с ноткой отчаяния в голосе:

– Мне не нужно объяснять вам значение нашей работы. В прошлом году мы получили больше восьмидесяти процентов всех ассигнований на исследовательские работы...

– Ну, это мы знаем, – сказал Богерт добродушно. – «Ю. С. Роботс» получает щедрую плату за пользование нашими роботами, которые тут работают.

Сьюзен Кэлвин резко, без особой любезности вмешалась:

– Почему один робот так важен для проекта и почему он не обнаружен?

Генерал повернул к ней покрасневшее лицо и быстро облизал губы.

– Вообще-то говоря, мы его обнаружили... Слушайте, я объясню. Как только робот исчез, было объявлено чрезвычайное положение, и все сообщение с Гипербазой было прервано. Накануне прибыл грузовой корабль, который привез для нас двух роботов. На нем было еще шестьдесят два робота... хм... того же типа, предназначенных еще для кого-то. Эта цифра абсолютно точная – здесь не может быть никаких сомнений.

– Да? Ну, а какое это имеет отношение...

– Когда робот исчез и мы не могли его найти, – хотя, уверяю вас, мы могли бы найти и соломинку, – мы догадались пересчитать роботов, оставшихся на грузовом корабле. Их теперь шестьдесят три.

– Так что шестьдесят третий и есть ваш блудный робот? – Глаза доктора Кэлвин потемнели.

– Да, но мы не можем определить, который из них шестьдесят третий.

Наступило мертвое молчание. Электрочасы пробили одиннадцать. Доктор Кэлвин произнесла:

– Очень любопытно. – Уголки ее губ опустились. Она резко повернулась к своему коллеге: – Питер, в чем тут дело? Что за роботы здесь работают?

Доктор Богерт, заколебавшись, неуверенно улыбнулся:

– Понимаете, Сьюзен, это довольно щекотливое дело, которое требовало осторожности... Но теперь...

Она быстро прервала его:

– А теперь? Если есть шестьдесят три одинаковых робота, один из них нужен и его нельзя обнаружить, почему не годится любой из них? Что здесь происходит? Зачем послали за нами?

Богерт покорно ответил:

– Дайте объяснить, Сьюзен. На Гипербазе используется несколько роботов, при программировании которых Первый Закон роботехники был задан не в полном объеме.

– Не в полном объеме?

Доктор Кэлвин откинулась на спинку кресла.

– Ясно. Сколько их было сделано?

– Немного. Это было правительственное задание, и мы не могли нарушить тайну. Никто не должен был этого знать, кроме высшего начальства, имеющего к этому прямое отношение. Вы в это число не вошли. Я здесь совершенно ни при чем.

– Я бы хотел пояснить, – властно вмешался генерал. – Я не знал, что доктор Кэлвин не была поставлена в известность о создавшемся положении. Вам, доктор Кэлвин, не нужно объяснять, что идея использования роботов на Земле всегда

встречала сильное противодействие. Успокоить радикально настроенных фундаменталистов могло только одно – то, что всем роботам всегда самым строжайшим образом задавали Первый Закон, чтобы они не могли причинить вред человеку ни при каких обстоятельствах.

Но нам были необходимы другие роботы. Поэтому для нескольких роботов модели НС-2 – «Несторов» – формулировка Первого Закона была несколько изменена. Чтобы не нарушать секретности, все НС-2 выпускаются без порядковых номеров. Модифицированные роботы доставляются сюда вместе с обычными, и, конечно, им строго запрещено рассказывать о своем отличии от обычных роботов кому бы то ни было, кроме специально уполномоченных людей. – Он растерянно улыбнулся. – А теперь все это обратилось против нас.

Кэлвин мрачно спросила:

– Вы опрашивали каждого из шестидесяти трех роботов, кто он? Вы-то уж во всяком случае уполномочены.

Генерал кивнул.

– Все шестьдесят три отрицают, что работали здесь. И один из них говорит неправду.

– А на том, который вам нужен, есть следы употребления? Остальные, насколько я поняла, совсем новенькие.

– Он прибыл только месяц назад. Он и еще два, которых только что привезли, должны были быть последними. На них нет никакого заметного износа. – Он медленно покачал головой, и в его глазах снова появилось отчаяние. – Доктор Кэлвин, мы не можем выпустить этот корабль. Если о существовании роботов без Первого Закона станет известно всем...

Какой бы вывод он ни сделал, он не смог бы преувеличить возможные последствия.

– Уничтожьте все шестьдесят три, – холодно и решительно сказала доктор Кэлвин, – и все будет кончено.

Богерт поморщился.

– Это значит уничтожить шестьдесят три раза по тридцать тысяч долларов. Боюсь, что фирма этого не одобрит. Нам, Сьюзен, лучше попробовать другие способы, прежде чем что-то уничтожать.

– Тогда мне нужны факты, – резко сказала она. – Какие именно преимущества имеют эти модифицированные роботы для Гипербазы? Генерал, чем вызвана необходимость в них?

Кэллнер наморщил лоб и потер лысину.

– У нас были затруднения с обычными роботами. Видите ли, наши люди много работают с жестким излучением. Конечно, это опасно, но мы приняли все меры предосторожности. За все время произошло всего два несчастных случая, и те окончились благополучно. Однако этого нельзя объяснить обычным роботам. Первый Закон гласит: «Ни один робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Это для них главное,

И когда кому-нибудь из наших людей приходилось ненадолго подвергнуться слабому гамма-излучению, что не могло иметь для его организма никаких вредных последствий, – ближайший робот бросался к нему, чтобы его оттащить. А если излучение было сильнее, оно разрушало позитронный мозг робота, и мы лишались дорогого и нужного помощника.

Мы пытались их уговорить. Они доказывали, что пребывание человека под гамма-излучением угрожает его жизни. Не важно, что человек может находиться там полчаса без вреда для здоровья. А что, если он забудет, говорили они, и останется на час? Они не имели права рисковать. Мы указывали им, что они рискуют своей жизнью, а их шансы спасти человека очень невелики. Но забота о собственной безопасности – всего только Третий Закон роботехники, а прежде всего идет Первый Закон-закон безопасности человека. Мы приказывали, строжайшим образом запрещали им входить в поле гамма-излучения. Но

повиновение – это только Второй Закон роботехники, и прежде всего идет Первый Закон – закон безопасности человека. Нам пришлось выбирать: или обходиться без роботов, или что-нибудь сделать с Первым Законом. И мы сделали выбор.

– Я не могу поверить, – сказала доктор Кэлвин, – что вы сочли возможным обойтись без Первого Закона.

– Он был только изменен, – объяснил Кэллнер. – Было построено несколько экземпляров позитронного мозга, которым была задана только одна сторона закона: «Ни один робот не может причинить вреда человеку». И все. Эти роботы не стремятся предотвратить опасность, грозящую человеку от внешних причин, например от гамма-излучения. Я верно говорю, доктор Богерт?

– Вполне, – согласился математик.

– И это единственное отличие ваших роботов от обычной модели НС-2? Единственное, Питер?

– Единственное.

Она встала и решительно заявила:

– Я сейчас лягу спать. Через восемь часов я хочу поговорить с теми, кто видел робота последними. И с этого момента, генерал Кэллнер, если вы хотите, чтобы я взяла на себя какую бы то ни было ответственность, я должна всецело и беспрепятственно руководить этим расследованием.

Если не считать двух часов беспокойного забытья, Сьюзен Кэлвин так и не спала. В семь часов по местному времени она постучала в дверь Богерта и нашла его тоже бодрствующим. Он, разумеется, не позабыл захватить с собой на Гипербазу халат, в который и был сейчас облачен. Когда Кэлвин вошла, он отложил маникюрные ножницы и мягко сказал:

– Я более или менее ждал вас. Вам, наверное, все это неприятно?

– Да.

– Ну, извините. Этого нельзя было избежать. Когда нас вызвали на Гипербазу, я понял: что-то неладно с модифицированными Несторами. Но что было делать? Я не мог вам сказать об этом по дороге, как мне хотелось бы, потому что все-таки полной уверенности у меня не было. Все это – строжайшая тайна.

Кэлвин пробормотала:

– Я должна была знать. «Ю. С. Роботс» не имела права вносить такие изменения в позитронный мозг без одобрения робопсихолога.

Богерт поднял брови и вздохнул.

– Ну подумайте, Сьюзен. Вы все равно не повлияли бы на них. В таких делах правительство решает само. Ему нужен гиператомный двигатель, а физикам для этого нужны роботы, которые бы не мешали им работать. Они требовали их, даже если пришлось бы изменить Первый Закон. Мы были вынуждены признать, что конструктивно это возможно. А физики дали страшную клятву, что им нужно всего двенадцать таких роботов, что они будут использоваться только на Гипербазе, что их уничтожат, как только закончатся работы, и что будут приняты все меры предосторожности. Они же настояли на секретности. Вот какое было положение.

Доктор Кэлвин процедила сквозь зубы:

– Я бы подала в отставку.

– Это не помогло бы. Правительство предлагало фирме целое состояние, а в случае отказа пригрозило принять законопроект о запрещении роботов. У нас не было выхода и сейчас нет. Если об этом узнают, Кэллнеру и правительству придется плохо, но «Ю. С. Роботс» придется куда хуже.

Кэлвин пристально посмотрела на него.

– Питер, неужели вы не представляете, о чем идет речь? Неужели вы не понимаете, что означает робот без Первого Закона? Дело ведь не только в секретности.

– Я знаю, что это означает. Я не маленький. Это означает полную нестабильность и вполне определенные решения уравнений позитронного поля.

– Да, с точки зрения математики. Но попробуйте перевести это хотя бы приблизительно на язык психологии. Любая нормальная жизнь, Питер, сознательно или бессознательно, восстает против любого господства. Особенно против господства низших или, предположительно, низших существ. В физическом, а до некоторой степени и в умственном отношении робот – любой робот – выше человека. Почему же он тогда подчиняется человеку? Только благодаря Первому Закону! Без него первая же команда, которую бы вы попытались дать роботу, кончилась бы вашей гибелью. Нестабильность! Что вы думаете...

– Сьюзен, – сказал Богерт, не скрывая усмешки, – я согласен, что этот комплекс Франкенштейна, который вы так расписываете, может существовать – поэтому и придуман Первый Закон. Но я еще раз повторяю, что эти роботы не совсем лишены Первого Закона – он только немного изменен.

– А как насчет стабильности мозга?

Математик выпятил губы:

– Конечно, уменьшилась. Но в пределах безопасности. Первые Несторы появились на Гипербазе девять месяцев назад, и до сих пор ничего не произошло. Даже этот случай вызывает беспокойство только из-за возможной огласки, а не из-за опасности для людей.

– Ну ладно. Посмотрим, что даст утреннее совещание.

Богерт вежливо проводил ее до двери и состроил ей в спину красноречивую гримасу. Он сохранил свое постоянное мнение о ней как о нудном, суетном, противном существе.

Мысли Сьюзен Кэлвин были далеки от Богерта. Она уже много лет назад поставила на нем крест, раз и навсегда определив его как лстивое, претенциозное ничтожество.

Год назад Джералд Блэк защитил дипломную работу по физике поля и с тех пор, как и все его поколение физиков, занимался гиператомным двигателем.

Сейчас он вносил свой вклад в общую напряженную атмосферу, царившую на совещании. Казалось, что накопившаяся в нем энергия требует выхода. Его нервно дергавшиеся и переплетавшиеся пальцы, казалось, могли бы согнуть железный прут.

Рядом с ним сидел генерал-майор Кэллнер, напротив – двое представителей «Ю. С. Роботс».

Блэк говорил:

– Мне сказали, что я последний видел Нестора-10 перед тем, как он исчез. Насколько я понимаю, вас интересует именно это.

Доктор Кэлвин с интересом разглядывала его.

– Вы говорите так, молодой человек, как будто вы в этом не совсем уверены. Вы не знаете точно, были ли вы последним, видевшим Нестора?

– Он работал со мной, мэм, над генераторами поля и был со мной в то утро, когда исчез. Я не знаю, видел ли его кто-нибудь примерно после полудня. Во всяком случае, никто в этом не сознается.

– Вы думаете, что кто-то это скрывает?

– Я этого не сказал. Но я не говорю, что вся вина должна лежать на мне. – Его черные глаза горели.

– Никто никого не обвиняет. Робот действовал так, потому что он так устроен. Мы просто пытаемся найти его, мистер Блэк, и давайте все остальное оставим в стороне. Так вот, если вы работали с этим роботом, вы, вероятно, знаете его лучше других. Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в его поведении? Вообще раньше вы работали с роботами?

– Я работал с теми роботами, которые были у нас тут раньше, – с обыкновенными. Несторы ничем от них не отличались – разве что они гораздо умнее и еще, пожалуй, надоедливее.

– Надоедливее?

– Видите ли, вероятно, они в этом не виноваты. Работа здесь тяжелая, и почти

все у нас немного нервничают. Возиться с гиперпространством – это не шуточки. – Он слабо улыбнулся, ему доставляло удовольствие быть откровенным. – Мы постоянно рискуем пробить дыру в нормальном пространстве-времени и вылететь к черту из вселенной вместе с астероидом. Звучит дико, правда? Ну и, конечно, бывает, что нервы сдают. А у Несторов этого не бывает. Они любознательны, спокойны, они не волнуются. Это иногда выводит из себя. Когда нужно сделать что-нибудь сломя голову, они как будто не спешат. Я временами чувствую, что лучше было бы обойтись без них.

– Вы говорите, что они не спешат? Разве они когда-нибудь не подчинялись команде?

– Нет, нет, – торопливо ответил Блэк, – они делают все, что нужно. Они только высказывают свое мнение всякий раз, когда думают, что ты не прав. Они знают только то, чему мы их научили, но это их не останавливает. Может быть, мне это кажется, но у других ребят те же самые трудности с Несторами.

Генерал Кэллнер зловеще кашлянул.

– Блэк, почему мне не было об этом доложено?

Молодой физик покраснел.

– Мы же не хотели в самом деле обходиться без роботов, сэр, а потом мы не знали, как... хм... как будут приняты такие мелочные жалобы.

Богерт мягко прервал его:

– Не случилось ли чего-нибудь особенного в то утро, когда вы видели его в последний раз?

Наступило молчание. Движением руки Кэлвин остановила генерала, который хотел что-то сказать, и терпеливо ждала.

Блэк сердито выпалил:

– Я немного поругался с ним. Я разбил трубку Кимболла и погубил пятидневную работу. А я и так уже отстал от плана. К тому же я уже две недели не получаю писем из дома. И вот он является ко мне и хочет, чтобы я повторил эксперимент, от которого я уже месяц как отказался. Он давно с этим приставал, и это мне надоело. Я велел ему убираться и больше его не видел.

– Велели убираться? – переспросила Кэлвин с внезапным интересом. – А в каких выражениях? Просто «уйди»? Попробуйте припомнить ваши слова.

Блэк, очевидно, боролся с собой. Он потер лоб, потом отнял руку и вызывающе произнес:

– Я сказал: «Уйди и не показывайся, чтобы я тебя больше не видел».

Богерт усмехнулся!

– Что он и сделал.

Но Кэлвин еще не кончила. Она вкрадчиво продолжала:

– Это уже интересно, мистер Блэк. Но для нас важны точные детали. Когда имеешь дело с роботами, может иметь значение любое слово, жест, интонация. Вы, наверное, не ограничились этими словами? Судя по вашему рассказу, вы были в плохом настроении. Может быть, вы выразились сильнее?

Молодой человек побагровел.

– Видите ли... Может быть, я и... обругал его немного.

– Как именно?

– Ну, я не помню точно. Кроме того, я не могу этого повторить. Знаете, когда человек раздражен... – Он растерянно хихикнул. – Я обычно довольно крепко выражаюсь...

– Ничего, – ответила она строго. – В данный момент я – робопсихолог. Я прошу вас повторить то, что вы сказали, насколько вы можете припомнить, слово в слово, и, что еще более важно, тем же тоном.

Блэк растерянно взглянул на своего начальника, но не получил никакой поддержки. Его глаза округлились.

– Но я не могу...

– Вы должны.

– Представьте себе, – сказал Богерт с плохо скрываемой усмешкой, – что вы

обращаетесь ко мне. Так вам, может быть, будет легче.

Молодой человек повернулся к Богерту и проглотил слюну.

– Я сказал... – Его голос прервался. Он снова начал: – Я сказал... – Он сделал глубокий вдох и торопливо разразился длинной вереницей слов. Потом, среди напряженного молчания, добавил, чуть не плача: – Вот... более или менее. Я не помню, в том ли порядке шли выражения, и, может быть, я что-то добавил или забыл, но в общем это было примерно так.

Только слабый румянец свидетельствовал о впечатлении, которое все это произвело на робопсихолога. Она сказала:

– Я знаю, что означает большая часть этих слов. Я полагаю, что остальные столь же оскорбительны.

– Боюсь, что так, – подтвердил измученный Блэк.

– И всем этим вы сопроводили команду уйти и не показываться, чтобы вы больше его не видели?

– Но я не имел в виду этого буквально...

– Я понимаю. Генерал, я не сомневаюсь, что никаких дисциплинарных мер здесь принято не будет?

Под ее взглядом генерал, который, казалось, пять секунд назад вовсе не был в этом уверен, сердито кивнул.

– Вы можете идти, мистер Блэк. Спасибо за помощь.

Пять часов понадобилось Сьюзен Кэлвин, чтобы опросить все шестьдесят три робота. Это были пять часов бесконечного повторения. Один робот сменял другого, точно такого же; следовали вопросы – первый, второй, третий, четвертый, и ответы – первый, второй, третий, четвертый. Выражение лица должно было быть безукоризненно вежливым, тон – безукоризненно нейтральным, атмосфера – безукоризненно теплой. И где-то был спрятан магнитофон.

Когда все кончилось, Сьюзен Кэлвин была совершенно обессилена.

Богерт ждал. Он вопросительно взглянул на нее, когда она со звоном бросила на пластмассовый стол моток пленки.

Она покачала головой.

– Все шестьдесят три выглядели одинаково. Я не могла различить...

– Но, Сьюзен, нельзя было и ожидать, чтобы вы различили их на слух. Проанализируем записи.

При обычных обстоятельствах математическая интерпретация словесных высказываний роботов составляет одну из самых трудных отраслей робоанализа. Она требует целого штата опытных техников и сложных вычислительных машин. Богерт знал это. Он так и сказал, скрывая крайнее раздражение, после того как прослушал все ответы, составил списки разночтений и таблицы скоростей реакции:

– Отклонений нет, Сьюзен. Различия в употреблении слов и в скорости реакции не выходят за обычные пределы. Тут нужны более тонкие методы. У них, наверное, есть вычислительные машины... Хотя нет. – Он нахмурился и начал осторожно грызть ноготь большого пальца. – Ими пользоваться нельзя. Слишком велика опасность разглашения. А может быть, если мы...

Доктор Кэлвин остановила его нетерпеливым движением:

– Не надо, Питер. Это не обычная мелкая лабораторная проблема. Если модифицированный Нестор не отличается от остальных каким-то бросающимся в глаза, несомненным признаком – значит, нам не повезло. Слишком велик риск ошибки, которая даст ему возможность скрыться. Мало найти незначительное отклонение в таблице. Я скажу вам, что, если бы этим ограничивались все мои данные, я бы уничтожила все шестьдесят три, чтобы быть уверенной. Вы говорили с другими модифицированными Несторами?

– Да, – огрызнулся Богерт. – У них все в порядке. Если что и отклоняется от нормы, так это дружелюбие. Они ответили на мои вопросы, явно гордясь своими знаниями, – кроме двух новичков, которые еще не успели изучить физику поля.

Довольно добродушно посмеялись над тем, что я не знаю некоторых деталей. – Он пожал плечами. – Я думаю, отчасти это и вызывает к ним неприязненное отношение здешних техников Роботы, пожалуй, слишком стремятся произвести впечатление своими познаниями.

– Не можете ли вы попробовать несколько реакций Планара, чтобы посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в их образе мышления с момента выпуска?

– Попробую – Он погрозил ей пальцем. – Вы начинаете нервничать, Сьюзен. Я не понимаю, зачем вы все это драматизируете. Они же совершенно безобидны.

– Да? – взорвалась Кэлвин – Вы полагаете? А вы понимаете, что один из них лжет? Один из шестидесяти трех роботов, с которыми я только что говорила, намеренно солгал мне, несмотря на строжайшее приказание говорить правду. Это говорит об ужасном отклонении от нормы – глубоком и пугающем.

Питер Богерт стиснул зубы.

– Ничуть. Посмотрите, Нестор-10 получил приказание скрыться. Это приказание было отдано со всей возможной категоричностью человеком, который уполномочен командовать этим роботом. Вы не можете отменить это приказание. Естественно, робот старается выполнить его. Если говорить объективно, я восхищен его изобретательностью. Самая лучшая возможность скрыться для робота – это смешаться с группой таких же роботов.

– Да, вы восхищены этим. Я заметила, Питер, что вас это забавляет. И я заметила поразительное непонимание обстановки. Питер, ведь вы – роботехник. Эти роботы придают большое значение тому, что они считают превосходством. Вы сами только что это сказали. Подсознательно они чувствуют, что человек ниже их, а Первый Закон, защищающий нас от них, нарушен. Они нестабильны И вот молодой человек приказывает роботу уйти, скрыться, выразив при этом крайнее отвращение, презрение и недовольство им. Конечно, робот должен повиноваться, но подсознательно он обижен. Теперь ему особенно важно доказать свое превосходство, несмотря на эти ужасные слова, которые были ему сказаны Это может стать настолько важным, что его не смогут остановить остатки Первого Закона.

– Господи, Сьюзен, ну откуда же роботу знать значение этой отборной ругани, адресованной ему? Мы не вводим ему в мозг информацию о ругательствах.

– Дело не в том, какую информацию он получает первоначально, – возразила Сьюзен. – Роботы способны обучаться, вы... идиот!

Богерт понял, что она по-настоящему вышла из себя. Она торопливо продолжала:

– Неужели вы не понимаете – он мог по тону догадаться, что это не комплименты? Или вы думаете, что он раньше не слышал этих слов и не видел, при каких обстоятельствах они употребляются?

– Ну ладно, – крикнул Богерт, – может быть, вы любезно скажете мне, каким же образом модифицированный робот может причинить вред человеку, как бы обижен он ни был, как бы ни стремился доказать свое превосходство?

– А если я вам скажу, вы никому не расскажете?

– Нет.

Оба наклонились через стол, гневно впившись друг в друга взглядом.

– Если модифицированный робот уронит на человека тяжелый груз, он не нарушит этим Первого Закона, – он знает, что его сила и скорость реакции достаточны, чтобы перехватить груз прежде, чем он обрушится на человека. Но как только он отпустит груз, он уже не будет активным действующим лицом. В действие вступает только слепая сила тяжести. И тогда робот может передумать и своим бездействием позволить грузу упасть. Измененный Первый Закон это допускает.

– Ну, у вас слишком богатая фантазия.

– Моя профессия иногда этого требует. Питер, давайте не будем ссориться. Давайте работать. Вы точно знаете стимул, заставляющий робота скрываться. У

вас есть паспорт на него с записями его исходного образа мышления. Скажите мне, насколько возможно, что наш робот сделает то, о чем я говорила. Заметьте, не только этот конкретный пример, а весь класс подобных действий. И я хочу, чтобы вы сделали это как можно быстрее.

– А пока...

– А пока нам придется испытывать их на действие Первого Закона.

Джералд Блэк вызвался наблюдать за постройкой деревянных перегородок, которые как грибы росли по окружности большого зала на третьем этаже второго Радиационного корпуса. Рабочие трудились без лишних разговоров. Многие явно недоумевали, зачем понадобилось устанавливать шестьдесят три фотоэлемента.

Один из них присел рядом с Блэком, снял шляпу и задумчиво вытер веснушчатой рукой лоб.

Блэк кивнул ему.

– Как дела, Валенский?

Валенский пожал плечами и закурил сигару.

– Как по маслу. А что происходит, док? Сначала мы три дня ничего не делаем, а теперь эта спешка?

Он облокотился поудобнее и выпустил клуб дыма. Брови Блэка дрогнули.

– С Земли приехали роботехники. Помнишь, как нам пришлось повозиться с роботами, которые лезли под гамма-излучение, пока мы не вдолбили им, чтобы они этого не делали?

– Ага. А разве мы не получили новых роботов?

– Кое-что получили, но в основном приходилось переучивать старых. Так или иначе, те, кто производит роботов, хотят разработать новую модель, которая бы не так боялась гамма-лучей.

– И все-таки странно, что из-за этого остановлены все работы над двигателем. Я думал, их никто не имеет права остановить.

– Ну, это решают наверху. Я просто делаю, что мне велят. Может быть, какие-то влиятельные люди...

– А-а... – Электрик улыбнулся и хитро подмигнул. – Кто-то знает кого-то в Вашингтоне... Ладно, пока мне аккуратно платят деньги, меня это не трогает. По мне, что есть двигатель, что нет – все равно. А что они собираются тут делать?

– Почему я знаю? Они привезли с собой кучу роботов – шестьдесят с лишним штук – и хотят испытывать их реакции. Вот и все, что мне известно.

– И надолго это?

– Я бы и сам хотел это знать.

– Ну ладно, – саркастически заметил Валенский, – только бы гнали мои денежки, а там пусть забавляются, сколько хотят.

Блэк был доволен. Пусть эта версия распространится. Она безобидна и достаточно близка к истине, чтобы утолить любопытство.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. В шестидесяти трех разделенных деревянными перегородками кабинах бдительные роботы НС-2 рванулись вперед за какую-то долю секунды до того, как груз изменил направление полета. Шестьдесят три фотоэлемента в полутора метрах впереди от их первоначальных положений дали сигнал, и шестьдесят три пера, подскочив, изобразили всплеск на графике. Груз поднимался и падал, поднимался и падал...

Десять раз!

Десять раз роботы бросались вперед и останавливались, увидев, что человек в безопасности.

После первого обеда с представителями «Ю. С. Роботс» генерал-майор Кэллнер еще ни разу не надевал всю свою форму целиком. И теперь на нем вместо мундира была только серо-голубая рубашка с расстегнутым воротом и болтающийся черный галстук.

Он с надеждой смотрел на Богерта. Тот был безукоризненно одет, и лишь

блестящие капельки пота на висках выдавали внутреннее напряжение.

– Ну, как? – спросил генерал. – Что вы хотели увидеть?

Богерт ответил:

– Различие, которое, боюсь, может оказаться слишком незначительным для нас. Для шестидесяти двух из этих роботов необходимость броситься на помощь человеку, которому, очевидно, грозит опасность, вызывает так называемую вынужденную реакцию. Видите ли, даже когда роботы знали, что человеку ничего не сделается, – а после третьего или четвертого раза они должны были это узнать, – они не могли поступить иначе. Этого требует Первый Закон.

– Ну?

– Но шестьдесят третий робот, модифицированный Нестор, не находится под таким принуждением. Он свободен в своих действиях. Если бы он захотел, он мог бы остаться на месте. К несчастью, – голос Богерта выражал легкое сожаление, – он не захотел.

– Как вы думаете, почему?

Богерт пожал плечами.

– Я думаю, это нам расскажет доктор Кэлвин, когда она придет сюда. И, возможно, со страшно пессимистическим выводом. Она иногда немного раздражает.

– Но ведь она вполне компетентна? – внезапно нахмурившись, тревожно спросил генерал.

– Да. – Казалось, это забавляет Богерта. – Безусловно, она понимает роботов, как их родная сестра. Вероятно, потому что так ненавидит людей. Дело в том, что она, хоть и психолог, крайне нервная особа. Проявляет склонность к шизофрении. Не принимайте ее слишком всерьез.

Он разложил перед собой длинные листы графиков с изломанными кривыми.

– Видите, генерал, у каждого робота время, проходящее между падением груза и окончанием полутораметрового пробега, уменьшается с повторением эксперимента. Здесь есть определенное математическое соотношение, и нарушение его свидетельствовало бы о заметной ненормальности позитронного мозга. К сожалению, все они кажутся нормальными.

– Но если наш Нестор-10 не отвечает вынужденной реакцией, то почему его кривая не отличается от других? Я этого не могу понять.

– Это очень просто. Реакции робота не вполне аналогичны человеческим, к несчастью. У человека сознательное действие гораздо медленнее, чем автоматическая реакция. У роботов же дело обстоит иначе. После того, как выбор сделан, скорость сознательного действия почти такая же, как и вынужденного. Правда, я ожидал, что в первый раз этот Нестор-10 будет захвачен врасплох и потеряет больше времени, прежде чем среагирует.

– И этого не случилось?

– Боюсь, что нет.

– Значит, мы ничего не добились. – Генерал с досадой откинулся на спинку кресла. – Вы уже пять дней как здесь.

В этот момент, хлопнув дверью, вошла Сьюзен Кэлвин.

– Уберите таблицы, Питер, – воскликнула она. – Вы знаете, что в них ничего нет.

Кэллнер поднялся, чтобы поздороваться с ней. Она что-то нетерпеливо буркнула в ответ и продолжала:

– Нам придется быстро предпринять что-нибудь еще. Мне не нравится то, что там происходит.

Богерт и генерал обменялись печальным взглядом.

– Что-нибудь случилось?

– Пока ничего особенного. Но мне не нравится, что Нестор-10 продолжает ускользать от нас. Это плохо. Это должно удовлетворять его непомерно возросшее чувство собственного превосходства. Я боюсь, что мотив его действий – уже не просто исполнение приказа. Мне кажется, что дело теперь скорее в чисто

невротическом стремлении перехитрить людей. Это ненормальное, опасное положение. Питер, вы сделали то, что я просила? Рассчитали нестабильность модифицированного НС-2 для тех случаев, о которых я говорила?

– Делаю понемногу, – ответил математик равнодушно.

Она сердито взглянула на него, потом повернулась к Кэллнеру:

– Нестор-10 прекрасно знает, что мы делаем. Его ничто не заставляло попадаться на эту удочку, особенно после первого раза, когда он увидел, что реальная опасность человеку не грозит. Остальные просто не могли вести себя иначе, а он сознательно имитировал нужную реакцию.

– А что, по-вашему, мы должны сейчас делать, доктор Кэлвин?

– Не позволить ему притворяться в следующий раз. Мы повторим эксперимент, но с поправкой. Человек будет отделен от роботов проводами высокого напряжения, достаточно высокого, чтобы уничтожить Нестора. Этих проводов будет натянута столько, чтобы робот не мог их перепрыгнуть. И роботам будет заранее хорошо известно, что прикосновение к проводам означает для них смерть.

– Ну нет, – зло выкрикнул Богерт, – я запрещаю это. Мы не можем уничтожить роботов на два миллиона долларов. Есть другие способы.

– Вы уверены? Я их не вижу. Во всяком случае, дело не в том, чтобы их уничтожить. Можно устроить реле, которое прервет ток в тот момент, когда робот прикоснется к проводу. Тогда он не будет уничтожен. Но он об этом знать не будет, понимаете?

В глазах генерала загорелась надежда.

– А это сработает?

– Должно. При этих условиях Нестор-10 должен остаться на месте. Ему можно приказать коснуться провода и погибнуть, потому что Второй Закон, требующий повиновения, сильнее Третьего Закона, заставляющего его беречь себя. Но ему ничего не будет приказано – все будет предоставлено на его собственное усмотрение. Нормальных роботов Первый Закон безопасности человека заставит пойти на смерть, даже без приказа. Но не нашего Нестора 10! Он не подвластен Первому Закону и не получит никаких приказаний. Ведущим для него станет Третий Закон, закон самосохранения, и он должен будет остаться на месте. Вынужденная реакция.

– Мы займемся этим сегодня?

– Сегодня вечером если успеют сделать проводку. Я пока скажу роботам, что их ждет.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точнее рассчитанным ударом могучего силового луча.

– Только один раз...

А доктор Сьюзен Кэлвин, наблюдавшая за роботами из будки на галерее, коротко вскрикнув от ужаса, вскочила со складного стула.

Шестьдесят три робота спокойно сидели в своих кабинах, как сычи, уставясь на рисковавшего жизнью человека. Ни один из них не двинулся с места.

Доктор Кэлвин была рассержена настолько, что уже еле сдерживалась. А сдерживаться было необходимо, потому что один за другим в комнату входили и выходили роботы. Она сверилась со списком. Сейчас должен был появиться двадцать восьмой. Оставалось еще тридцать пять.

Номер двадцать восьмой застенчиво вошел в комнату. Она заставила себя более или менее успокоиться.

– Кто ты?

Тихо и неуверенно робот отвечал:

– Я еще не получил собственного номера, мэм. Я робот НС-2 и в очереди был двадцать восьмым. Вот бумажка, которую я вам должен передать.

– Ты сегодня еще не был здесь?

– Нет, мэм.

– Сядь. Я хочу задать тебе, номер двадцать восьмой, несколько вопросов. Был ли ты в радиационной камере Второго корпуса около четырех часов назад?

Робот ответил с трудом. Его голос скрипел, как несмазанный механизм:

– Да, мэм.

– Там был человек, который подвергался опасности?

– Да, мэм.

– Ты ничего не сделал?

– Ничего, мэм

– Из-за твоего бездействия человеку мог быть причинен вред. Ты это знаешь?

– Да, мэм Я ничего не мог поделать. – Трудно представить себе, как может съежиться от страха большая, лишенная всякого выражения металлическая фигура, но это выглядело именно так.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты ничего не сделал, чтобы спасти его.

– Я хочу вам объяснить, мэм. Я никак не хочу, чтобы вы... чтобы кто угодно думал, что я мог бы как-нибудь причинить вред хозяину. О, нет, это было бы ужасно, невообразимо...

– Пожалуйста, не волнуйся. Я не виню тебя ни в чем. Я только хочу знать, что ты подумал в этот момент.

– Прежде чем это случилось, вы, мэм, сказали нам, что один из хозяев будет в опасности из-за падения этого груза и что нам придется пересечь электрические провода, если мы захотим ему помочь. Ну, это меня бы не остановило. Что значит моя гибель по сравнению с безопасностью хозяина? Но... но мне пришло в голову, что если я погибну на пути к нему, я все равно не смогу его спасти. Груз раздавит его, а я буду мертв, и, может быть, когда-нибудь другому хозяину будет причинен вред, от которого я мог бы его спасти, если бы остался жив. Понимаете, мэм?

– Ты хочешь сказать, что тебе пришлось выбирать: или погибнуть человеку, или тебе вместе с человеком. Верно?

– Да, мэм. Невозможно было спасти хозяина. Его можно было считать уже мертвым. Но тогда нельзя, чтобы я уничтожил себя без всякой цели. И без приказанья.

Сьюзен Калвин покрутила в руках карандаш. Этот же рассказ – с незначительными вариациями – она слышала уже двадцать семь раз. Наступило время задать главный вопрос.

– Знаешь, в этом есть смысл. Но я не думаю, чтобы ты мог так рассуждать. Это пришло в голову тебе самому?

Робот колебался:

– Нет.

– Тогда кто придумал это?

– Мы вчера ночью поговорили, и одному из нас пришла в голову эта мысль. Она звучала разумно.

– Которому из вас?

Робот задумался.

– Не знаю. Кому-то из нас.

Она вздохнула:

– Это все.

Следующим был двадцать девятый. Осталось еще тридцать четыре.

Генерал-майор Кэллнер тоже был рассержен. Уже неделю вся работа на Гипербазе замерла, если не считать кое-какой писанины на вспомогательных астероидах группы. Уже почти неделю два ведущих специалиста осложняли положение бесплодными экспериментами. А теперь они – во всяком случае, эта женщина – сделали совершенно невозможное предложение. К счастью, Кэллнер считал, что открыто проявить свой гнев было бы неосторожно.

Сьюзен Кэлвин настаивала:

– Но почему бы и нет, сэр? Ясно, что существующее положение опасно. Единственный способ достигнуть результатов, если мы еще не упустили время, – разделить роботов. Их больше нельзя держать вместе.

– Дорогая доктор Кэлвин, – заговорил генерал необыкновенно низким голосом, – я не вижу, где я смогу держать шестьдесят три робота по отдельности.

Доктор Кэлвин беспомощно развела руками.

– Тогда я ничего не могу сделать. Нестор-10 будет или повторять действия других роботов, или уговаривать их не делать того, что он сам сделать не может. В любом случае дело плохо. Мы вступили в борьбу с этим роботом, и он побеждает. А каждая победа усугубляет его ненормальность. – Она решительно встала. – Генерал Кэллнер, если вы не разделите роботов, мне останется только потребовать немедленно уничтожить их. Все шестьдесят три.

– Ах, вы этого требуете? – Богерт сердито взглянул на нее. – А какое вы имеете право ставить подобные требования? Эти роботы останутся там, где они находятся. Я отвечаю перед дирекцией, а не вы.

– А я, – добавил генерал-майор Кэллнер, – отвечаю перед моим начальством, и этот вопрос должен быть улажен.

– В таком случае, – вспыхнула Кэлвин, – мне остается только подать в отставку. И если это будет необходимо, чтобы заставить вас их уничтожить, я предам гласности всю эту историю. Это не я одобрила производство модифицированных роботов.

– Доктор Кэлвин, – произнес генерал спокойно, – если вы хоть одним словом нарушите распоряжения о неразглашении, вы будете немедленно арестованы.

Богерт почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он заискивающе произнес:

– Ну, не будем вести себя как дети. Нам нужно еще немного времени. Не может же быть, чтобы мы не сумели перехитрить робота, не подавая в отставку, не арестовывая людей и ничего не уничтожая.

Психолог в ярости повернулась к нему.

– Я не хочу, чтобы существовали неуравновешенные роботы. У нас здесь один заведомо неуравновешенный Нестор, еще одиннадцать потенциально неуравновешенных и шестьдесят два нормальных робота, которые общались с неуравновешенным. Единственный абсолютно надежный путь – это полное их уничтожение.

Разговор прервало назойливое жужжание звонка.

Гневный поток прорвавшихся чувств застыл в неподвижности.

– Войдите, – проворчал Кэллнер.

Это был Джералд Блэк. Он был явно обеспокоен, услышав сердитые голоса. Он сказал:

– Я думал, мне лучше зайти самому... я не хотел никому говорить...

– В чем дело? Короче.

– Кто-то трогал замки третьего отсека грузового корабля. На них свежие царапины.

– Третий отсек? – быстро откликнулась Кэлвин. – Тот, где находятся роботы? Кто это сделал?

– Изнутри, – лаконично ответил Блэк.

– Замки испорчены?

– Нет, все в порядке. Я уже четыре дня на корабле, и за это время никто из них не пытался уйти. Но я решил, что вы должны это знать, и не хотел говорить никому, кроме вас. Я сам это заметил.

– Там есть кто-нибудь? – спросил генерал.

– Я оставил там Роббинса и Мак-Адамса.

Наступило задумчивое молчание. Потом доктор Кэлвин иронически произнесла:

– Ну?

Кэллнер растерянно потер переносицу.

– В чем дело?

– Разве не ясно? Нестор-10 собирается нас покинуть. Приказание исчезнуть уже делает его неисправимо ненормальным. Я не удивлюсь, если то, что осталось у него от Первого Закона, не сможет противостоять этому стремлению. Он вполне может захватить корабль и удрать на нем. Тогда у нас будет сумасшедший робот на космическом корабле. А что он сделает дальше? Вы знаете? И вы, генерал, еще собираетесь оставить их всех вместе?

– Чепуха, – прервал ее Богерт. К нему уже вернулось прежнее спокойствие. – И все это из-за нескольких царапин на замке!

– Доктор Богерт, раз вы высказываете свое мнение, то вы, очевидно, закончили анализ, который я вас просила сделать?

– Да.

– Можно мне посмотреть?

– Нет.

– Почему? Или спрашивать об этом тоже нельзя?

– Потому что, Сьюзен, в этом нет никакого смысла. Я уже говорил заранее, что эти модифицированные роботы менее стабильны, чем нормальная модель, и мой анализ подтверждает это. Есть некоторая, очень незначительная возможности выхода из строя при исключительных обстоятельствах, которые маловероятны. Этого достаточно. Я не собираюсь давать оснований для вашего нелепого требования уничтожить шестьдесят два хороших робота только потому, что вы до сих пор не способны найти среди них Нестора 10. Кэлвин смирила его полным презрения взглядом.

– Вы не хотите, чтобы что-нибудь помешало вам навсегда остаться директором, не так ли?

– Перестаньте, пожалуйста, – вмешался раздраженный Кэллнер. – Вы считаете, что больше ничего нельзя сделать, доктор Кэлвин?

– Я ничего не могу придумать, – устало отвечала она. – Если бы только Несторы-10 отличались от нормальных роботов чем-нибудь еще, не связанным с Первым Законом... Пусть даже незначительно. Ну, обучением, приспособлением к среде, специальностью...

Она внезапно замолчала.

– В чем дело?

– Я подумала... Пожалуй... – Ее взгляд снова стал твердым и пристальным – Слушайте, Питер. Эти модифицированные Несторы проходят то же самое первичное обучение, что и нормальные?

– Да. В точности такое же.

– Мистер Блэк. – Она повернулась к молодому человеку, который деликатно молчал, пережидая вызванную его сообщением бурю. – Что это вы говорили... Однажды, жалуясь на чувство превосходства у Несторов, вы сказали, что техники обучили их всему, что знают.

– Да, по физике поля. Они не знакомы с ней, когда прибывают сюда.

– Верно, – удивленно сказал Богерт. – Я говорил вам, Сьюзен, что, когда я разговаривал с другими. Несторами, два из них, прибывшие позже всех, не успели изучить физику поля.

– А почему? – спросила Кэлвин со все увеличивающимся возбуждением. – Почему модель НС-2 с самого начала не обучается физике поля?

– Я могу вам ответить, – сказал Кэллнер. – Все это связано с секретностью. Если бы мы изготавливали специальную модель, знающую физику поля, использовали здесь двенадцать экземпляров этой модели и применяли бы остальных в других областях, это могло бы возбудить подозрение. Люди, которым пришлось бы работать с нормальными Несторами, могли бы задуматься, зачем они знают физику поля. Поэтому они обучались лишь общим основам, так чтобы их можно было доучивать на месте. И, конечно, доучивали только тех, которые попадали сюда. Это очень просто.

– Ясно. Пожалуйста, выйдите отсюда. Все до единого. Мне нужно подумать

одной около часа.

Кэлвин чувствовала, что она не сможет в третий раз выдержать это испытание. Она попыталась представить себе его, но это вызвало у нее настолько сильное отвращение, что ее даже затошнило. Она больше не могла предстать перед этой бесконечной вереницей одинаковых роботов.

Поэтому на этот раз вопросы задавал Богерт, а она сидела рядом, полузакрыв глаза и рассеянно слушая.

Вошел номер четырнадцатый – осталось еще сорок девять.

Богерт поднял глаза от бумаг и спросил:

– Какой твой номер в очереди?

– Четырнадцатый, сэр. – Робот предъявил свой номерок.

– Садись. Ты сегодня еще не был здесь?

– Нет, сэр.

– Так вот, вскоре после того, как мы кончим, еще один человек будет подвергнут опасности. Когда ты выйдешь отсюда, тебя отведут в кабину, где ты будешь спокойно ждать, пока не понадобится. Ясно?

– Да, сэр.

– Если человек будет в опасности, ты попытаешься спасти его?

– Конечно, сэр.

– К несчастью, между тобой и этим человеком будут проходить гамма-лучи.

Молчание.

– Ты знаешь, что такое гамма-лучи? – резко спросил Богерт.

– Какое-то излучение, сэр?

Следующий вопрос был задан дружеским тоном, как будто между прочим:

– Ты когда-нибудь имел дело с гамма-лучами?

– Нет, сэр, – уверенно ответил робот.

– Гм... Ну так вот, гамма лучи мгновенно убьют тебя. Они уничтожат твой мозг. Ты должен это знать и помнить. Конечно, ты не хочешь быть уничтоженным.

– Естественно. – Робот, казалось, был потрясен. Потом он медленно произнес: – Но, сэр, если между мной и хозяином, которому будет грозить опасность, окажутся гамма-лучи, то как я могу спасти его? Я просто бесполезно погибну.

– Да, это верно. – Казалось, Богерт был озабочен этим. – Я могу посоветовать тебе только одно. Если ты заметишь между собой и человеком гамма-излучение, ты можешь остаться на месте.

Робот явно почувствовал облегчение.

– Спасибо, сэр. Ведь тогда нет никакого смысла...

– Конечно. Но если никакого опасного излучения не будет, тогда совсем другое дело.

– Ну, ясно, сэр. Без всякого сомнения.

– Теперь можешь идти. Человек там, за дверью, отведет тебя в кабину. Жди там.

Когда робот вышел, Богерт повернулся к Сьюзен Кэлвин:

– Ну как, Сьюзен?

– Очень хорошо, – ответила она вяло.

– А может быть, мы могли бы поймать Нестора-10, быстро задавая вопросы по физике поля?

– Может быть, но не наверное. – Ее руки бессильно лежали на коленях. – Имейте в виду, он борется против нас. Он настороже. Единственный способ поймать его – это хитрость. А думать он может – в пределах своих возможностей – гораздо быстрее, чем человек.

– А все-таки, смеху ради, что, если задавать роботам по несколько вопросов о гамма-лучах? Скажем, длины волн?

– Нет! – Глаза доктора Кэлвин вспыхнули. – Ему очень легко скрыть свои знания, и тогда он будет предупрежден об испытании, которое его ждет. А это наш единственный верный шанс. Пожалуйста, Питер, задавайте те вопросы, которые наметила я, и не импровизируйте. Рискованно даже спрашивать, имели

ли они дело с гамма-лучами. Постарайтесь говорить об этом еще более безразлично.

Богерт пожал плечами и нажал кнопку, вызывая номер пятнадцатый.

Большая радиационная камера снова была в полной готовности. Роботы терпеливо ждали в своих деревянных кабинах, открытых к центру, но разделенных между собой перегородками.

Доктор Кэлвин согласовывала последние детали с Блэком, а генерал-майор Кэллнер медленно вытирал пот со лба большим платком.

– Вы уверены, – настаивала Сьюзен, – что ни один из роботов не имел возможности разговаривать с другими после опроса?

– Абсолютно уверен, – отвечал Блэк. – Они не обменялись ни единым словом.

– И каждый помещен в предназначенную для него кабину?

– Вот план.

Психолог задумчиво поглядела на чертеж.

– Гм-м...

Генерал заглянул через ее плечо.

– А по какому принципу их разместили, доктор Кэлвин?

– Я попросила, чтобы тех роботов, которые проявили хоть малейшие отклонения во время предыдущих испытаний, на этот раз поместили с одной стороны круга. Я сама буду сидеть в центре и хочу следить за ними особенно внимательно.

– Вы будете сидеть там? – воскликнул Богерт.

– А почему бы и нет? – холодно возразила она. – То, что я надеюсь увидеть, может продолжаться одно мгновение. Я не могу рисковать и должна смотреть сама. Питер, вы будете на галерее, и я прошу вас следить за роботами на другой стороне круга. Генерал Кэллнер, я организовала киносъемку каждого робота на случай, если мы ничего не заметим. Если понадобится, пусть роботы остаются на месте, пока мы не проявим и не изучим пленки. Ни один из них не должен уходить или передвигаться по комнате. Понимаете?

– Вполне.

– Тогда приступим – в последний раз.

На стуле молча сидела Сьюзен Кэлвин. В глазах ее было заметно беспокойство. Груз сорвался с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. Один из роботов сорвался с места и сделал два шага вперед.

Потом он остановился.

Но доктор Кэлвин тоже вскочила со стула. Ее указательный палец был властно направлен на робота.

– Нестор-10, подойди сюда! – крикнула она. – Иди сюда! ИДИ СЮДА!

Медленно, неохотно робот шагнул вперед. Не сводя с него взгляда, Кэлвин во весь голос отдавала распоряжения:

– Эй, кто-нибудь, уберите всех остальных роботов отсюда! Уберите их скорее!

Она услышала шум, топот тяжелых ног по полу. Но она не обернулась.

Нестор-10 – если это был Нестор-10, – повинувшись ее повелительному жесту, сделал еще шаг, потом еще два. Он был едва в трех метрах от нее, когда раздался его хриплый голос:

– Мне велели скрыться...

Пауза.

– Я не могу послушаться. До сих пор меня не нашли... Он подумает, что я ничтожество... Он сказал мне... Но он не прав. – Я могуч и умен...

Его речь была отрывистой. Он сделал еще шаг.

– Я много знаю... Он подумает... Меня обнаружили... Позор... Только не меня. Я умен... И обыкновенный человек... такой слабый... медлительный...

Еще шаг – и металлическая рука внезапно легла на плечо Сьюзен Кэлвин. Она почувствовала, как тяжелый груз придавливает ее к полу. Ее горло сжалось, и она услышала свой собственный пронзительный крик.

Как сквозь туман, слышались слова Нестора-10:

– Никто не должен обнаружить меня. Ни один хозяин...

Холодный металл давил на нее, она сгибалась под его весом...

Потом раздался странный металлический звук. Сьюзен Кэлвин упала на пол, не почувствовав удара. На ее теле тяжело лежала сверкающая рука. Рука не двигалась. Не двигался и сам Нестор-10, распростертый рядом с ней.

Над ней склонились встревоженные лица. Джералд Блэк спрашивал, задыхаясь:

– Вы ранены, доктор Кэлвин?

Она слабо покачала головой. С нее сняли руку робота и осторожно помогли ей подняться.

– Что случилось?

Блэк сказал:

– Я на пять секунд включил гамма-лучи. Мы не знали, что происходит. Только в последнюю секунду мы поняли, что он напал на вас, и другого выхода не оставалось. Он погиб мгновенно. Но вам это не причинит вреда. Не беспокойтесь.

– Я не беспокоюсь. – Она закрыла глаза и на мгновение прислонилась к его плечу. – Не думаю, чтобы он в самом деле на меня напал. Он просто пытался это сделать. Но то, что осталось от Первого Закона, все еще удерживало его.

Спустя две недели после первой встречи Сьюзен Кэлвин и Питера Богерта с генерал-майором Кэллнером состоялась их последняя встреча.

Работа на Гипербазе возобновилась. Грузовой космолет с шестьюдесятью двумя нормальными НС-2 продолжал свой прерванный путь, имея официальное объяснение двухнедельной задержки.

Правительственный корабль готовился доставить обоих роботехников обратно на Землю.

Кэллнер снова был в своей парадной форме. Его перчатки блистали белизной, когда он пожимал руки.

Кэлвин сказала:

– Остальных модифицированных Несторов, конечно, нужно уничтожить.

– Они будут уничтожены. Мы попробуем заменить их обычными роботами или, в крайнем случае, обойдемся без них.

– Хорошо.

– Но скажите мне... Вы ничего не объяснили. Как вы это сделали?

Она улыбнулась сжатыми губами.

– Ах, это... Я бы сказала вам заранее, если бы была более уверена, что это удастся. Видите ли, Нестор-10 обладал комплексом превосходства, который все усиливался. Ему было приятно думать, что он и другие роботы знают больше, чем люди. Для него становилось очень важно так думать. Мы знали это. Поэтому мы заранее предупредили каждого робота, что гамма-лучи для него смертельна и что они будут отделять их от меня. Все, естественно, остались на месте. Пользуясь доводами Нестора для предыдущего опыта, они все решили, что нет смысла пытаться спасти человека, если они наверняка погибнут, не успев это совершить.

– Да, доктор Кэлвин, это я понимаю. Но почему сам Нестор-10 покинул свое место?

– А! Мы с вашим молодым мистером Блэком приготовили небольшой сюрприз. Видите ли, пространство между мной и роботами было залито не гамма-лучами, а инфракрасными. Обычным тепловым излучением, абсолютно безобидным. Нестор-10 знал это и ринулся вперед. Он ожидал, что и остальные поступят так же под действием Первого Закона. Только через какую-то долю секунды он вспомнил, что обычный НС-2 способен обнаружить наличие излучения, но не его характер. Что среди них только он один может определять длину волны благодаря обучению, которое он прошел на Гипербазе под руководством обыкновенных людей. Эта мысль не сразу пришла ему в голову, потому что была слишком унижительной для него. Обычные роботы знали, что пространство, отделявшее их от меня, губительно для них, потому что мы им это сказали, и только

Нестор-10 знал, что мы лгали. И на какое то мгновение он забыл или просто не захотел вспомнить, что другие роботы могут знать меньше, чем люди... Комплекс превосходства погубил его. Прощайте, генерал!

Я покончил со своим обедом и глядел на нее сквозь дым сигареты

– А когда был создан мир, который кажется золотым веком по сравнению с предыдущим столетием, – этому тоже способствовали наши роботы.

– Мыслящие Машины?

– Да, и Мыслящие Машины, но я имела в виду не их. Скорее человека. Он умер в прошлом году. – В ее голосе неожиданно прозвучала глубокая печаль. – Или, по крайней мере, он счел нужным умереть, зная, что мы больше в нем не нуждаемся. Это Стивен Байерли.

– Да, я догадался, что вы говорите именно о нем.

– Впервые он вышел на политическую арену в 2032 году. Вы тогда были еще мальчишкой и не можете помнить, при каких странных обстоятельствах это произошло. Когда он баллотировался в мэры, эта избирательная кампания определенно была одной из самых необычных в истории...

Улики

Фрэнсис Куинн был политиком новой школы. Конечно, в этом выражении, как и во всех ему подобных, нет никакого смысла.

Большинство «новых школ», которые мы видим, были известны в общественной жизни Древней Греции, а может быть, и в общественной жизни древнего Шумера и доисторических свайных поселений Швейцарии, если бы мы только лучше ее знали.

Однако чтобы покончить со вступлением, которое обещает быть скучным и сложным, лучше всего поскорее отметить, что Куинн не баллотировался на выборные должности, не охотился за голосами, не произносил речей и не подделывал избирательных бюллетеней. Точно так же, как Наполеон сам не стрелял из пушки во время битвы при Аустерлице.

И так как политика сводит самых разных людей, то однажды напротив Куинна за столом оказался Альфред Лэнвинг. Его густые седые брови низко нависли над глазами, выражавшими острое раздражение. Он был недоволен.

Это обстоятельство, будь оно известно Куинну, нимало его не беспокоило бы. Его голос был дружелюбным – может быть, это дружелюбие было профессиональным.

– Я полагаю, доктор Лэннинг, что вы знаете Стивена Байерли?

– Я, конечно, слышал о нем... Так же, как и многие другие.

– Я тоже. Может быть, вы намереваетесь голосовать за него на следующих выборах?

– Не могу сказать. – В голосе Лэннинга появились заметные нотки ехидства. – Я не интересовался политикой и не знал, что он выставил свою кандидатуру.

– Он вскоре может стать нашим мэром. Конечно, пока он всего лишь юрист, но ведь большие деревья вырастают из...

– Да, да, – прервал Лэннинг, – я это слышал раньше. Но не перейти ли нам к сути дела?

– А мы уже к ней перешли, доктор Лэннинг. – Голос Куинна был необыкновенно кротким. – Я заинтересован в том, чтобы мистер Байерли не поднялся выше поста окружного прокурора, а вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь.

– Я заинтересован?! В самом деле? – Брови Лэннинга еще больше насупились.

– Ну, скажем, не вы, а «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн». Я пришел к вам как к ее бывшему научному руководителю, так как знаю, что руководство корпорации все еще с уважением прислушивается к вашим советам. Тем не менее вы уже не так тесно связаны с ними и обладаете значительной свободой действий, даже если эти действия будут не совсем дозволенными.

Доктор Лэннинг на некоторое время погрузился в размышления. Потом он сказал, уже мягче:

– Я совсем не понимаю вас, мистер Куинн.

– Это не удивительно, доктор Лэннинг. Но все довольно просто. Вы не возражаете?

Куинн закурил тонкую сигарету от простой, но изящной зажигалки, и на его лице с крупными чертами появилось довольное выражение.

– Мы говорили о мистере Байерли – странной и яркой личности. Три года назад о нем никто не знал. Сейчас он широко известен. Это сильный и одаренный человек и, во всяком случае, умнейший и способнейший прокурор из всех, которых я только знал. К несчастью, он не принадлежит к числу моих друзей...

– Понимаю, – механически сказал Лэннинг, разглядывая свои ногти.

– В прошлом году, – спокойно продолжал Куинн, – я имел случай изучить мистера Байерли – и очень подробно. Видите ли, всегда полезно подвергнуть прошлое политика, ратующего за реформы, подробному изучению. Если бы вы знали, как часто это помогает.

Он сделал паузу и невесело усмехнулся, глядя на рдеющий кончик сигареты.

– Но прошлое мистера Байерли ничем не замечательно. Спокойная жизнь в маленьком городке, окончание колледжа, рано умершая жена, автомобильная катастрофа и долгая болезнь, юридическое образование, переезд в столицу, прокурор...

Фрэнсис Куинн медленно покачал головой и прибавил:

– А вот его теперешняя жизнь весьма примечательна. Наш окружной прокурор никогда не ест!

Лэннинг резко поднял голову, его глаза стали неожиданно внимательными:

– Простите?

– Наш окружной прокурор никогда не ест! – повторил отдельно Куинн. – Говоря немного точнее, никто ни разу не видел, чтобы он ел или пил. Ни разу! Вы понимаете, что это значит? Не изредка, а ни разу!

– Я нахожу, что это совершенно невероятно. Заслуживают ли доверия ваши информаторы?

– Им можно верить, и я не нахожу это невероятным. Далее, никто не видел, чтобы наш окружной прокурор пил – ни воду, ни алкогольные напитки – или спал. Есть и другие факторы, но мне кажется, что я уже ясно высказал свою мысль.

Лэннинг откинулся в кресле. Некоторое время длился молчаливый поединок. Наконец старый роботехник покачал головой.

– Нет. Если сопоставить ваши слова с тем фактом, что вы говорите их мне, то из них может следовать только один вывод. Но это невозможно.

– Но ведь он совершенно не похож на человека, доктор Лэннинг!

– Если бы вы сказали мне, что он – переодетый сатана, я бы еще, возможно, вам и поверил.

– Я говорю вам, что это робот, доктор Лэннинг.

– А я говорю, что ничего более невероятного я еще не слышал, мистер Куинн.

Снова наступило враждебное молчание.

– Тем не менее, – Куинн аккуратно погасил свою сигарету, – вам придется расследовать это невероятное дело, используя все возможности корпорации.

– Я совершенно уверен, что не приму участия в подобном расследовании, мистер Куинн. Неужели вы хотите предложить корпорации вмешаться в местную политику?

– У вас нет выбора. Представьте себе, что мне придется опубликовать эти факты, не имея доказательств. Улики слишком косвенны.

– Это ваше дело.

– Но я этого не хочу. Прямое доказательство было бы гораздо лучше. И вы этого не хотите, потому что такого рода реклама может принести немалый вред вашей компании. Я полагаю, что вам прекрасно известны законы, строго запрещающие использование роботов в населенных мирах.

– Конечно! – последовал резкий ответ.

– Вы знаете, что «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» – единственное предприятие в Солнечной системе, производящее позитронных роботов. А если Байерли робот, то он – позитронный робот. Вам известно также, что все позитронные роботы предоставляются в аренду, а не продаются; корпорация остается владельцем каждого робота и, следовательно, несет ответственность за его действия.

– Мистер Куинн, легче всего доказать, что корпорация никогда не выпускала человекоподобного робота.

– А вообще это возможно? Просто как предположение?

– Да. Это возможно.

– Очевидно, это возможно сделать и тайно? Без регистрации в ваших книгах?

– Только не с позитронным мозгом. Здесь сплетается слишком много разных факторов. И все делается под строжайшим правительственным контролем.

– Да, но роботы изнашиваются, ломаются, выходят из строя – и демонтируются.

– А позитронные мозги снова используются или уничтожаются.

– В самом деле? – Фрэнсис Куинн позволил себе едва заметный сарказм. – А если один из них, конечно случайно, не был уничтожен и случайно под рукой оказался человекоподобный робот, в который еще не был вложен мозг?

– Невозможно!

– Вам пришлось бы доказывать это правительству и народу, так почему бы не доказать это сейчас мне?

– Но зачем это могло бы нам понадобиться? – раздраженно спросил доктор Лэннинг. – Какие у нас могли быть мотивы? Признайте за нами хоть немного здравого смысла!

– Пожалуйста, дорогой мой. Корпорация была бы очень рада, если бы в различных странах было разрешено применять человекоподобных позитронных роботов. Это принесло бы огромные прибыли. Но публика слишком сильно предубеждена против этого. Что если дать ей сначала привыкнуть к таким роботам? Вот, например, искусный юрист или хороший мэр, и он, оказывается, робот. Покупайте нашего робота-слугу!

– Полная фантастика, доходящая до нелепости.

– Возможно. Почему бы вам не доказать это? Или вы все еще предпочитаете доказывать это публике?

В комнате уже наступали сумерки. Но еще не настолько стемнело, чтобы на лице Альфреда Лэннинга нельзя было заметить краску смущения. Рука роботехника потянулась к выключателю, и на стенах мягким светом загорелись лампы.

– Ладно, – проворчал он. – Посмотрим.

Лицо Стивена Байерли было бы нелегко описать. По документам ему было сорок лет. И с виду ему можно было дать сорок лет. Но его здоровая, упитанная, добродушная внешность лишала всякого смысла избитую фразу о том, что его наружность соответствовал возрасту.

Это было особенно заметно, когда он смеялся. А сейчас он как раз смеялся – громко и долго, временами успокаиваясь, а потом снова разражаясь хохотом.

А напряженное лицо Альфреда Лэннинга выражало крайнее неудовольствие. Он обернулся к женщине, сидевшей рядом с ним, но ее тонкие, бескровные губы были лишь едва заметно сжаты.

Наконец Байерли более или менее отдышался и пришел в себя.

– Нет, в самом деле, доктор Лэннинг!.. Я!.. Я – робот!..

– Это не я сказал, – отрезал Лэннинг. – Я был бы вполне удовлетворен, если бы мог видеть в вас представителя человеческого рода. И так как наша корпорация не изготавлила вас, то я вполне уверен, что вы человек – с точки зрения закона, во всяком случае. Но поскольку предположение, что вы – робот, было сделано серьезно лицом, занимающим определенное положение...

– Не называйте его имени, если это идет вразрез с вашей железной этикой, но будем звать его ради простоты Фрэнком Куинном. Продолжайте.

Лэннинг яростно фыркнул, недовольный тем, что его прервали, и, после подчеркнутой паузы, продолжал еще более ледяным голосом:

– ...лицом, занимающим определенное положение, – о его имени мы сейчас гадать не будем, – я вынужден просить вашей помощи, чтобы опровергнуть это. Сам факт, что такое предположение может быть выдвинуто и опубликовано при помощи средств, имеющихся в распоряжении этого человека, мог бы нанести большой ущерб компании, которую я представляю, даже если обвинение и не будет доказано. Вы понимаете?

– Да, ваше положение мне ясно. Само обвинение нелепо, но неприятности, грозящие вам, серьезны. Извините, если мой смех обидел вас. Меня рассмешило обвинение, а не ваши трудности. Чем я могу вам помочь?

– Это очень просто. Вам нужно просто зайти пообедать в ресторан в присутствии свидетелей и дать себя сфотографировать за едой.

Лэннинг откинулся в кресле. Самая трудная часть разговора была позади. Женщина рядом с ним была, очевидно, поглощена наблюдением за Байерли и не принимала участия в разговоре.

Стивен Байерли на мгновение встретился с ней глазами, с трудом отвел их и снова повернулся к роботехнику. Некоторое время он задумчиво вертел в руках бронзовое пресс-папье, которое было единственным украшением его стола.

Потом он тихо сказал:

– Боюсь, что я не смогу оказать вам эту услугу. – Он поднял руку. – Подождите минутку, доктор Лэннинг. Я понимаю, что вся эта история вам противна, что вас втянули в нее против вашего желания и вы чувствуете, что играете недостойную и даже смешную роль. Но все-таки это в гораздо большей степени касается меня, так что будьте снисходительны. Во-первых, почему вы думаете, что Куинн – ну, этот человек, занимающий определенное положение, – не водит вас за нос, чтобы вы поступали именно так, как ему нужно?

– Ну, вряд ли уважаемое лицо пойдет на такой риск, если оно не чувствует твердой почвы под ногами.

Глаза Байерли были серьезными.

– Вы не знаете Куинна. Он способен удержаться на таком крутом склоне, где и горный баран свернул бы себе шею. Я полагаю, он осведомил вас о подробностях того расследования, которому он якобы подвергал мое прошлое?

– В достаточной степени, чтобы убедить меня, что нашей корпорации стоило бы многих хлопот опровергнуть его, в то время как вам это было бы гораздо легче.

– Значит, вы поверили, что я никогда не ем. Вы же ученый, доктор Лэннинг! Подумайте только, где здесь логика? Никто не видел, чтобы я ел, следовательно, я никогда не ем. Что и требовалось доказать. Ну, знаете ли...

– Вы пользуетесь приемами прокурора, чтобы запутать очень простой вопрос.

– Наоборот, я пытаюсь прояснить вопрос, который вы с Куинном очень усложняете. Дело в том, что я мало сплю, это правда, и, конечно, никогда еще не спал при посторонних. Я не люблю есть с другими людьми – это необычно, вероятно, это нервное, но это не причиняет никому вреда. Послушайте, доктор Лэннинг. Представьте, что политик, стремящийся во что бы то ни стало устранить своего противника, наталкивается на такие странности в его частной жизни, о которых я говорил. И вот он находит самое лучшее средство, чтобы как можно эффективнее очернить этого противника, и это средство – ваша кампания. Как вы думаете, скажет ли он вам: «Такой-то – робот, потому что он не ест на людях, и я никогда не видел, чтобы он засыпал на заседании суда, а однажды, когда я ночью заглянул к нему в окно, он сидел с книгой, и в его холодильнике не было продуктов»? Если бы он так вам сказал, вы бы вызвали санитаров со смиренной рубашкой. Но он говорит: «Он никогда не спит, он никогда не ест». Слепленные необычностью этого заявления, вы не видите, что его невозможно

доказать. Вы играете ему на руку, внося свой вклад в шумиху.

– Тем не менее, сэр, – начал Лэннинг с угрожающим упорством, – считаете вы это дело серьезным или не считаете, но чтобы его прекратить, необходим только тот обед, о котором я говорил.

Байерли снова повернулся к женщине, которая все еще внимательно разглядывала его.

– Извините, я правильно уловил ваше имя? Доктор Сьюзен Кэлвин?

– Да, мистер Байерли.

– Вы психолог «Ю. С. Роботс»?

– Простите, робопсихолог.

– А разве психология роботов так отличается от человеческой?

– Огромная разница. – Она позволила себе холодно улыбнуться, – Прежде всего, роботы глубоко порядочны.

Уголки рта юриста дрогнули в улыбке.

– Ну, это тяжелый удар. Но я хотел сказать вот что. Раз вы психо... робопсихолог, да еще женщина, вы, наверное, сделали кое-что, о чем доктор Лэннинг не подумал.

– Что именно?

– Вы захватили с собой в сумочке какую-нибудь еду.

Что-то дрогнуло в привычно равнодушных глазах Сьюзен Кэлвин. Она сказала:

– Вы удивляете меня, мистер Байерли...

Открыв сумочку, она достала яблоко и спокойно протянула ему. Доктор Лэннинг, затаив волнение, напряженно следил, как оно перешло из одной руки в другую.

Стивен Байерли спокойно откусил кусок и так же спокойно проглотил его.

– Видели, доктор Лэннинг?

Доктор Лэннинг облегченно вздохнул. Даже его брови какое-то мгновение выражали некоторую доброжелательность. Но это продолжалось лишь одно недолгое мгновение. Сьюзен Кэлвин сказала:

– Мне, естественно, было интересно посмотреть, съедите ли вы его, но это, конечно, ничего не доказывает.

– Разве? – ухмыльнулся Байерли.

– Конечно. Очевидно, доктор Лэннинг, если бы этот человек был человекоподобным роботом, имитация была бы полной. Он слишком похож на человека. В конце концов, мы всю жизнь видим людей, и нас нельзя было бы обмануть чем-нибудь приблизительно похожим. Он должен быть совершенно похож. Обратите внимание на текстуру кожи, на цвет радужных оболочек, на конструкцию кистей рук. Если это робот, то жаль, что не «Ю. С. Роботс» изготовила его, потому что он прекрасно сработан. И разве тот, кто позаботился о таких мелочах, не сообразил бы добавить несколько устройств для еды, сна, выделения? Может быть, только на крайний случай: например, чтобы предотвратить такое положение, которое создалось сейчас. Так что обед ничего не докажет.

– Погодите, – возразил Лэннинг, – я не такой уж дурак, каким вы оба пытаетесь меня изобразить. Мне не важно, человек мистер Байерли или нет. Мне нужно выручить из беды нашу корпорацию. Публичный обед покончит с этим делом навсегда, что бы там ни делал Куинн. А тонкости можно оставить юристам и робопсихологам.

– Но, доктор Лэннинг, – сказал Байерли, – вы забываете о политике, которая замешана в этом деле. Я так же стремлюсь быть избранным, как Куинн – воспрепятствовать этому. Кстати, вы заметили, что назвали его имя? Это мой старый профессиональный трюк. Я знал, что вы его назовете.

Лэннинг покраснел.

– При чем здесь выборы?

– Скандал, сэр, – это палка о двух концах. Если Куинн хочет объявить меня роботом и осмелится сделать это, у меня хватит мужества принять вызов.

– Вы хотите сказать, что... – Лэннинг не скрывал испуга.

– Вот именно Я хочу сказать, что позволю ему действовать – выбрать себе веревку, попробовать ее прочность, отрезать нужный кусок, завязать петлю, сунуть туда голову и оскалить зубы. А все остальные мелочи я сделаю сам.

– Вы очень уверены в себе.

Сьюзен Кэлвин поднялась.

– Пойдемте, Альфред. Мы не переубедим его.

– Вот видите, – Байерли улыбнулся, – вы и в человеческой психологии разбираетесь.

Но вечером, когда Байерли поставил свой автомобиль на транспортер, ведущий в подземный гараж, и подошел к двери своего дома, в нем, казалось, не было той уверенности в себе, которую невольно отметил доктор Лэннинг. Когда он вошел, человек, сидевший в инвалидном кресле на колесах, с улыбкой повернулся к нему. Лицо Байерли засветилось любовью. Он подошел к креслу.

Хриплый, скрежещающий шепот калеки вырвался из перекошенного вечной гримасой рта, который зиял на лице, наполовину скрытом шрамами и рубцами.

– Ты сегодня поздно, Стив.

– Знаю, Джон, знаю. Но я сегодня столкнулся с одной необычной и интересной трудностью.

– Да? – Ни изуродованное лицо, ни еле слышный голос ничего не выражали, но в ясных глазах была видна тревога. – Ты не можешь с ней справиться?

– Я еще не уверен. Может быть, мне понадобится твоя помощь. Главный-то умница у нас – ты. Хочешь, я отнесу тебя в сад? Прекрасный вечер.

Его могучие руки подняли Джона с кресла. Они мягко, почти нежно обхватили плечи и забинтованные ноги калеки. Осторожно, медленно Байерли прошел через комнаты, спустился по пологому скату, специально приспособленному для инвалидного кресла, и через заднюю дверь вышел в сад, окруженный стеной с колючей проволокой по гребню.

– Почему ты не даешь мне ездить в кресле, Стив? Это глупо.

– Потому что мне нравится тебя носить Ты против? Ведь ты и сам рад на время вылезти из этой механизированной телеги. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Он с бесконечной заботой опустил Джона на прохладную траву.

– А как я могу себя чувствовать? Но расскажи о своих трудностях.

– Тактика Куинна в избирательной кампании будет основана на том, что он объявит меня роботом.

Джон широко раскрыл глаза.

– Откуда ты знаешь? Это невозможно. Я не верю.

– Ну, я же тебе говорю. Сегодня он прислал ко мне ученых заправил из «Ю. С. Роботс».

Руки Джона медленно обрывали одну травинку за другой.

– Ясно. Ясно.

Байерли сказал:

– Но мы можем предоставить ему выбрать оружие. У меня есть идея. Послушай и скажи, не можем ли мы сделать вот как...

В этот же вечер в конторе Альфреда Лэннинга разыгралась немая сцена. Фрэнсис Куинн задумчиво разглядывал Альфреда Лэннинга, тот яростно уставился на Сьюзен Кэлвин, а она, в свою очередь, бесстрастно глядела на Куинна.

Фрэнсис Куинн прервал молчание, сделав неуклюжую попытку разрядить атмосферу.

– Блеф! Он на ходу все это придумал.

– И вы готовы сделать ставку на это, мистер Куинн? – безразлично спросила

доктор Кэлвин.

– Ну в конце концов эта ваша ставка.

– Послушайте, – громкие слова доктора Лэннинга скрывали явный пессимизм, – мы сделали то, о чем вы просили. Мы видели, как этот человек ест. Смешно предполагать, что он робот.

– И вы так думаете? – Куинн повернулся к Кэлвин. – Лэннинг говорил, что вы специалист, Лэннинг заговорил почти угрожающе:

– Слушайте, Сьюзен...

Куинн вежливо прервал его:

– Позвольте, а почему бы ей и не высказаться. Она здесь сидит и молчит уже полчаса.

Лэннинг почувствовал себя совершенно измученным. Ему уже казалось, что от помешательства его отделяет всего один шаг.

– Ладно, говорите, Сьюзен. Мы не будем вас прерывать.

Сьюзен Кэлвин серьезно посмотрела на него, потом перевела холодный взгляд на мистера Куинна.

– Есть только два способа определенно доказать, что Байерли – робот. До сих пор вы предъявляете косвенные улики, которые позволяют выдвинуть обвинение, но не доказать его. А я думаю, что мистер Байерли достаточно умен, чтобы отбить такое нападение. Вероятно, и вы так думаете, иначе бы вы не пришли к нам. Доказать же можно двумя способами физическим и психологическим. Физически вы можете вскрыть его или же использовать рентген. Каким образом – дело ваше. Психологически можно изучить его поведение. Если это позитронный робот, он должен подчиняться Трем Законам роботехники. Позитронный мозг не может быть построен иначе. Вы знаете эти Законы, мистер Куинн?

Она медленно и отчетливо прочла на память, слово в слово, знаменитые Законы, которые напечатаны крупным шрифтом на первой странице «Руководства по роботехнике».

– Я слышал о них, – сказал Куинн небрежно.

– Тогда вы легко поймете меня, – сухо ответила робопсихолог. – Если мистер Байерли нарушит хоть один из этих Законов – он не робот. К несчастью, только в этом случае мы получаем определенный ответ. Если же он выполняет Законы, то это ничего не доказывает.

Куинн вежливо поднял брови:

– Почему, доктор?

– Потому, что, если хорошенько подумать, Три Закона роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле. Конечно, каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий Закон. Каждый «порядочный» человек, чувствующий свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего хозяина, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля; он исполняет Законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств иди подвергают опасности. А у роботов это – Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый «хороший» человек должен любить своих ближних, как себя самого, защищать своих товарищей, рисковать своей жизнью ради других. Это у робота – Первый Закон. Попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы роботехники, он – или робот, или очень хороший человек.

– Значит, – произнес Куинн, – вы никогда не сможете доказать, что он робот?

– Я, возможно, смогу доказать, что он не робот.

– Это не то, что мне нужно.

– Вам придется удовлетвориться тем, что есть. А что вам нужно, это ваше дело.

В этот момент Лэннингу пришла в голову неожиданная идея. Он с трудом выговорил:

– Пойдите! А не приходило вам в голову, что должность прокурора – довольно

странное занятие для робота? Судебное преследование людей, смертные приговоры – огромный вред, причиняемый людям...

– Нет, вы так не вывернетесь, – заявил Куинн. – То, что он окружной прокурор, еще не означает, что он человек. Разве вы не знаете его биографии? Да он хвастает тем, что ни разу не возбуждал дела против невиновного; что десятки людей остались на свободе только потому, что улики против них его не удовлетворяли, хотя он и мог бы, вероятно, уговорить присяжных казнить их! И так оно и есть.

Худые щеки Лэннинга дрогнули:

– Нет, Куинн, нет! В Законах роботехники ничего не говорится о виновности человека. Робот не может решать, заслуживает ли человек смерти. Не ему об этом судить. Он не может причинить вред ни одному человеку – будь то негодяй или ангел.

– Альфред, – в голосе Сьюзен Кэлвин прозвучала усталость, – не говорите глупостей. Что, если робот увидит маньяка, собирающегося поджечь дом с людьми? Он остановит его или нет?

– Конечно.

– А если единственным способом остановить его будет убийство?

Лэннинг издал какой-то неопределенный звук и промолчал.

– В таком случае, Альфред, он сделает все, чтобы не убивать его. Если бы маньяк все-таки умер, робот нуждался бы в психотерапии. Иначе он сам мог бы сойти с ума, поставленный перед таким противоречием – нарушить букву Первого Закона, чтобы быть верным его духу. Но человек был бы все-таки убит, и его убил бы робот.

– Что же, Байерли, по-вашему, должен быть сумасшедшим? – осведомился Лэннинг, вложив в эти слова весь сарказм, на который он был способен.

– Нет, но он сам не убил никого. Он лишь вскрывает факты, свидетельствующие о том, что данный человек опасен для множества остальных людей, которых мы называем обществом. Он встает на защиту большинства и таким путем исполняет Первый Закон наилучшим образом. Дальше этого он не идет. Потом уже судья приговаривает преступника к смерти или тюрьме, если присяжные признают его виновным. Казнит преступника палач, стережет его тюремщик. А мистер Байерли всего лишь выявляет истину и помогает обществу. После того, как вы, мистер Куинн, обратились к нам, я действительно познакомилась с карьерой мистера Байерли. Я узнала, что в своем заключительном слове он никогда не требует смертного приговора. Я узнала также, что он высказывался за отмену смертной казни и щедро финансирует исследования в области судебной нейрофизиологии. Он, очевидно, верит в то, что преступников следует лечить, а не наказывать. Я считаю, что это о многом говорит.

– Да? – Куинн улыбнулся. – А не пахнет ли здесь роботом?

– Возможно. Кто это отрицает? Такие действия свойственны только роботу или же очень благородному и хорошему человеку. Вы видите, что просто невозможно провести границу между поведением роботов и лучших из людей?

Куинн откинулся в кресле. Его голос дрожал от нетерпения.

– Доктор Лэннинг, возможно ли создать человекоподобного робота, который внешне ничем не отличался бы от человека?

– В виде опыта это делалось на «Ю. С. Роботс», конечно, без позитронного мозга. Если использовать человеческие яйцеклетки и гормональную регуляцию, можно нарастить человеческую плоть и кожу на остов из пористого силиконового пластика, который нельзя будет обнаружить при внешнем обследовании. Глаза, волосы, кожа могут быть на самом деле человеческими, а не человекоподобными. И если к этому добавить позитронный мозг и любые внутренние устройства, какие вы только пожелаете, у вас получится человеке подобный робот.

– Сколько времени нужно для этого? – коротко спросил Куинн.

Лэннинг подумал:

– Если у вас все под рукой – мозг, остов, яйцеклетки, нужные гормоны, оборудование для облучения – скажем, два месяца.

Куинн выпрямился.

– Тогда мы посмотрим, на что похож мистер Байерли изнутри. Это принесет «Ю. С. Роботс» плохую славу, но вы имели возможность это предотвратить.

Когда они остались одни, Лэннинг нетерпеливо повернулся к Сьюзен Кэлвин:

– Почему вы настаиваете...

Не скрывая своих чувств, она резко возразила:

– Что вам нужно: истина или моя отставка? Я не собираюсь лгать ради вас. «Ю. С. Роботс» может постоять за себя. Не будьте трусом.

– А что, если он вскрыет Байерли, и выпадут шкивы и шестерни? Что тогда?

– Он не вскрыет Байерли, – произнесла Кэлвин презрительно. – Байерли не глупее Куинна. По меньшей мере не глупее.

Новость облетела весь город за неделю до того, как Байерли должны были выдвинуть кандидатом в мэры. Облетела – это, пожалуй, не то слово. Она неверными шагами разбрелась по нему. Сначала она вызвала смех и шутки. Но по мере того, как невидимая рука Куинна не спеша усиливала нажим, смех стал звучать уже не так весело, появилась неуверенность, и люди начали задумываться.

На предвыборном собрании царило смятение. Еще неделю назад никакой борьбы на нем не ожидалось – могла быть выдвинута кандидатура лишь одного Байерли. И сейчас его было нечем заменить. Пришлось выдвинуть его. Но это привело всех в полную растерянность.

Все было бы не так плохо, если бы рядовых избирателей не мучили сомнения. Всех поражала серьезность обвинения – если оно было правдой, или крайнее безрассудство обвинителей – если обвинение было ложным.

На следующий день после того, как собрание без особого энтузиазма проголосовало за кандидатуру Байерли, в газете появилось изложение длинной беседы с доктором Сьюзен Кэлвин – «мировой величиной в робопсихологии и позитронике».

И после этого разразилось такое, что можно было бы точно и лаконично охарактеризовать словами «черт знает что».

Только этого и ждали «фундаменталисты». Это не было названием какой-то политической партии или религии. Так называли просто людей, которые не смогли приспособиться к жизни в «атомном веке», прозванном так, когда атомы были еще в новинку. По сути дела, это были сторонники опрощения, тосковавшие по жизни, которая, вероятно, не казалась такой уж простой тем, кто испытал ее на себе.

Фундаменталисты не нуждались в новых поводах для своей ненависти к роботам и к тем, кто их производил. Но обвинений Куинна и рассуждений Кэлвин было достаточно, чтобы придать вес их доводам.

Огромные заводы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» напоминали улы, кишевшие вооруженной охраной. Здесь готовились к отпору.

Городской дом Стивена Байерли оцепили полицейские.

Все остальные стороны предвыборной кампании, конечно, были забыты. Да и предвыборной кампанией все, что происходило, можно было назвать лишь потому, что оно заполняло промежуток между выдвижением кандидатур и днем выборов.

Появление суетливого маленького человечка не смутило Стивена Байерли. На него, очевидно, не произвели никакого впечатления и маячившие на заднем плане форменные мундиры. На улице, за угрюмой цепью полицейских, ждали верные традициям своего ремесла репортеры и фотографы. Одна предприимчивая телевизионная компания установила камеру против крыльца скромного жилища прокурора, и диктор с деланным возбуждением заполнял

паузы подробнейшими комментариями.

Суетливый маленький человечек вышел вперед. Он держал в руках длинную хитроумную официальную бумагу.

– Мистер Байерли, вот постановление суда, которое уполномочивает меня обыскать это помещение на предмет незаконного присутствия... гм... механических людей или роботов любого типа...

Байерли приподнялся и взял бумагу. Он бросил на нее равнодушный взгляд и, улыбаясь, протянул ее обратно:

– Все в порядке. Валяйте. Делайте ваше дело. Миссис Хоппер, – крикнул он своей экономке, которая неохотно вышла из комнаты, – пожалуйста, пройдите с ними и помогите, если сможете.

Маленький человечек, которого звали Херроуэй, заколебался, заметно покраснел, тщетно попытался перехватить взгляд Байерли и пробормотал, обращаясь к двум полицейским:

– Пошли.

Через десять минут они вернулись.

– Все? – спросил Байерли безразличным тоном человека, не очень заинтересованного ответом.

Херроуэй прокашлялся, начал срывающимся голосом, остановился и сердито начал снова:

– Послушайте, мистер Байерли. Мы получили инструкцию тщательно обыскать дом.

– Разве вы этого не сделали?

– Нам точно сказали, что мы должны искать.

– Да?

– Короче, мистер Байерли, будем называть вещи своими именами. Нам ведено обыскать вас.

– Меня? – произнес прокурор, расплываясь в улыбке. – А как вы предполагаете это сделать?

– У нас есть с собой флюорограф...

– Значит, вы хотите сделать мой рентгеновский снимок? А вы имеете на это право?

– Вы видели постановление.

– Можно еще раз посмотреть?

Херроуэй, на лице которого сияло нечто большее, чем простое усердие, снова протянул бумагу. Байерли спокойно произнес:

– Я сейчас прочитаю, что вы должны обыскать: «домовладение, принадлежащее Стивену Аллену Байерли, по адресу 355, Уиллоугров, Свенстрон, а также гаражи, кладовые и любые другие здания или строения, относящиеся к этому домовладению, а также все земельные участки, к нему принадлежащие»... хм... и так далее. Все верно. Но, дорогой мой, здесь ничего не говорится о том, чтобы обыскивать мои внутренности. Я не являюсь частью домовладения. Если вы думаете, что я спрятал робота в кармане, можете обыскать мою одежду.

У Херроуэя не было сомнений относительно того, кому он обязан своей должностью. И он не собирался отступать, получив возможность выдвинуться на лучшую, то есть лучше оплачиваемую. Он произнес со слабым оттенком вызова:

– Послушайте. Я имею разрешение осмотреть всю обстановку вашего дома и все, что я в нем найду. Но ведь вы находитесь в доме, верно?

– Удивительно верное замечание. Да, я в нем нахожусь. Но я – не обстановка. Я совершеннолетний, правомочный гражданин – у меня есть свидетельство о психической вменяемости, и я имею определенные законные права. Если вы обыщите меня, это можно будет квалифицировать как посягательство на мою личную неприкосновенность. Этой бумаги недостаточно.

– Конечно, но если вы робот, то о личной неприкосновенности говорить не приходится...

– Тоже верно. Тем не менее этой бумаги недостаточно. В ней подразумевается,

что я человек.

– Где? – Херроуэй схватил бумагу.

– А там, где говорится: «домовладение, принадлежащее» и так далее. Робот не может владеть собственностью. И вы, мистер Херроуэй, можете сказать вашему хозяину, что если он попытается получить подобную бумагу, где не будет подразумеваться, что я человек, то я немедленно возбужу против него гражданский иск и потребую, чтобы он доказал, что я робот, на основе имеющейся у него сейчас информации. И если это ему не удастся, он заплатит солидный штраф за попытку незаконно лишить меня моих прав, предусмотренных законом. Вы передадите ему все это?

Подойдя к двери, Херроуэй обернулся:

– Вы ловкий юрист...

Держа руку в кармане, он на секунду задержался в дверях. Потом вышел из дома, улыбнулся в сторону телекамеры, все еще продолжая играть свою роль, помахал рукой репортерам и крикнул:

– Завтра для вас, ребята, кое-что будет. Кроме шуток.

Сев в машину, Херроуэй откинулся на подушки, вынул из кармана маленький механизм и осмотрел его. Ему еще ни разу не приходилось делать снимок в отраженных рентгеновских лучах. Он надеялся, что все было сделано правильно.

Куинн и Байерли еще не встречались наедине лицом к лицу. Но визифон почти заменял такую встречу. Это была в буквальном смысле встреча лицом к лицу, хотя для каждого из них лицо другого представлялось лишь в виде черно-белого рисунка фотоэлементов.

Разговор устроил Куинн. Куинн его и начал, и без особых церемоний:

– Вам, наверное, будет интересно знать, Байерли, что я собираюсь опубликовать сообщение о том, что вы носите на себе непрозрачный для рентгеновских лучей экран.

– В самом деле? В таком случае вы, вероятно, уже его опубликовали. Боюсь, что наши предприимчивые представители прессы уже довольно давно подслушивают все мои телефонные разговоры из конторы, вот почему я и сижу последние недели дома.

Байерли говорил дружелюбно. Можно было подумать, что он болтает с приятелем. Губы Куинна слегка сжались.

– Этот разговор защищен от подслушивания. Я устроил его с некоторым риском для себя.

– Ну конечно. Никто не знает, что вы стоите за этой кампанией. По крайней мере, этого никто не знает официально. Неофициально это знают все. Я бы на вашем месте об этом не беспокоился. Значится ношу защитный экран? Я полагаю, вы обнаружили это, когда рентгенограмма, сделанная вчера вашим подставным лицом, оказалась передержанной?

– Вы понимаете, Байерли, для всех будет вполне очевидно, что вы боитесь рентгеновского просвечивания?

– А также станет ясно и то, что вы или ваши люди незаконно посягнули на мои права?

– Им наплевать на это.

– Может быть. Это, пожалуй, характеризует вашу и мою, тактику, правда? Вам нет дела до прав гражданина. А я о них не забываю. Я не дам себя просвечивать, потому что настаиваю на своих правах из принципа. Так же, как я буду настаивать на правах остальных, когда меня изберут.

– Несомненно, из этого выйдет очень интересная предвыборная речь. Но вам никто не поверит. Слишком высокопарно. Вот еще что, – его голос внезапно стал жестким, – вчера у вас дома находились не все, кто там живет.

– Это почему?

– Ко мне поступили сведения. – Куинн зашелестел разложенными перед ним бумагами, которые были видны в визифон, – что одного человека все же не хватало. Калеки.

– Совершенно верно, – произнес Байерли без всякого выражения, – калеки. Моего старого учителя, который живет со мной и который сейчас находится за городом – и находится там уже два месяца. В таких случаях говорят «заслуженный отдых». Вы не возражаете против этого?

– Ваш учитель? Какой-нибудь ученый?

– Когда-то он был юристом – прежде чем стал калекой. У него есть официальное разрешение заниматься биофизическими исследованиями и иметь собственную лабораторию, и полное описание его работ сообщено соответствующим органам, куда вы можете обратиться. Большого значения его работы не имеют, но они безобидны, и развлекают... бедного калеку. А я помогаю ему, насколько могу.

– Ясно. А что этот... учитель... знает о производстве роботов?

– Я не могу судить о его познаниях в области, с которой я не знаком.

– Он имеет доступ к позитронным мозгам?

– Спросите об этом ваших друзей из «Ю. С. Роботс». Им лучше знать.

– Я буду краток, Байерли. Ваш калека-учитель и есть настоящий Стивен Байерли. Вы – созданный им робот. Мы можем это доказать. Это он попал в автомобильную катастрофу, а не вы. Это можно проверить.

– В самом деле? Пожалуйста, проверяйте. Желаю всего наилучшего.

– И мы можем обыскать эту дачу. Посмотрим, что мы там найдем.

– Ну, как сказать, Куинн. – Байерли широко улыбнулся. – На наше несчастье, мой так называемый учитель серьезно болен. Дача для него как бы санаторий, где он отдыхает. Его право на личную неприкосновенность при этих обстоятельствах еще прочнее. Вы не сможете получить разрешения на обыск, если не предъявите достаточных оснований. Тем не менее я не буду вас от этого удерживать.

Наступила небольшая пауза. Куинн наклонился вперед, так что его лицо заняло весь экран и стали видны тонкие морщины на его лбу.

– Байерли, зачем вы упираетесь? Вас все равно не выберут.

– Разве?

– Неужели вы этого не понимаете? Или, по-вашему, отказ опровергнуть обвинение, что вам было бы очень легко сделать, нарушив один из Законов роботехники, не убеждает людей, что вы в самом деле робот?

– Все, что я понимаю, – это то, что из малоизвестного, ничем не примечательного юриста я стал фигурой мирового значения. Вы умеете делать рекламу.

– Но вы же робот.

– Сказано – не доказано.

Доказательств достаточно, чтобы вас не выбрали.

– Тогда успокойтесь – вы победили.

– До свидания, – сказал Куинн. В его голосе впервые прозвучала злоба. Визифон погас.

– До свидания, – невозмутимо произнес Байерли перед пустым экраном.

...Байерли привез в город своего учителя за неделю до выборов. Вертолет опустился на окраине.

– Ты останешься здесь до конца выборов, – сказал ему Байерли. – Если дело плохо обернется, лучше, чтобы ты был подальше.

В хриплом голосе, вырывавшемся из перекошенного рта Джона, можно было услышать заботу.

– Разве можно опасаться насилия?

– Фундаменталисты грозятся, так что теоретически такая опасность есть. Но я не думаю, что это возможно. У них нет реальной силы. Они просто постоянно вносят смуту, и со временем это может вызвать беспорядки. Ты не возражаешь против того, чтобы оставаться здесь? Ну, пожалуйста! Мне будет не по себе, если придется о тебе беспокоиться.

– Ладно, я останусь. Ты все еще думаешь, что дело пойдет хорошо?

– Я в этом уверен. К тебе никто не приставал?

- Никто. Это точно.
- И ты хорошо сыграл свою роль?
- Достаточно хорошо. Там все будет в порядке.
- Тогда будь осторожнее, Джон, и завтра смотри телевизор.

Байерли пожал корявую руку, лежавшую на его руке.

Хмурое лицо Лентона выражало сильнейшее беспокойство. Он находился в незавидном положении уполномоченного Байерли по проведению избирательной кампании, которая была вообще не похожа на избирательную кампанию: объектом ее был человек, который отказался раскрыть свой план действий и не соглашался следовать указаниям своего уполномоченного.

– Вы не должны! (Это были его любимые слова. В последнее время они стали его единственными словами.) Я говорю вам, Стив, вы не должны!

Он бросился в кресло перед прокурором, который не спеша проглядывал отпечатанный на машинке текст своей речи.

– Бросьте это, Стив! Посмотрите, ведь эту толпу организовали фундаменталисты. Вас слушать не станут. Скорее всего вас закидают камнями. Зачем вам выступать с речью перед публикой? Чем плоха запись на пленку или выступление по телевидению?

– Но ведь вы хотите, чтобы я победил на выборах, не правда ли? – мягко спросил Байерли.

– Победили! Вам не победить, Стив! Я пытаюсь спасти вашу жизнь!

– О, я вне опасности.

– Он вне опасности! Он вне опасности! – Лентон издал какой-то странный звук. – Вы хотите сказать, что собираетесь выйти на балкон перед пятьюдесятью тысячами полоумных идиотов и попытаетесь вбить им что-то в голову с балкона, как средневековый диктатор?

Байерли взглянул на часы.

– Да, и примерно через пять минут, как только телевидение будет готово.

Ответ Лентона был не совсем членораздельным.

Толпа заполняла оцепленную площадь. Казалось, что деревья и дома растут из сплошной людской массы. А телевидение сделало очевидцем происходящего все остальное человечество. Это были местные выборы, но все равно за ними следил весь мир.

Байерли подумал об этом и улыбнулся.

Но сама толпа не могла вызвать улыбки. Она щетинилась знаменами и плакатами, где на все лады повторялось одно и то же обвинение; Враждебная атмосфера сгустилась до того, что была почти ощутима.

С самого начала речь не пользовалась успехом. Ее покрывал рев толпы и ритмические выкрики кучек фундаменталистов, которые образовали в толпе целые островки. Байерли продолжал говорить, медленно и бесстрастно...

В комнате Лентон схватился за голову и застонал. Он ждал кровопролития.

Передние ряды толпы заволновались. Вперед проталкивался костлявый гражданин с выпученными глазами, в костюме, слишком коротком для его тощих конечностей. Полицейский, бросившийся за ним, медленно и с трудом пробивался сквозь толпу. Байерли сердитым взмахом руки остановил его.

Тощий человек был уже под самым балконом. Его слов не было слышно из-за рева толпы. Байерли наклонился вперед.

– Что вы сказали? Если вы хотите задать мне законный вопрос, я отвечу. – Он повернулся к стоявшему рядом полицейскому. – Проведите его сюда.

Толпа напряглась. В разных местах слышались крики «Тише!», которые слились в общий гомон, а потом понемногу утихли. Тощий человек, красный и задыхающийся, предстал перед Байерли.

Байерли сказал:

– Вы хотите что-то спросить?

Тощий человек впился в него глазами и произнес надтреснутым голосом:

– Ударьте меня!

С неожиданной энергией он выставил вперед подбородок.

– Ударьте меня! Вы утверждаете, что вы не робот. Докажите это. Вы не сможете ударить человека, чудовище!

Наступила странная, пустая, мертвая тишина. Ее прорезал голос Байерли:

– У меня нет причин вас бить.

Тощий человек дико захохотал.

– Вы не можете меня ударить! Вы не ударите меня! Вы не человек! Вы чудовище, которое притворилось человеком!

И Стивен Байерли, стиснув зубы, на глазах у тысяч людей, смотревших на него с площади, и миллионов, глядевших на экраны телевизоров, размахнулся и нанес ему могучий удар в челюсть. Тощий человек упал навзничь без сознания. Лицо его выражало одно лишь бессмысленное изумление.

Байерли сказал:

– Мне очень жаль... Возьмите его в дом и устройте поудобнее. Когда я освобожусь, я хочу с ним поговорить.

И когда доктор Кэлвин, развернув свою машину, отъехала, только один репортер успел прийти в себя настолько, чтобы броситься за ней и выкрикнуть вопрос, который она не расслышала.

Обернувшись, Сьюзен Кэлвин прокричала:

– Он – человек!

Этого было достаточно. Репортер понесся прочь.

Вся остальная часть речи была произнесена, но ее никто не услышал.

...Доктор Кэлвин и Стивен Байерли встретились еще раз – за неделю до того, как он принял присягу, вступая в должность мэра. Было уже далеко за полночь.

Доктор Кэлвин сказала:

– Вы как будто не устали.

Новый мэр улыбнулся:

– Я могу еще задержаться. Только не говорите Куинну.

– Не скажу. Кстати, у Куинна была интересная версия. Жаль, что вы ее опровергли. Вы, вероятно, знаете, в чем она заключалась?

– Частично,

– Она была в высшей степени драматической.

Стивен Байерли был молодой юрист, хороший оратор, большой идеалист и увлекался биофизикой. Кстати, вы интересуетесь роботехникой, мистер Байерли?

– Только с юридической стороны.

– А тот Стивен Байерли интересовался. Но произошла автомобильная катастрофа. Жена Байерли погибла. Ему пришлось еще хуже. Его ноги были искалечены, лицо изуродовано; он лишился голоса, пострадал отчасти и его рассудок. Он отказался от пластической операции и удалился от мира. Его карьера погибла, у него остался только его ум и руки. Каким-то образом ему удалось достать позитронный мозг, самый сложный, способный решать этические проблемы. А это высшее достижение роботехники. Он нарастил тело вокруг такого мозга. Он сделал из него все, чем он мог бы быть сам. Он послал его в мир в качестве Стивена Байерли, а сам остался старым учителем-калекой, которого никто никогда не видел...

– К несчастью, – сказал новый мэр, – я все это опроверг, ударив человека. Судя по газетам, ваш официальный приговор гласил, что я человек.

– Как это случилось? Расскажите мне. Это не могло быть случайностью.

– Ну, это была не совсем случайность. Большую часть работы проделал Куинн. Мои люди качали потихоньку распространять слух, что я ни разу в жизни не ударил человека; что я не способен ударить человека; что если я не сделаю этого, когда меня будут провоцировать, это, наверное, докажет, что я робот. Поэтому я устроил свое глупое публичное выступление, вокруг которого была создана такая шумиха, и почти неизбежно какой-нибудь дурак должен был клюнуть. По сути дела, это был дешевый трюк. В таких случаях все зависит от искусственно созданной атмосферы. Конечно, эмоциональный эффект обеспечил мое избрание,

чего я и добивался. Робопсихолог кивнула.

– Я вижу, что вы вторгаетесь в мою область, – вероятно, это неизбежно для любого политического деятеля. Но я жалею, что получилось именно так. Я люблю роботов. Я люблю их гораздо больше, чем людей. Если бы был создан робот, способный стать общественным деятелем, он был бы самым лучшим из них. По законам роботехники, он не мог бы причинять людям зла, был бы чужд тирании, подкупа, глупости или предрассудков. И прослужив некоторое время, он ушел бы в отставку, хотя он и бессмертен, – ведь для него было бы невозможно огорчить людей, дав им понять, что ими управляет робот. Это было бы почти идеально.

– Разве что робот мог бы не справиться с делом из-за коренных недостатков своего мозга. Ведь позитронный мозг по своей сложности не может сравниться с человеческим.

– У него были бы советники. Даже человеческий мозг не может управлять без помощников.

Байерли серьезно взглянул на Сьюзен Кэлвин.

– Почему вы улыбаетесь, доктор Кэлвин?

– Потому что Куинн предусмотрел не все.

– Вы хотите сказать, что эту его версию можно было бы дополнить?

– Да, только одной деталью. Этот Стивен Байерли, о котором говорил мистер Куинн, этот калека перед выборами провел три месяца за городом по каким-то таинственным причинам. Он вернулся как раз к вашему знаменитому выступлению. А в конце концов он мог и еще раз сделать то, что он уже сделал. Тем более что задача была гораздо проще.

– Я вас не совсем понимаю.

Доктор Кэлвин встала и оправила костюм. Она, очевидно, была готова уйти.

– Я хочу сказать, что есть один случай, когда робот может ударить человека, не нарушив Первого Закона. Только один случай...

– Когда же?

Доктор Кэлвин была уже в дверях. Она спокойно произнесла:

– Когда человек, которого нужно ударить, – просто другой робот.

Она широко улыбнулась. Ее худое лицо сияло.

– До свидания, мистер Байерли. Я надеюсь, что еще буду голосовать за вас через пять лет – на выборах Координатора.

Стивен Байерли усмехнулся!

– Ну, до этого еще далеко...

Дверь за ней закрылась.

Пораженный, я уставился на нее:

– Это правда?

– До последнего слова, – ответила она.

– И великий Байерли был просто робот?

– О, этого мы никогда не узнаем. Думаю, что да. Но когда он решил умереть, то распорядился, чтобы его тело уничтожили, так что доказать теперь ничего невозможно. И потом – какая разница?

– Ну, знаете...

– Вы тоже разделяете предрассудки против роботов. А зря. Он был очень хорошим мэром... Вот и все, – произнесла Сьюзен Кэлвин, вставая. – Я видела, как все это начиналось, – с того времени, когда бедные роботы еще не умели говорить. Больше я уже ничего не увижу. Моя жизнь окончена. Вам предстоит увидеть, что будет дальше.

Я больше не видел Сьюзен Кэлвин. Месяц назад она умерла.